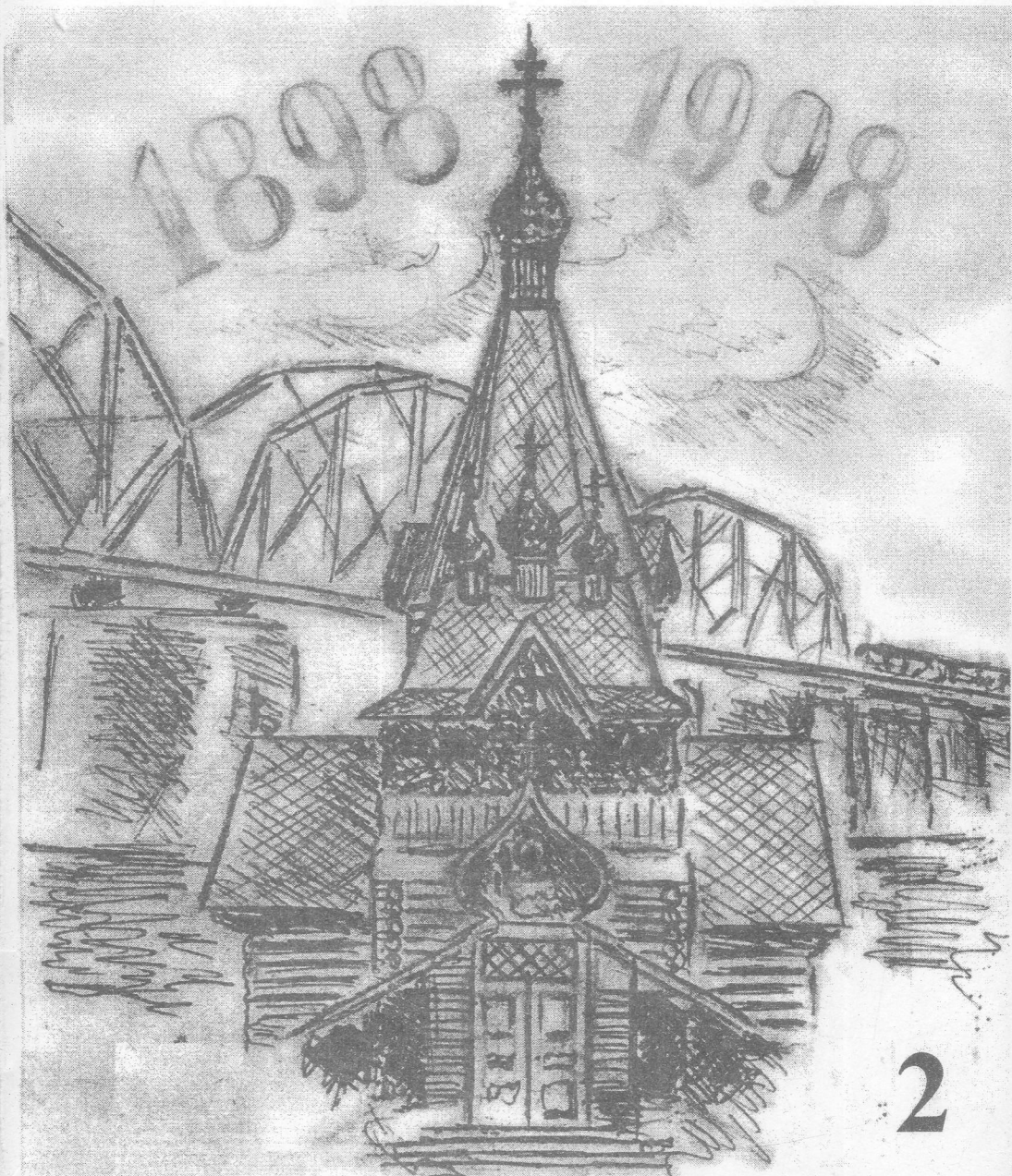

Н599074

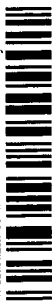
ПРИСТАНЬ НА СУНГАРИ

2

4-30

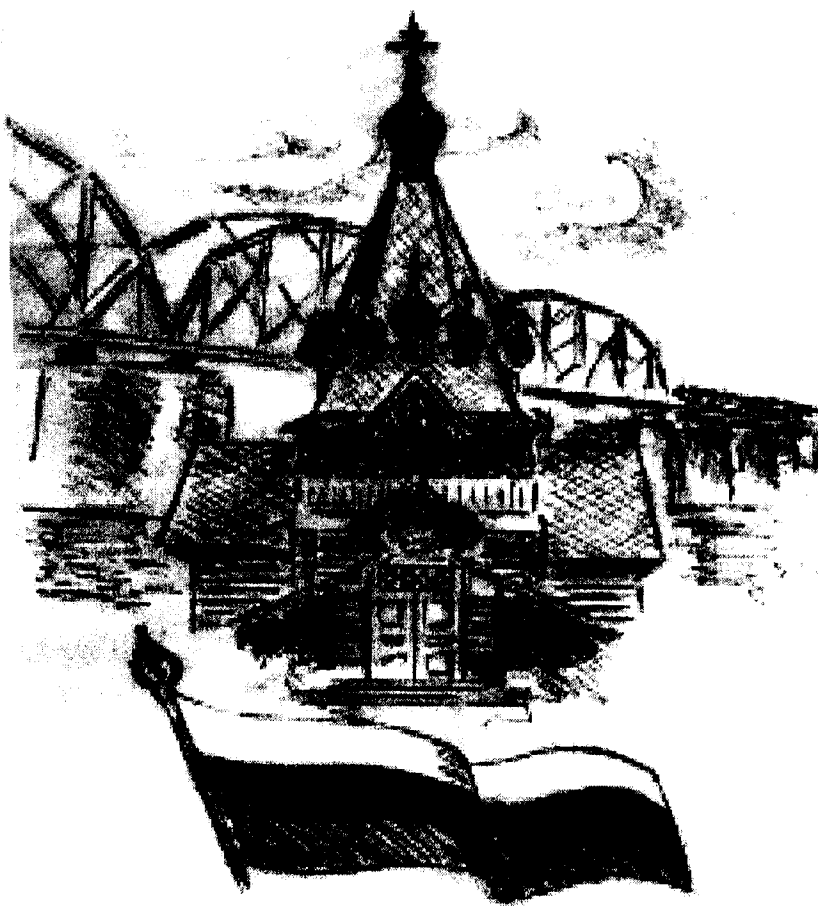
V.N. Karazin Kharkiv National University

00569845

1

T3(4/8)Hilvaci

ПРИСТАНЬ НА СУНГАРИ

(Сновидения)

Счастье, Дом, Любовь, Судьба, Вера

<i>КВЖД</i>	• 1
<i>История Харбина</i>	• 2
<i>Российская политика</i>	• 3
<i>Торговля, промышленность</i>	• 4
<i>Религия, культура, быт</i>	• 5
<i>Судьба или рок</i>	• 6
<i>Отчуждение, отторжение</i>	• 7
<i>Рассеяние и возвращение</i>	• 8
<i>Забвение и память</i>	• 9
<i>И новые адреса</i>	• 10

Историко-филологический сборник
(статьи и заметки)

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

II

Автор и составитель - Левитский В.В.

Художник - Галактионов П.И.

Спонсор выпуска - Селивёрстова Л.С.

(14) 9/0

08 H599 074
1998
Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
№

Содержание

I. РОКОВОЙ ЗОВ, ТАИНСТВЕННА ДОЛЯ

Магия приговора	5
Мистика и переживания реальности	10
Философия эмиграции	23
Человеческое счастье и прогресс	35
Люди гибнут за металл	48
Умиротворенная мудрость спокойствия	54

II. КУЛЬТУРА И СИЛА СЛОВЕСТНОСТИ

Учитель, который живет в памяти	70
Мирандов. Биографические сведения	73
Мирандов. Путь к сердцу ученика	75
Мирандов. Метод объяснения новых слов	91
Письмо И.А.Мирандова сыну	102
Из отзывов о коллеге	103
Л.Мельникова. Воспоминания ученицы	104
Судьба	109

III. РОМАНТИКА ПРОШЛОГО

КВЖДнцы в Санкт-Петербурге	120
Встречаются харбинцы в Шатуре	166
Размышления после встречи	189

Приложение	212
------------------	-----

I РОКОВОЙ ЗОВ, ТАИНСТВЕННА ДОЛЯ

МАГИЯ ПРИГОВОРА

Это именитое лицо нынче уже не нуждается в представлении. Тогда он пострадал от братоубийственной ненависти. Провидчески и жёстко сам изрёк неотвратимое. Пророческие и роковые слова жгли и в конечном счёте привели на Голгофу самоприговорённого поэта. После неотвратимого ухода земного человека в бездну неизвестности, или царство теней, на его родине и брэнной земле ещё задерживаются отзвуки его голоса, эхо боли. Нам в кратковременной суете сует достаются от предшественников в лучшем случае их имена, скрижали и «части речи», по тонкому наблюдению другого оракула, тоже талантливо-го и более удачливого скитальца. Неистребимо чувство живой плоти слова, чуткость и способность вникать в самую его сердцевину, в душу... Б. Можаяев вспоминал: «Впервые о поэте Несмелове я услышал в Китае в 1949 году. Из Порт-Артура ездил в Дальний - получать котлы для своего «объекта». Посредником нашей сделки оказался русский эмигрант, работавший в порту экспедитором иностранной фирмы... Итак, мы оказались в ресторане, на крыше огромного торгового дома русского купца Чурина. Распивая прекрасную чуринскую водку «Жемчуг», болтая о том о сём, я спросил его: не из офицеров ли он? Он ответил уклончиво, что всё было, да сплыло, ушло, мол, вместе с Россией в воспоминания... Затем глубоко затянулся сигаретой, откинулся и, глядя куда-то поверх моей головы, стал читать стихи... Я был захвачен этой мерной волновой плавностью стиха, этой броской изобразительностью, этим саднящим, хватающим за сердце ностальгическим чувством отчаяния и непонятной, потрясающей твёрдостью духа при падении в бездну неизбежности. «Какой поэт!» - только и выдохнул я... Не то чтобы у Арсения Несмелова всё было равноценно и безупречно. Нет, конечно. Попадаются и стихи скороспелые, даже неряшливые, слова проходные, рифмы банальные. Увы, и это есть. Да и как не быть. Поэт почти всю жизнь прожил то в боях двух войн, то в изгнании вдали от родины, в захолустном Харбине, «в духоте, в маете», как скажет он потом в поэме «Протопопица» о своём герое Аввакуме. И смерть он принял такую же мученическую, как протопоп, - погиб в гродековской пересыльной тюрьме в сентябре 1945 года»¹.

¹ «Новый мир», 1991, № 4, с.135-139

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние, растёт.
Уж лиц не различить на пароходе.

Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
Басовое взывание сирены.
И вот корма. И за кормой - тесьма
Клубящейся, все уносящей пены.

Сегодня мили и десятки миль,
А завтра сотни, тысячи - завеса.
И я печаль свою переломил,
Как лезвие. У самого эфеса.

Пойдёмте же! Не возвратится вспять
Тяжёлая ревущая громада.
Зачем рыдать и руки простирать?
Ни призывать, ни проклинать не надо.

Но по ночам - заветную строфу
Боюсь начать, изгнанием подрублен, -
Упорно прорубающий тайфун,
Ты близок мне, гигант четырёхтрубный!

Скрипят борта. Ни искры впереди,
С горы и в пропасть!.. Но обувший уши
В наушники, не думает радист
Бросать сигнал: «Спасите наши души!»

Я, как спортсмен, любуюсь на тебя
(Что проиграю - дуться не причина)
И думаю, по-новому любя:
«Петровская закваска... Молодчина!»

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Была похожа на тяжёлый гроб
Большая лодка, и китаец грёб,
И вёсла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвёздная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.
Слепой фонарь качался на корме, -
Живая точка в безысходной тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и нищий...
Крутились волны, и неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медленно поскрипывало днище.
И показалось мне, что не меня,
В мерцании бессильного огня,
На берег, на неведомую сушу -
Влечёт гребец безмолвный, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несёт, а душу.

МОИМ СУДЬЯМ

Часто снится: я в обширном зале...
Слыша поступь тяжкую свою,
Я пройду, куда мне указали,
Сяду на позорную скамью.

Сяду, встану, - много раз поднимут
Господа в мундирах за столом.
Все они с меня покровы снимут,
Буду я стоять в стыде нагом.

Сколько раз они меня заставят
Жизнь мою трести-перетряхать.
И уйдут. И одного оставят,
А потом как червяка раздавят
Тысячепудовым: расстрелять!

Заторопит конвоир: «Не мешкай!»
Кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!»
С никому не нужною усмешкой
Подниму свой непокорный взгляд.

А потом - томительные ночи
Обступившей, непроломной тьмы.
Что длиннее, но и что короче
Их, рожденных сумраком тюрьмы.
К надписям предшественников - имя
Я прибавлю горькое своё.
Сладостное: «Боже, помяни мя»
Выскоблит тупое остриё.

Всё земное отженю, оставлю,
Стану сердцем сумрачно-суров,
И, как зверь, почувствовавший травлю,
Вздогну на залязгавший засов.

И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы,
Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы!

ПОТОМКУ

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперёд перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае»,
О судьбе изгнанников печальной
Юноша задумается дальний.

На мгновенье встретятся глаза
Сущего и бывшего: котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезна, потомок:

- Горек путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?

Где-то упомянут, - со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:
«Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казнённых закидали!

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш!
Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен.
Потому что в плен тогда не брали!»

И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезёй неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза.
И опять - года, года, года,
До трубы Последнего суда!

Альфред Хейдок - один из давно забытых харбинских литераторов. В противоречивом и странном веке нашем он преодолел и познал все трудности и предназначение своего пути. Исколесив и обозрев полсвета, мудрец продолжает эту жизнь почти полные столет. По мне, такое долготерпение ныне уже само по себе поразительно. Сверх того, исключительна и необычайна человеческая судьба, сама личность, упорство духа, высота и чуткость мировосприятия. И он автор пронзительной книги.

В «Автобиографических заметках» А.Хейдок в наши дни, считайте, в столетнем возрасте, пишет о себе сжато и мудро: «В kaleйдоскопе событий моей жизни фигурирует пребывание на Западном фронте в течение всей первой мировой войны; участие в революции; женитьба; тщетные попытки создать себе мирное существование на Дальнем Востоке; эмиграция в Китай; литературная деятельность; преподавание в двух высших китайских учебных заведениях; переселение в Шанхай; возвращение в Советский Союз; арест и годы заключения; освобождение и пребывание в Казахстане; переселение на Алтай...». Жизнь человека таинственна и удивительна, если проникнуть в её тайный смысл.

Родился А.Хейдок в 1892 году в провинциальной Латвии и прожил там самые первые шестнадцать лет. Даже работая в кузнице в своём хуторе, он с детства мечтал быть писателем. То были исторические годы русско-японской войны, Цусимы, первой русской революции и реакции. Из Латвии Хейдоки переезжают в Верхневолжье, и Альфред шесть лет, с 1908 года и до начала I мировой войны, живёт в Тверской губернии. В 1914 году уходит на фронт добровольцем. Воевал на Втором фронте. Миллионы таких, как он, «солдатскими сапогами месили галицийские поля на великой войне; потом вернулись к отцовским очагам и не нашли ни очагов, ни отцов, а узнали, что они сами - буржуи и враги народа».

Гражданская война застала его на службе в штабе Амурской армии. Белые терпят крушение и бегут в Китай. После Маньчжурии А.Хейдок поселяется в Харбине. Здесь он начинает публиковаться в журнале «Рубеж». Первый его рассказ увидел свет в 1928 году. Вскоре А.Хейдок-прозаик и журналист получает известность в читательских кругах дальневосточной волны эмиграции. В 1934

году напечатана книга чудесных рассказов «Звёзды Маньчжурии». В авторском посвящении вовсе не случайны слова: «Моему великому Учителю Н.К.Рериху, чьи произведения, как кисти, так и пера, служили мне светлыми маяками в оглушающем мраке жизни, с благоговением преподношу свой скромный труд. А.Хейдок. Харбин, 11.09.1934 г.». Николай Константинович Рерих отмечал в предисловии к книге, что в рассказах Хейдока «всюду внимание останавливается на чертах больших реальностей, которые уводят читателя в область высоких представлений». В них «особенно звучат боль и тайна, которые нигде, как в Азии, не сочетаются так убедительно».

Тексты литературных произведений - словесность - скрывают опыт и драму жизни поколения, его мысли и искания, воспоминания и надежды, переживания и боли. Рассказы Хейдока населены богами и демонами. Они пронизаны мифами и восточной мистикой, суеверием и колдовством, туманами и наваждениями, чувством таинства и беспредельности мира, древней мудростью и вечными истинами природы. Они балансируют на грани забвения и пробуждения, уводят в запредельные пространства жизни и смерти, поэтизируя и соблазняя мифологией вечного круговорота, перевоплощения, переселения душ. Автор верит и внушает, что «в этом мире есть что-то ещё», «не только коммерция». В рассказах привлекают смелость и мужественность поступков. Вместе с тем сильный мотив фатальной предначертанности, предназначенности, роковой неотвратимости внешних событий явственно прочерчивает свою линию и мелодию в картине романтически-туманных чувств и снов. Мироощущение и мировидение в них сплошь одухотворенны и фантастичны. Тема возвращения домой и трагической обречённости репатриации, видно, столь глубинна и укоренилась в подсознании, что будоражит во сне. То был вещий сон.

«- Куда же весь этот народ едет?

- Куда-куда? - удивляется он. - С луны вы свалились? Домой, в Россию едем! Большевиков прогнали, - всей нашей маете конец пришёл... » («Храм снов»).

Без преувеличения, рассказы А.Хейдока таинственны, увлекательны, неожиданны и художественно убедительны. Вчитайтесь: «Такая же мгла суеверия клубилась во мне, я опасался духов гор и тёмного бора, и грозно нахмуренные очи лесного царя чудились

мне меж замшелых стволов. Я вспомнил, что тропа, по которой я ехал, считалась заколдованной, и в облако страха укуталась моя смятенная душа.

Тогда я задумался - почему вся жизнь полна страха и тревог? Почему сильный всегда поедает слабого, хотя бы последний и был прав?

Так а и не нашёл ответа... » («Песнь Валгунты»).

« Тихо я слез с коня и стал отворять двери. И вместе с тем в моём сознании стала открываться другая дверь, ведущая меня обратно в нынешний век, - в спальню скромного комиссионера, и я - проснулся.

А теперь я часто задумываюсь о блуждающем по заколдованным тропам человечестве и стараюсь развить мысль, запавшую в смятенную душу дикаря Оствага: не была ли женская и материнская любовь тем семенем, из которого - из века в век - росла и развивалась мысль о любви всечеловеческой?» («Песнь Валгунты»).

« В каждом селении островков, пожалуй, найдётся такой колдун, потому что даже в самой немудрящей жизни человек сталкивается с вопросами, где его опыт недостаточен. Тут на помощь приходит древняя мудрость. Её вопрошает поверженный в несчастье и получает точные и исчерпывающие ответы, присоединив которые к своей детской вере, он начинает чувствовать себя сравнительно сносно. Его же просвещённый собрат в подобных случаях стучается лбом о стену собственного неверия и, в большинстве случаев, оставляет коротенькую записку: «В смерти моей прошу никого не винить» («Миами»).

« ...если в самом деле он существовал, - то я снова влюблённы-ми глазами смотрю на мир и скажу: - «Он вовсе не так плох: в нём, кроме коммерции, есть ещё кое-что!» («Миами»).

« Имена богов и демонов в фантастическом танце заплясали вокруг меня, пока я упорно раздумывал - на что они мне и ему, людям без родины и денег, которым больше всего следовало задуматься о целостности своих сапог и о своих тощих животах» («Храм снов»).

«Девушка или женщина, - я не знаю, - она по своему типу не напоминала ни одной из знакомых мне восточных народностей; и она была красива какой-то надломленной красотой, которая в самой своей основе уже как бы трагически обречена.

И опять та же печать невыносимого страдания на лице, какую я уже видел в этот день!

-По этой дороге идут только печали ... и мы! - прошептал я испуганно и поспешил уткнуться в жёсткую землю, чтобы уснуть» («Храм снов»).

«Она - дочь бежавшего с каторги русского, который обосновался в Бухаре и женился там на туземке. Она получила образование в России, где после смерти отца вышла замуж за одного из тех, кого теперь называют врагами народа... Муж расстрелян, она томила в подвалах чека; затем, соблазнившись её привлекательностью, власть имущие передавали её друг другу, или, вернее сказать - вырывали один у другого...

Её глаза видели величайшее унижение женщины, ставшей вещью, и теперь она ничему не верит» («Храм снов»). И это 1934 год. «Дневник Рязанцева подобран мною на путях беженцев, по пустыням и дебрям устремившихся во все закоулки мира.

На том месте, где я его нашёл, лежало много человеческих костей и кости одного верблюда. Вероятно, все семь пуль прапорщика очень емугодились.

Один скелет был небольшой. Судя по дневнику, он может принадлежать Зелле.

Тут же валялась фуражка российского военного образца, аккуратно пробитая пулей. Глядя на неё, я наполнился диким восторгом: как хорошо он умирал за жизнь!» («Храм снов»).

«Звёзды Маньчжурии» А.Хейдока - это, действительно, хорошая проза. Конечно, это далеко не соцреализм, однако насколько же нужно быть предвзятым и услужливым, циничным и бесчувственным, чтобы не уловить громадного напряжения и внутренних токов и к имени замечательного мастера прищёпнуть дешёвенький и оскорбительный, как пощёчина, политический ярлык «мелкого международного бродяги и мистика», ну конечно же, как напишет Л.Резников в «Советской России», за его «типичную белогвардейскую романтику».

Сколько высокомерия, низости и политиканства, чиновничье-го отношения к творчеству и живому литературному процессу скрывается в классово ориентированной и клановой критике! К счастью, человеком достойным, восприимчивым и, безусловно, тонким показал себя Владимир Бондаренко, продемонстрировав иное отношение, другой уровень культуры и стиль критики, отметив-

ший с искренним благородством в «Литературной России» (1989, 14 июля), что мы сегодня, обращаясь к рассказам Альфреда Хейдока, встречаемся с «какой неожиданной, смелой, талантливой прозой». То «Безумие жёлтых пустынь» и «Шествие мёртвых».

Поразительная книга «Звёзды Маньчжурии» опубликована 57 лет назад в Нью-Йорке. Естественно, мало кто из нас читал и помнит её. От этого издания едва ли сохранилось в мире несколько экземпляров. Впрочем, как и от сотен других русских книг, написанных в те годы и изданных за рубежом. Журнал «Даугава» (1989, №12; 1990, №1) сделал не просто доброе дело. Опубликовав семь рассказов из книги, журнал приоткрывает нам забытый уголок российской словесности и эмигрантской культуры. Новый мир завораживает читателя. Замечательные рассказы стоит прочесть сегодня: «Три осечки (Рассказ волонтера из русского отряда Чжан Цзу-чана)», «Маньчжурская принцесса», «Призрак Алексея Бельского», «Храм снов (Из найденного дневника прапорщика Рязанцева)», «Песнь Валгунты», «Миами», «Чёрная палатка». Рассказы помогут понять нам состояние большой массы россиян, однажды проснувшихся на чужой стороне и оставшихся без средств, без опоры, без почвы, без земли. Неожиданный переход привычного порядка в бесформенный хаос. И это передаёт страшную потерянность человека, бессильного в одиночестве, - от грубого разрушения всех устоев, государственных, общественных и семейных, от социальных потрясений и унижений. Потомкам тех героев и изгоев уже в наше новое смутное время жизненно важно хоть частично расшифровать отдельные биографические символы, чтобы осмыслить метафизически опыт собственной кровавой истории, должно быть, как-то записанный в глубинах генетической памяти рода, если он имеет продолжение.

Вспомним, что в 1922-23 годах в Северную Маньчжурию с поверженным белым знаменем хлынули бесформенные потоки беженцев из России. Особенно много скопилось их в Харбине, построенном русскими железнодорожниками в начале столетия, вместе с КВЖД. Естественно, какое-то время Харбин продолжал играть роль дальневосточного центра белого движения. Однако жизнь и существование российской эмиграции тогда и там, конечно же, были многоцветней, путанней и неопределенней, чем это можно представить теперь со стороны и издалека.

По числу газет и журналов, издающихся за рубежом на русском языке, на первом месте оказывается Маньчжурия и прежде всего город Харбин первой трети нашего века. Там на долю русскоязычной прессы приходится в целом чуть меньше 300 названий: «Клондайк», «Новости жизни», «Харбинский Вестник», «Свет», «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Русский голос», «Копейка», «Эхо», «Вперёд», «Россия», «Дальневосточная жизнь», «Трибуна», «Вестник Востока», «Девятый вал», «Новая жизнь», «Новости жизни», «Молва», «Мир», «Речь», «Живое слово», «Коммерческий телеграф» и другие газеты. Журналы и сборники: «Еврейская жизнь», «Вестник железнодорожников», «Вестник Азии», «Известия Общества Изучения Маньчжурского Края», «Известия Юридического факультета», «Ориенто», «Восток», «Методический Христианский Поборник», «Бюллетень», «Утро», «ХСМЛ», «Хлеб небесный», «Путь Христов», «Единство» и другие. В Харбине двадцатых годов выходило до десяти и более русских газет, а русского населения проживало тогда в городе до ста тысяч человек, включая послереволюционную волну белого беженства, и край переживал тяжёлый экономический кризис.

Но что даёт просто перечень названий русских газет и журналов в чужом городе, где пристроился на время А.Хейдок, если не представить себе живых участников драмы, человеческих устремлений и дерзаний, отношений, потребностей и интересов, их борьбы, соперничества, конкуренции и споров, содержания и результатов труда и творчества, таланта и трудностей?! Десятки и сотни имён репортеров, очеркистов, политиков и сатириков, прозаиков и поэтов, учёных и коммерсантов, людей различной судьбы, положения и одарённости, тысячи их произведений, текстов, различных по жанру и по качеству, по направленности и по внятности, - это целый литературный мир и мир идей. Вместе с восприятием и реакцией читателей (общественности) он образует харбинскую культуру, важнейшую часть гражданского общества и жизни русской колонии. Некогда это был живой организм. Потом он был разъят, исчез с поверхности жизни, разложился. Всё обрывается и теряется в прошлом. Может быть, назначение прошлого - держаться в памяти и служить будущему...

Что же стало дальше?

В 1932 году Харбин занимают японцы, и тогда многие европейцы покидают его. А.Хейдок перебирается в Шанхай. Там более тёплый климат и другие условия. Со временем он становится председателем секции русских писателей Шанхая. Живя в политизированном мире и в резко поляризованной к тому времени эмигрантской среде, по-моему, и он не избежал ностальгического психоза и идеологической борьбы в себе и с собой. С началом Отечественной войны События определяют патриотический настрой, обостряют чувства и выносят его, как и А.Вертинского, определенно на просоветские позиции в политическом противостоянии. Его тянет на Родину, и в августе 1947 года А.Хейдок с женой и сыном репатрируется (это примерно в одно время с Натальей Ильиной): порт Находка, а оттуда на Урал, город Североуральск Свердловской области. Там очень недолго он преподаёт английский язык, служит юристконсультантом и занимается литературной работой. Продолжается переписка с Рерихами, которые также собираются в Россию.

Репатриантов, конечно, арестовывают, и Хейдок приговаривается к десяти годам лагерей на Крайнем Севере. В сентябре 1956 года его выпускают на свободу. (Дальше я буду цитировать Владимира Бондаренко). «... но весь его богатейший архив, содержащий массу уникальных документов русской дальневосточной эмиграции, его рукописи, переводы буддистской философии - всё было уничтожено». «Опубликовал в 1958 году свой новый рассказ в газете «Омский рабочий», показывал свои произведения несколько раз в местные писательские организации, но никакого интереса не замечал. Чересчур его проза да и его судьба были необычны, загадочны, таинственны, мистичны - для российской писательской провинции. Хотя за эти десятилетия написано им немало нового - фантастические повести «Меч Торвальда», «Навсегда» (1979-1981 гг.), переводы трудов Е.Блаватской «Тайная доктрина», «Разоблаченная Изида», рассказы «Летят утки», «На зачарованных путях», работа о Сергии Радонежском, философские записи «Моя концепция». И, наконец, заключительная фраза-призыв, как крик (но писательский союз и все мы мимо): «Давайте поможем, чем можем, ныне живущему в крайне стеснённых условиях, непонятному даже собственным соседям девяностосемилетнему русскому писателю Альфреду Петровичу Хейдоку, живущему по адресу:

Алтайский край. Город Змеиногоorsk, ул. Волкова, д. 56, кв. 6. Он нуждается в нашей поддержке, в нашем понимании, в своём читателе. Владимир Бондаренко».

Эта история и трагедия жизни мне стала известна в октябре 1991 года, когда в гостях у знакомых случайно попался в руки журнал «Даутава» с рассказами А.Хейдока. Сразу написал письмо в Змеиногоorsk. Но ответа не получил. Теперь мне кажется, что фамилия эта встречалась уже где-то и прежде, но не задержала моего внимания и - до реально-мистических аллюзий вечности и фантастических припоминаний драмы бытия - не задевала.

Для меня привлекательность и неординарность прозы А.Хейдока прежде всего в мистическом ключе содержания рассказов, с их беспощадным антисоциализмом, в дерзновенном и образном осмыслении земной и бренной жизни в безграничном и сияющем мире идеального, в запредельности и незамкнутости философии автора рамками лишь одной культуры, европейской или азиатской мифологией.

Как видно, А.Хейдок находился в зоне притяжения мистицизма. Можно догадываться, что он был увлечённым последователем мистической доктрины Елены Петровны Блаватской (1831-1891), некогда знаменитой в своём роде русской писательницы, основательницы необуддизма, своеобразного религиозного учения, представляющего собой оригинальное сочетание мистики буддизма и других восточных вероучений с элементами оккультизма и неортодоксального христианства. В результате путешествий по Тибету и Индии ею написаны историко-этнографические очерки «Из пещер и дебрей Индостана» (1883, под псевдонимом Радда-Бай). Под влиянием восточной философии она основала в 1875 году в Нью-Йорке Теософическое общество. О критическом отношении к теософии свидетельствует, в частности, «разоблачение» современной жрицы Изида со стороны Вс. С. Соловьёва. Владимир Соловьёв также живо интересовался восточной мистикой и вопросами необуддизма, написав рецензию на одну из главных книг Блаватской, по-видимому, как раз и переведённой впоследствии с английского языка А.Хейдоком.

Небрежно отмахнуться от исторически значимой пробы-попытки и цельного пласта всечеловеческой культуры и перечеркнуть творческий труд, экстаз и старания взаимодействия и обогаще-

ния нашей духовности - недостойно человека. Береги нас, Боже, впредь от такого варварства, пошлого самодовольства и самомнения. Вульгарная чванливость, проявление националистического и ограниченно-классового высокомерия, феодальная скованность, зависимость и безынициативность неизбежно ведут к системной деградации и стагнации социального и природного организма.

Теперь мне хочется узнать о А.Хейдоке ещё и ещё, по возможности, чтобы понять его лично. Для этого надо прочесть написанные им работы. Будем надеяться, что они всё же достойны быть по-человечески опубликованными. Каждый человек, безусловно (неловко об этом писать), по-своему ценен, всякая жизнь, как творение, всегда неповторима, штучна и поучительна. Пока не знаю об этом точно, но у меня есть предчувствие и домыслы, что уникальное земное существование писателя-философа символично, значительно, ярко, изящно и тернисто. Если ещё окончательно не потеряны нами родовой инстинкт, мы должны ощутить невозможность, осознать невыносимость и дальше пренебрегать и бросаться редкими человеческими ценностями, их судьбами. Ведь уже замечено, что с тех пор, как обезличивание, выравнивание по малому и массовка, или всеобщее опрощение, практически сделались социальной политикой, наблюдается катастрофическое падение культуры и предельное обеднение генофонда нации. Замыкаясь в интересах и потребностях исключительно на себе и только на своих, упорно отстраняясь от культуры и духовной жизни остальных и отказываясь им сочувствовать, сопереживать, вживаться и учиться с ними на универсальном опыте, забывая чувство всеединства человечества, мы очень обедняем себя и рискуем. Иногда кажется, что мы до обидного нелюбознательны, ограничены, замкнуты и этим бесперспективны исторически.

Русская культура в Харбине, обогащенная Востоком, питала российскую колонию и беженцев надеждой и давала смысл и пространство их суетному существованию. Культура оберегала и спасала всех. Общинность, как могла, защищала людей от разброда, от упадка, от разрушения. Это было совсем не просто сохраниться личности, выдержать напор стихийных сил и продолжаться.

В Маньчжурии русских, как и представителей других национальностей из России, китайцы называли по-своему - лаомоза. Русский обыватель не лез в карман за словом, и в ответ неслоь

оскорбительное: «фазан». Те и другие сосуществовали, и история межнационального общения, взаимодействия и сотрудничества довольно поучительна. Её следует помнить. Мы должны разбираться и понимать себя и своих соседей настолько, насколько это возможно в принципе.

Встарь русские проникали на территорию Северной Маньчжурии и в Китай и по своей доброй воле, и невольно. В нашем веке, однако, многих россиян забросила туда судьба. Сначала мировая война, затем сразу революции одна за другой и потянувшаяся за ними российская смута раскололи общество, лишив его устоев. Началась величайшая - от моря и до моря - трагедия, в которой эгоистические и сектантские инстинкты и зверские страсти преобладали, преобладая над правом, общечеловеческими ценностями, национальными интересами. В разыгравшемся роковом спектакле все роли и маски были разобраны и распределены беспощадно, фатально и по случайному доставшемуся или выбранному цвету мести - кровавому и смертельному. Огромнейшая страна попала во мрак сплошного безумия и повального психоза. В вихре идеологической непримиримости и нетерпимости, в азарте ожесточения, в кошмаре буйного помешательства, свирепствуя и свирепея, шла яростная сеча и бешеная бойня - не на выживание и примирение, а на жестокое уничтожение и братоубийство. Боги покарали людей, лишив их чести и разума. И когда у белых после тщетных скитаний по провинциям и окраинам в конце концов не осталось места в своей стране и никаких шансов, не было свободы выбора - по пятам неслась беспощадно красная смерть, - они бросили всё и поплыли за границу. После этого (1922 год) для них и - проклятье? - их детей и внуков началась дорога долгого скитания, бесславия и эмигрантского унижения.

Срединное государство по издавна установившейся традиции принимало беглых россиян-лаомоз неохотно, насторожённо, вынужденно и временно. Переселенцы и беженцы из России в значительной мере сохранили себя в Китае этнически. Они не растворились в активном азиатском субстрате, не растеклись по чужому национальному пространству, не рассеялись географически. Культурно-исторический тип российской колонии в Маньчжурии устоял от сколько-нибудь существенной диффузии и смешения благодаря общежитию, совместному и компактному проживанию,

культурной автономии землячества, своей религии, активному и целеустремлённому духовному творчеству населения, чувству Родины, тяге и устремлённости к своей истории, традициям, культуре.

Шли годы... Через тридцать лет, в пятидесятые годы, русские в Китае наконец получают разрешение на въезд в Советский Союз. Началось переселение на Целину. Возвращение - домой! - было долгожданным и для большинства безоглядным, с душевным подъёмом. Люди ждали чуда и надеялись на Преображение.

После разгрома Квантунской армии в Маньчжурии, причастившись к всеобщему победному чувству, эмигрантские массы не могли не испытать гордости и солидарности. Советская Армия воскресила образ Отечества, напомнив о его боевой славе и могуществе. Бездомные скитальцы вдруг услышали в себе отчётливый зов земли предков. Проснулась и возбудилась в них тяга, непреодолимое, единоедушное и стадное, устремление обратно, на свой большой материк. Б.К.Зайцев (1881-1972) - прозаик, драматург, переводчик, в 1922 году эмигрировавший и с 1924 года живший в Париже, близкий к И.А.Бунину, - так вспоминал из своего французского зарубежья о радужных послевоенных мечтах, сомнениях и разочарованиях русских эмигрантов послереволюционной волны, уже постаревших к тому времени: «Когда кончилась война, тут в эмиграции, что вполне естественно, конечно, очень такое патриотическое настроение проявилось. Вот. И на советское правительство многие эмигранты возлагали надежды гораздо большие, чем оно оказалось в действительности. Так. Думали, что вот будет поворот более либеральный такой в политике, больше свободы, больше, ну терпимости и так далее».

Массовая послевоенная репатриация русских из Китая и Маньчжурии, как мы теперь понимаем, была по своей установке в большей мере актом государственным и жестом политическим. Переселенцы здесь встретились с трудностями и непреодолимыми препятствиями, многие прошли тернистый путь. Как выяснилось, они возвращались уже в другую, незнакомую им страну. Репатриантов особенно не ждали, и они вполне испытали общую неустроенность быта, подчас крушение иллюзий, запоздалое осознание заблуждений и разочарование жизнью. Шла нелёгкая борьба за обустройство, самоутверждение и место в обществе. Действительно трагичной была судьба тех, кто, как из первой партии шанхайцев -

репатриантов 1947 года, попался в ловушку ГУЛАГа. Вместо ожидаемой встречи со светлым социализмом они познали суровую кару и понесли наказание за чужие грехи. Люди - идеалисты. Они не могли понять, что гражданская война в нашем мире никогда не кончается. Жаль, но они не знали, что политическая борьба может ловко скрывать свои цели, сущность и лицо, принимать внешне респектабельные формы, от чего она не становится менее коварной. Очевидно, злопамятство нескончаемо, и дьявол не смируется - ему нужны смута и раскол.

Люди, прошедшие через ГУЛАГ, свидетельствуют о встречах в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы в различных лагерях с нашими возвращенцами: со служащими КВЖД, с бывшими белогвардейцами и вообще с «китайцами».

Из «Воспоминаний» Сергея Фуделя: 1946 год - «Теснота в этой камере, где лютеранин стоял на трибуне, была такая, что когда нас приводили на 10 минут и запирали в совсем уж не соответствующую по размерам уборную, то в настоящий обморок от духоты падали даже brave колчаковские полковники, выловленные после окончания войны где-то в Китае».

А. Солженицын, перечисляя категории тех, кто «садится» в тридцатые годы, называет «кавэжэдинцев»: «Все поголовно советские служащие КВЖД оказываются сплошь, включая жён, детей и бабушек, японскими шпионами. Но надо признать, что их брали уже и несколькими годами раньше». «Отзывно и из Маньчжурии в 1945 году полился поток эмигрантов. (Некоторых арестовывали не сразу: целыми семьями приглашали на родину как вольных, а уже здесь разъединяли, слали в ссылку или брали в тюрьму)». «С первой же страницы Чеботарев увидел, что со всеми видными японскими генералами он был запросто и ото всех получил шпионское задание. И он стал перечёркивать страницы. Его избили и выгнали. А взятый вместе с ним другой кавэжэдинец, Благинин, всё то же пройдя, выпил вино, в приятном опьянении подписал - и был расстрелян». «В 1933 году в Хабаровской тюрьме 17 суток голодал С.А. Чеботарев, требуя сообщить семье, где он находится (приехали с КВЖД, и вдруг он «пропал», он беспокоился, что думает жена)». «Мы только наблюдаем, как пёстро смешивались тут переселенцы из Маньчжурии, какие-то иностранно-подданные одиночки (которым и в ссылке не разрешал советский закон сочетаться браком ни

с кем из окружающих ссыльных, а всё же советских); какие-то кавказцы и среднеазиаты, которым за плен не дали по десять лет лагерей, а всего по шесть лет высылки; и даже такие бывшие пленные, сибиряки, которые возвращаемы были в свой родной район и жили там как вольные, без отметок в комендатуре, однако же не имели права выехать из района» (Ал.Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ),

Таков внешне событийный ряд Истории и биографий. В религиозно-метафизическом осмыслении, глубинно и внутренне, все названные и неназванные события, связавшие жизнь и судьбу мятущихся поколений многих народов - наших предков и предшественников, нас самих и потомков, - можно оценить как следствие и результат социальной греховности и слепоты, как испытание человека, его наказание, покаяние, искупление и, может быть, избавление и спасение.

Теперь мы вернёмся к А.Хейдоку. Прочтение его рассказов не оставляет сомнений, что их автор - писатель подлинного дарования и одновременно философ по призванию. Он являет собой сравнительно редкий в русской литературе художественный тип высокой, романтической одарённости, сверхчувственной и надрациональной проницательности. Его образно-мифическое и мистикосимволическое мироощущение было изначально несовместимо с бездушием и безбожием, что оказывало сопротивление поверхностному бытописательству, голому натурализму, связанным с идеологией вульгарного материализма и с культом атеистического рационализма. Подобное мировидение, или мировоззренческий идеал, конечно, не является чем-то исключительным. В 1920 году академик В.И.Вернадский, к примеру, сделал не случайную дневниковую запись: «Я живу всегда - при всей отвлечённости моей природы - в сознании, что рационализирование охватывает небольшую часть духовных проявлений человеческой личности, что разум охватывает далеко не всё и нельзя даже считать его главным и основным решателем жизненных проявлений личности». Долгие годы его вдохновляла идея планетарно-космического эволюционизма, его внутреннему взору открылись поразительные идеи, и он создал учение о ноосфере, о живом веществе, о надбиосферном ярусе жизни и царстве разума свободно мыслящего человечества как единого целого.

Интуиция, наивный взгляд, древнее предчувствие, чудо откровения в целостном восприятии и всеединстве озаряют фантастический мир, с тревожными тенями, с вечными перевоплощениями, с неясными надеждами и призывами, взлётами и падениями духа, со светом свободы и творчества, с тьмой и яростью сопротивления воли - в бесконечном пространстве и времени...

Послесловие.

Статья была уже написана и напечатана, когда пришёл ответ из Змеиногорска на моё письмо Альфреду Хейдоку. Думаю, эти письма можно опубликовать.

I

Глубокоуважаемый Альфред Петрович!

Меня просто пронзили Ваши волшебные рассказы в «Даугаве» (1989-1990 гг.), на которые случайно попал на днях. Спешно достал «Литературную Россию» и прочел ещё два Ваших чудных рассказа, краткую биографию и статью о Вас Вл.Бондаренко. Вы очень близки мне. Если можете, дайте весть о себе как-н. Хочется подержать Вас как-то и узнать Вас ближе.

С искренним уважением /Имярек/ 15 окт. 1991.

II

Ваши тёплые слова в адрес А.П. по поводу «волшебных рассказов...» опоздали ровно на 1,5 года. Столько времени прошло со дня его ухода... О нём пишется книга.

1991

ФИЛОСОФИЯ ЭМИГРАЦИИ

Случайно попался мне и очень пришелся по душе правдивый рассказ-жизнеописание «Писатель» Георгия Георгиевича Демидова (1908-1987). Советую познакомиться с ним харбинцам и их родственникам. Через трагическую повесть и печаль о судьбе одного из них можно почувствовать и понять многое. «Сын белоэмигрантов, вывезенный ещё в отроческом возрасте в далёкую Маньчжурию, Гене добровольно вернулся на родину

в середине тридцатых годов. К этому времени он служил в Харбине в управлении Китайско-Восточной железной дороги, бывшей до 1935 года советской концессией на территории Маньчжоу-Го. Так именовалась в те годы бывшая окраина Небесной Империи, а впоследствии русская колония, превращенная теперь в марионеточное государство, целиком подвластное Японии. После того как СССР был вынужден, практически безвозмездно, передать КВЖД в полную собственность Маньчжоу-Го, несколько десятков тысяч ее русских служащих выразили желание выехать в Советский Союз. Нельзя сказать, что японо-маньчжурские власти понуждали к этому. Скорее наоборот. Заинтересованные в сохранении опытных кадров, японцы всячески старались их задержать, хотя, согласно одному из условий договора о передаче концессии, они не могли делать это насильно. Русских, однако, предупреждали, что на родине, для многих уже только родине их отцов, репатриантов ждут одни только несчастья. Большевицское правительство, а особенно его политическая полиция не доверяют людям из-за границы. А тем более тем, кого они причисляют к категории «классово чуждых». Большинство сочло это антисоветской пропагандой. Рассказы о зверствах и коварстве большевиков давно уже набили оскомину. А вот умелая советская агитация за возвращение блудных сынов России и их детей на свою, ставшую социалистической, родину находила в сердцах большинства изгнанников горячий отклик. Это родина звала их ...» . Нашу восточную колонию, кавэжэдинскую, включая и влившуюся в неё позже эмигрантскую волну 20-ых годов, стихийно-беженскую, о которой сейчас речь, отличают некоторые существенные черты и местные особенности, отличают от более образцовой и чистопородной эмиграции на Западе, пореволюционного рассеяния по всей Европе белых пораженцев и изгнанников, выкинутых из страны Советами. Эти два потока трагического и обречённого странничества потерянных российских масс, европейской и азиатской диаспор, - во многом весьма разнотипные социально-психологические совокупности, прежде всего ввиду разной геополитической ориентации и культурно-исторических расхождений принимающей среды, впитывающих субстратов и ассимилирующихся пришлых (не аборигенных) этнических субстанций, с

учётом характера совместимости и реакции совмещения нового материала и почвы, взаимодействующих и смешивающихся друг с другом этносов, народов и культур.

Маньчжурия 20-ых годов, по сравнению с Францией или Германией, Чехословакией или Америкой, как и Харбин той поры, при сопоставлении с Парижем, Берлином, Прагой или Нью-Йорком, - это, как нам кажется, совершенно особые и в каком-то смысле исключительные условия вполне сносного и даже относительно благополучного по тем временам, совместного и компактного существования русских, старожилов, переселенцев и беженцев, в привычной социальной и природной среде и в прилично обустроенном культурном анклавe, с хорошо продуманной и добротной организацией и инфраструктурой, с готовыми транспортными связями, технически оснащенными, обеспечившими минимум общественных благ и удобств для неожиданно пополнившейся городской общины.

Город Харбин в те трудные и трагические для России годы с честью справился с неожиданной ролью и цивилизованно встретил и приютил многотысячную разорённую армию скитальцев, обеспечив всех кровом, теплом, хлебом, какой-то работой, школой для детей, храмом и перспективой продолжающейся жизни. Харбин избавил беженцев от участи международных бомжей. Все худо-бедно как-то пристроились и устроились. Заблаговременно построенный на берегу Сунгари город скрывал и скрашивал на время действительную трагедию и боль изгнания. Быть может, именно в этой благотворительности и спасении людей от смерти, революции и войны - одна из исторических миссий-предназначений временно русского Харбина. Русские эмигранты в Маньчжурии, по-прежнему обманываясь иллюзиями, долго хотели чувствовать себя как бы в отдалённой провинции старой России. Они будто бы готовы были возвращаться оттуда обратно, в довоенный мир, который канул в Лету безвозвратно. Этот мотив скорого возвращения домой можно найти в «Маньчжурских рассказах» А.Хейдока, написанных в конце двадцатых годов в Харбине. Уверенность смешивается с тоской, и не случайно это сложное чувство любви-ненависти пронизывает насквозь всю харбинскую поэзию, составляя её нерв и преобладающую страсть.

Эмигранты - словно бы это особенный народ какой. В некотором смысле, может быть, это и верно. В понимании и оценке эмиграции, вместе с тем, уж очень много предвзятости, мёртвых шаблонов и мифологии. Жизнь конкретна, противоречива и многообразна. Она не вмещается в идеологическую схему. Реальные эмигранты, не плакатные, не шаржированные, - очень и очень разные, как все обычные люди: робкие, покорные, дерзкие, смелые, трусливые, безвольные, честные, лживые, трудолюбивые, ленивые, религиозные и нет, националисты и космополиты, экономные, расчётливые, беспашашные, веселые, грустные, умные, глупые, образованные и неучи. Одним словом, всякие-разные, как и на родине, вне эмиграции. Эмиграция ведь - это в значительной мере случай. Так сложилось, так получилось, так вышло. Далеко не все наши эмигранты были сознательными монархистами и обязательно контрреволюционерами, как и вовсе не вся контрреволюция ушла туда и непременно находилась в эмиграции. Не все эмигранты - патриоты или реакционеры. Не все они четко определились; не все даже просто политически активны или идейны. Напротив, среди них было и, очевидно, есть и будет много аполитичных и безразличных к власти, просто нормальных людей, мещан и обывателей. Слава Тебе, Господи! Эмиграция разнородна. Это живой организм. Если хотите, сложный букет и смесь. Хотя и в ней, в этой эмиграции, должно быть, всё же есть какой-то стиль, какой-то характер, какая-то особенность, раз она выделяется и называется своим таким именем - харбинская эмиграция. Только в чём же эта её специфика?

Недавно было опубликовано письмо известного нам К.В.Родзаевского И.В.Сталину. Письмо писал смертник. Из этой журнальной публикации можно узнать кое-что о политической борьбе и игре там, в Харбине, в эмигрантской среде. Это тоже тема ведь. «В Харбине, столице Маньчжурии, в 1922 году проживало около 120 тысяч российских эмигрантов - четверть всего населения города.

В Харбине возникло несколько десятков общественных организаций. Одной из наиболее известных стала Российская фашистская партия, созданная 26 мая 1931 года. На Харбинском юридическом факультете и в других высших учебных заведе-

ниях города работало «Русское студенческое общество», председателем которого в 1926 году был П.К.Грибановский, а идеологом - А.Н.Покровский, один из создателей «Русской фашистской организации». По некоторым сведениям, эта конспиративная организация возникла в 1922 году. В 1925 году РФО была преобразована в «Союз национальных синдикатов русских рабочих фашистов Дальнего Востока», именовавшейся также «Союзом синдикалистов-фашистов». Первоначально работой Союза руководили А.Н.Покровский и Б.С.Румянцев.

Первым программным документом этой организации стала появившаяся 21 ноября 1926 года публикация «Наши требования». Из студенческого кружка Союз превратился в организацию численностью в несколько сот человек.

В 1931 году «Союз синдикалистов-фашистов» был преобразован в Российскую Фашистскую Партию (РФП), полувоенную организацию со строго централизованным управлением.

В 1936 году под руководством представителя Военной миссии Судзуки был подготовлен «партизанский отряд» в количестве 40 человек для засылки на территорию СССР. Руководил отрядом М.П.Маслаков, отряд именовался «1-ым фашистским отрядом спасения Родины».

Спустя непродолжительное время он был уничтожен частями НКВД в районе станции Амазар.

«Наш путь» - ежедневная газета, орган фашистской печати. Редактор В.В.Коробов. Выходила до 1938 (Харбин). При РФП были созданы «Российское женское фашистское движение», «Молодёжный союз авангардистов», «Союз юных фашистов», «Союз фашистских крошек» - для детей от 5 до 10 лет».

Однако, кажется, мы вновь отвлеклись от нашего предмета.

В общем человек в той или иной мере гибок и так или иначе приспособляем к окружению и среде обитания. Он в состоянии усваивать чужое и новое. В то же время он инертен, консервативен, привыкает к традиционному, держится своего. Русская колония в Маньчжурии начала века и до революции, эмиграция двадцатых годов, после гражданской войны, затем поколение после японской оккупации в 1932 году, после продажи КВЖД в 1935-ом, после разгрома Квантунской армии и поражения Японии в 45-ом, после получения советского граждан-

ства - эмиграция, конечно, меняла свой настрой и облик, лицо и душу. Однако по существу и по определению эмиграция всегда ограничена условиями беспочвенного и потому неуверенного существования.

Замкнутая обстановка и закрытое пространство сковывали личность и, сдерживая её саморазвитие, всё больше способствовали общественному застою. Оставшись в зарубежье без собственности, без своей земли, эмиграция естественно стала размываться и растворяться, словно незащищенные пески под стихийным напором чужого, туземного моря, теряясь в своих планах и в жизненных целях, идеалах, средствах, связях и стиле жизни. Под влиянием внешних обстоятельств меняется внутренний пафос жизни, эмоциональный тонус, падает дух, исчезает уверенность в себе, слабеет воля - всё это свидетельствует о деградации. Как следствие застоя, потерянности и растерянности, должно быть, вскоре является соответствующее выражение на лицах, тускнеют наряды и обряды, снижают голоса и вянут интонации говоров. И со стороны уже заметно, что у людей без подданства и без гражданства как бы своя особая манера общения, более осторожный и деликатный способ общественного поведения, обострённая и ранимая чувствительность, несколько старомодное и консервативное восприятие окружающего. У эмигрантов специфический социальный опыт, закоренелые травмы и болезненные переживания души и духа, униженная и обострённая память, комплекс несвободы, зависимости, связанности, обязанности, ответственности, в определённом смысле ущемленная и закомплексованная психология личности и уязвленное самолюбие. Не случайно психологи и психиатры сегодня знают, ожидают и наблюдают различные формы и проявления длительных коллективных стрессовых состояний у нынешних эмигрантов. Различные формы ностальгических переживаний так или иначе затрагивают психику, видимо, многих из нас, и это не просто наши чисто умозрительные заключения. Характерно то, что далеко не все люди легко приживаются в чужих странах. Некоторых долго тянет назад, и они рвутся на Родину, несмотря ни на что. Об этом можно прочесть в повести В.Г.Короленко «Без языка».

Тема эмиграции - далеко не новая тема в политической истории. Видимо, она могла возникнуть в жизни практически сразу, вместе со страной-государством, когда появился и стал действовать институт государственной власти. Тема эта жизненна и всегда остаётся более или менее злободневной и напряженной. Своя острота у неё, как известно, и в наши дни. Сегодня на Земле, говорят, 44 миллиона только беженцев. Никто не знает, как справиться с этой бедой. Вновь и вновь всё усиливается отток людей от нас в более благополучные и цивилизованные страны, и поэтому эта социально-психологическая и экономическая проблема эмиграции не может оставаться без общественного осмысления и разбора. Мы должны беспрестанно и строго спрашивать у себя: почему же и зачем люди стремятся от нас и уезжают навсегда куда-то? В чём причина и каков смысл массовых перемещений и переселений? О чём всё это свидетельствует по большому счёту и в частности? Что это может значить, с одной стороны, для тех, кто устремлен, с другой, для тех, к кому (куда) бегут и, с третьей, для тех, от кого (откуда) убывают? У этого предмета есть разные аспекты специального рассмотрения: исторический, этнический, политический, экономический, идеологический, культурный, религиозный, психологический и т.д., вплоть до самого общего - философского. В последнем случае, очевидно, это комплексная и наиболее существенная проблема бытия. Возможен и религиозный взгляд на эмиграцию как на предначертание судьбы.

В схематизированном представлении и нашем сознании эмиграция сопрягается со многим и разным состоянием и качеством, или оценкой: эмигранты - переселенцы, колонисты, беженцы, перемещенные, отторгнутые, отвергнутые, отверженные, угнетённые. В нашем языке «эмиграция» и «эмигрант» - тенденциозные и идеологизированные слова, окрашенные мрачными и тоскливыми тонами: эмигрант непременно жалкий и бедный, в эмиграции не жизнь, а прозябание. Сколько поверхностного высокомерия обнаруживается в словесных штампах и словоупотреблении. Не следует забывать, что есть разная эмиграция, и счастливая, и несчастная, и долгожданная, и неожиданная, и спасительная, и гибельная. Это случай, в котором бывает вынужденность, насилие, разрыв, отрыв, лишение, унижение,

боль, отчаяние, решимость и обновление. И это, может быть, больше, чем случайность,- судьба, предначертание, фатальность, предопределённость, вынужденность, обусловленность, таинственная и непреодолимая сверхсила, почти одушевлённая и личная, которую нельзя разгадать и переспорить, но можно молить.

Как известно, едва ли не все лучшие наши философы после революции были высланы за границу, обречённые на эмиграцию. Философия эмиграции, тем не менее, пока ещё не написана. Хотя очень многое из метафизической и фаталистической природы странничества, беженства, изгнанничества, космической сути и земных форм проявления духовного мятежа исторически зависимой и свободной личности, кажется, уже прочувствовано, однако не обобщено и не осмыслено должным образом. Богатый материал для нас заключён в воспоминаниях и автобиографиях талантливых русских философов, больно испытывавших на себе вынужденность эмиграции, политической ссылки за границей. Один из первых в их ряду - Н.А.Бердяев.

Н.А.Бердяев (1874-1948) в первый же год своей вынужденной эмиграции страстно писал: «Каждый человек имеет свою неповторимо-индивидуальную судьбу в этой земной жизни и в жизни запредельной, в вечности. Не случайно, не по внешним и бессмысленным причинам выпадает на долю каждого человека его судьба со всеми испытаниями и страданиями». И далее он продолжал совершенно определенно: «Для всякого, у кого есть религиозное чувство и видение лица человеческого, судьба человека таинственна и не может быть решена в пределах того небольшого отрывка огромной и вечной жизни, который мы именуем земной, эмпирической жизнью человека, от рождения до смерти. Судьба каждого человека погружена в вечность, и в вечности нужно искать разгадки её смысла. Всё кажется случайным, бессмысленным и несправедливым в пределах этой кратковременной жизни». По мысли философа, чтобы хоть что-то понять в неповторимой индивидуальной судьбе человеческой личности, нужно брать конкретного человека в таинственной вечности и в целостности, «со всей его неповторимой историей, эмпирической и метафизической, во всех его органических связях».

Филосовско-историческая публицистика Г.П.Федотова (1886-1951), религиозного мыслителя и историка, одного из самых известных журналистов русского зарубежья, была сосредоточена на вопросах прошлого, настоящего и будущего русской культуры и общества. Его пристрастные размышления о судьбах и грехах России не теряют своей значимости для понимания смысла, роли и назначения эмиграции, в её службе Родине, народу, человечеству.

Что же такое эмиграция в высшем, метафизическом смысле, в чём её историческое назначение и зачем она по своей сути - именно так ставится вопрос философами. Эмиграция рассматривается как вынужденное разделение и расширение национальной культуры. Частичный выход её за пределы своего установленного национально-государственного пространства обусловлен необходимостью, а также интересом и любопытством, чтобы испытать себя в новых условиях, чтобы, изменив положение, посмотреть на себя со стороны, чтобы избавиться от рутины и косности, стать критичнее, сравнить и оценить себя объективнее, строже и глубже.

Эмиграция, как установлено, бывает более или менее добровольной и вынужденной. Тем не менее, кажется, это всегда выбор и вариант пути жизни и развития личности. И в определённом смысле, следовательно, это проявление свободы выбора со стороны человека, который по каким-то причинам решается покинуть страну и порывает устойчивые и органичные связи и отношения. В основе решительного разрыва может быть расчёт и протест, сознательный и бессознательный. Тем не менее в этом поступке и порыве, безусловно, есть воля, характер, сила, энергия. Беженство - это поиск спасения и борьба за жизнь. В отличие от туризма, являющегося, как правило, досужим развлечением, наряду с удовлетворением любознательности. Всяким путешествием движет какое-то любопытство. Бродяжничество - таинственный инстинкт, атавизм, может быть, зов предков. Вряд ли можно понять до конца религиозно-мистические поиски вечного странничества. Есть ещё паломничество, экспедиции, командировки, колонизация, походы и другие переселения и перемещения, ради спасенья или захвата, с проявлением страстей, защитных реакций и агрессивности.

Человек как бы ищет какой-то смысл, обеспокоенный земным и равнодушный к бытию, постоянно движется, сознательно и бессознательно, по лицу Земли и в его пространстве. Вечный поиск и движение - это то, что заложено в природе человека. Ограничение его свободы и закрепощение людей противоестественны.

Читая философско-историческую публицистику Г.П.Федотова, в теме «эмиграция» можно выделить некоторые аспекты её осмысления и ассоциативных связей предмета:

1. Эмиграция и Родина, земля предков, Россия. «Россия открывается всякому сердцу впервые через тоску по родине в образе ее природного, земного бытия. У Федотова портрет России есть прежде всего пейзаж, линии ландшафта и воздух родных полей и лесов. Лицо России в душе неразрывно слито с убогой, но милой родиной, с родной землёй» (В. Ф. Бойков. Вступление: Судьба и грехи России. - 1,23). «Но русский человек всё ещё слишком похож на растение. Для него родина прежде всего - не мысль, и даже не слово, а звучание, тембр голоса. Вне этой узкой природной среды трудно жить... Но для нас и культура, и сама вера кажутся нежизненными без родного чернозёма (и краснотесья). Это большая слабость, как бы неразвитость мужественной человечности» (Г.П.Федотов. Тяга в Россию. - 2,138). «Наш язык знает не совпадающие по значению, но всегда волнующие слова: отечество и родина. Не совершая насилия над русским языком, легко убедиться, что отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина - с матерью-землёй» (Г.П.Федотов. Новое Отечество. - 2,252).

2. Эмиграция и народ, нация. «На чужбине же мы начинаем любить и раздражавшее прежде, казавшееся безвольным и бессмысленным начало народной стихии. Среди формальной строгости европейского быта не хватало нам привычной простоты и доброты, удивительной мягкости и лёгкости человеческих отношений, которые возможны только в России» (Г.П.Федотов. Лицо России. - 1,43).

3. Эмиграция и революция, гражданская война. «Но политическая эмиграция и бегство не одно и то же» (Г.П.Федотов. О чём должен помнить возвращенец? - 2, 127).

4. Эмиграция и интеллигенция, элита, аристократия.

5. Эмиграция и история. «Федотов отклоняет всякие попытки идеализации вчерашнего дня России. Старые грехи требуют искупления, а новое сознание - покаяния. Интеллигенция повинна в грехах России.. Она должна покаяться перед лицом России, то есть «переменить свой ум», переосмыслить своё прошлое. Для интеллигента Федотова акт познания истории, акт культурного самопознания есть акт покаяния» (З.Ф.Бойков. Вступление: Судьба и грехи России. -1,23).

6. Эмиграция: Восток и Запад. «Пути Запада и Руси разошлись. Запад отгородился «железной угрозой меченосцев», а Русь обратилась лицом к Востоку, где не было культуры, но были пустынные пространства. Отсюда второй тяжёлый дар, положивший начало истории бродячей Руси,- пространство» (В.Ф.Бойков. -1,33). «Микула Селянинович никогда не умел хозяйничать, и русское земледелие было непроизводительной растратой человеческой рабочей силы» (Г.П.Федотов. Проблемы будущей России. - 1,237). «Китайское земледелие составляет до сих пор высочайшую степень, до которой достигало это полезнейшее из искусств» (Н.Я.Данилевский. Россия и Европа. М., 1350, с.89).

7. Миграция и культура. «Чтобы жить, человек должен найти утраченные связи с Богом, с душевным миром других людей и с землёй. Это значит в то же время, что он должен найти себя самого, свою глубину и свою укорененность в обоих мирах: верхнем и нижнем. Оба эти мира говорят с ним на языке иррациональных символов. Общение с ними способно возродить, в новом смысле, и национальную культуру, освобождённую от своих рациональных элементов» (Г.П.Федотов. Новое Отечество. - 2,250-1).

8. Эмиграция и религия, православие, церковь. «Одно из двух: или мы остаёмся на внешне убедительной, «естественно-научной» , точке зрения и тогда приходим к пессимистическому выводу. Земля-жизнь-человек-культура-свобода - такие ничтожные вещи, о которых и говорить не стоит. Возникшие из случайной игры стихий на одной из пылинок мироздания, они обречены исчезнуть без следа в космической ночи» (Г.П.Федотов. Рождение свободы. - 2,255).

9. Эмиграция и реэмиграция, возвращение. «.. в 21-м году в Берлине он пришел к Горькому поделиться жизненными планами. Алексей Максимович выслушал его и сказал примерно так, по-нижегородски налегая на «о»: «В Россию задумал вернуться? Смотри, Иван.. Большевики тебе пузо вспорют, кишку вынут, гвоздём к столбу приколотят, всю жизнь тебя вокруг столба гонять будут, пока все кишки не вымотают» (Г.Горышин// «Новый мир», 1991, № 12, с.165). «Рассказывал Соколов-Микитов и о последнем письме к нему Бунина, переданном с okazji. Собственно, дело было в последней фразе: «Я никогда не вернусь в страну, где за одно слово правды вырывают язык» (Г. Горышин//Там же).

Каждая из уточнённых выше и как бы опредмеченных сторон и граней нашей темы потребует дальнейшей содержательной разработки ряда специальных вопросов и положений, объяснения реальных исторических событий и фактов, существенных для понимания самой действительности и психологии эмиграции. Тема эта очень широкая и ёмкая. В определённом смысле ее можно рассматривать как вывернутую наизнанку тему родины. Первая тема есть модификация второй и наоборот. Русские за границей обостренно чувствуют это. Невольно мы вышли на общие размышления о сущности и глубинных причинах эмиграции, этого неутихающе вечного процесса природных устремлений человека в неведомую даль, выхода за пределы притяжения своего дома, разрыва традиционных родственных связей, столкновения частных и политических интересов и выталкивания соперников и конкурентов из обживаемых общих территорий, расширения кругозора и борьбы за своё место в чужих землях. Об этом мучительно думали и писали наши философствующие эмигранты, которых мы цитировали выше. Очевидно, кому-то только ещё предстоит собрать и систематизировать богатейшую библиотеку философии рассеяния.

Самодостаточная ценность человеческого счастья учитывается ли при определении социального прогресса? При такой постановке вопроса, характерной для русской культуры, литературы и философии, нельзя проходить мимо примечательной личности и имени Питирима Сорокина (1889-1968). Уроженец Вологодской губернии, самородок, выучился на медные деньги, активный участник февральской революции, был личным секретарём А.Ф.Керенского, основал первую в России кафедру социологии, в 1922 году выслан из страны, благодаря этому избежал репрессии и гибели в ГУЛАГе и, навеки покинув родину, зато умер своей смертью. Когда П.Сорокину было 23 года, он для предполагавшегося международного конгресса написал замечательную работу «Социологический прогресс и принцип счастья»¹, полную молодого задора, энергии и оптимизма. И случилось то ещё до начала I мировой войны.

Русскому сознанию чего же там, в прогрессе, не хватает и потому очень хочется? Естественно, милого сердцу разговора о счастье, разном, обычном и необычном, личном и общем. Прогресс - так сурово и мрачно звучит это слово - для нас, пожалуй, слишком отвлеченно. И холодно как-то. А если сказать и услышать «счастье» - блестит слово, - то это уже близко и от него тепло всем. Такое родное и ласковое словцо, как солнышко. На всё в жизни глядеть сквозь призму блестящего счастья - это очень даже по-русски, русский стиль, как косоворотка на Питириме Сорокине. Пока там европейские философы копают отчуждённые абстрактные категории, последовательно связывают их в непротиноречивые концепции, наши и в литературе, и в науке всё больше прощупывают чувствами живую действительность, жалея, сочувствуя, любя, ненавидя, негодуя, возмущаясь. Субъективно и заинтересованно ищем повсюду правду, справедливость и счастье - постоянный у нас дефицит: только выбросят - враз разнесут, ничего не останется.

В понимании счастья по-русски, кажется, важны прежде всего душевность, сочувствие, соучастие, сближение, взаимопо-

¹Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. - М.: Политиздат, 1992 - С. 507-513.

мощь, надо входить в положение, чтобы по-человечески, это в первую голову. И уже потом, как бы во вторую очередь, понимание - это рациональный акт, механизм строгого познания, обращение к объективному разбору и к научному обобщению. Разные группы лиц, обывателей и специалистов, в зависимости от социального положения, развития, склада характера, возраста, пола и т.п. понимают счастье, т.е. воспринимают, переживают и осмысливают, своеобразно и по-разному: или более эмоционально, или более умозрительно.

Что бы ни делал человек, так или иначе оценивает ситуацию, как-то предполагая пользу и выгоду от своей деятельности или участия. Как правило, он рассчитывает результат и свою долю, «навар», «а что я с этого буду иметь?». Хочется заработать и получить больше - личная заинтересованность. На посредников идут накрутки, нагрузки, налоги, взятки гладки, рыночные отношения, ментальность и затемнения, если просветить весь этот организм. Плата или вознаграждение за труд как стимул социализированной деятельности в обществе, твоя доля овеществленного труда, в результате общественного производства материальных и духовных ценностей, обмена и распределения, в той или иной мере удовлетворяют потребности, запросы и интересы.

Постоянный рост последних обеспечивается научно-техническим и, шире, цивилизационным прогрессом, о котором много говорили и продолжают рассуждать в последние столетия. Современные научные достижения связывают с категориальным отчуждением понятий и абстрактным мышлением. К принятой системе отвлечённостей было нелегко приспособить такую жизненно важную и вполне очевидную человеческую ценность, как счастье. Наперекор очень многим признанным авторитетам, молодой русский социолог берётся утверждать, что в социологическое понятие прогресса вполне органично входит идея или критерий счастья, как мы его обычно понимаем. С самого начала следует заявить, что несчастный прогресс, или прогресс без самого обычного человеческого счастья, есть нонсенс. Социальный прогресс - не прогресс, будь там что угодно, если нет у людей в обществе счастья. В нашем языке это оценочное слово, и означает оно, если говорить просто: «когда ста-

новится лучше, качественнее жить», противоположное регрессу, падению, ухудшению. И то, и другое, к тому же, есть наш диагноз, когда мы сами устанавливаем состояние. А что это такое объективно, в данном случае пока даже и не столь важно. Счастье, удовольствие, удовлетворение, радость - всем ясно, как всё это отличается от бедствия, страдания, горя, трагедии, унижений и деградации.

П.Сорокин вполне осознанно отрицает в данном случае принцип дегуманизации и абсолютной обезличенности, схоластики в философии и социологии прогресса, когда умышленно пренебрегают естественной оценкой качества жизни, жизнелюбия, привязанности к ней, уровня благосостояния, благополучия, удовлетворённости, благоденствия. В таком психологическом развороте индивидуальное счастье, конечно, прямо не вписывается в структуру социологического описания. Кант, Конт, Спенсер и другие строгие немцы и позитивисты пренебрегали неопределёнными и нечёткими расхожими представлениями о счастье, пустыми и лишёнными философского смысла, «недопонятиями». С чопорным высокомерием подсмеиваясь над обывательскими благоглупостями, господин профессор сравнивает счастье Сократа и свиньи, человека - с коровами и овцами, не усматривая существенной разницы в содержании и ценности.

Не то для нашего П.Сорокина, как и для Михайловского, Лаврова или Достоевского. Для русских философов именно человеческое счастье или страдание (слезинка ребёнка) имеют первостепенное значение в разнообразных программах социального переустройства и совершенствования действительности. И не случайно наш автор с сочувствием приводит цитату Л.Уорда, из «Психических факторов цивилизации»: «Так как единственная, конечная цель человеческих усилий есть счастье, то не может быть истинного прогресса, который не вёл бы к этой цели. Следовательно, прогресс заключается в увеличении человеческого счастья или ... в уменьшении человеческого страдания»¹. Очень понятная мысль.

Как избежать субъективизма в вопросе установления, определения и измерения того, что называется счастьем, как, если

¹Сорокин П.А. Указ. соч. - С. 508

можно, исключить произвол и безответственность? Первоначально счастье может трактоваться широко и разносторонне, как высокий уровень благоденствия, удовольствие, наслаждение, блаженство, добро, довольство, очарованность жизнью, отсутствие страданий и т.д. Однако затем потребуется конкретизация, установление строгих параметров и критериев различения и сравнения разновидностей счастья. Какое же бывает оно, счастье, где локализуется, как проявляется и с какой стороны его можно наблюдать или ощущать определённым образом? Личное и коллективное, групповое и массовое, ограниченное и всеобщее счастье, радость, подъём (или страдание, горе, несчастье), реальное или кажущееся, мнимое, беспредельное, огромное, большое, умеренное, так или иначе проявляется, ощущается и определяется, устанавливается как некое состояние духа, сознания и подсознания, диагностируется и измеряется, даже вызывается, формируется, направляется, регулируется. Если это социопсихическое состояние, то у него есть определённые синдромы, клиника, происхождение (этиология), причины, повод, влияние и воздействие на окружающую среду, как и обратная связь и стимуляция, со сложной социопсихотехникой. Если мы разбираемся в своём собственном состоянии и ощущении, то в таком самоанализе и самочувствии счастье твоё, или большая и устойчивая радость, есть субъективное переживание, полное вдохновения и блаженства, внутреннего света и тепла, глубокой гармонии чувств, оно в тебе, интимно, сокровенно, убедительно, и нет вопросов. Когда на счастье смотрят со стороны, то это другое, иное. В наблюдении извне имеют дело с чужим, посторонним, внешним и отстранённым объектом, состоянием и чувством. И в этом случае речь может идти прежде всего о понимании (не переживании) счастья, и это уже меньше эмоциональный, больше рациональный процесс, пусть даже с включением со-чувствия и с переносом личного опыта. Социологическое моделирование, опросы, анкетирование, подсчёты, обобщение, массовое и выборочное статистическое исследование общественного мнения, как и самого феномена социального прогресса и счастья, - всё это сплошь беспристрастная параметрия, там много цифр, одни цифры.

Статистика самоубийств вследствие разочарования жизнью и социальной апатии, утверждает П. Сорокин, может служить объективным показателем уровня человеческого несчастья в определённое время и в том или ином общественном срезе. Кроме того, есть ещё и другие социологические критерии упадка, безразличия, общественной апатии и разочарованности жизнью, свидетельствующие о неблагополучии и дефиците счастья (например, число преступлений, пьянство, наркомания, малая продолжительность жизни, высокая смертность и и т.п.). Ясно, что современному человеку за все блага цивилизации, индустриального развития и урбанизации приходится платить интенсификацией труда и психическими перегрузками. Конкуренция задаёт напряженный ритм и стиль жизни. В борьбе за выживание и благополучие не все равно преуспевают. В рынке скрывается жёсткий механизм расслоения общества по группам достатка и обеспеченности. Стратификация экономическая - богатые, средний класс, бедные, нищие, - конечно, неоднозначно соотносится как-то с делением людей на счастливых и несчастных. В шкале счастья два измерения: экономическое (потребительство) и психологическое (внутренняя гармония личности).

Человечество знает две возможности развития: 1) стратегия цивилизационная, основанная на естественном стремлении «покорить» природу и требовании технологического прогресса для обеспечения растущих потребностей и 2) стратегия духовного равновесия, гармонии человека и природы, развития культуры. Таким образом, как бы выбирается вариант успеха, пути и направления к нему, стоим перед дилеммой: прогресс или счастье? Второй ход, более мирный, тихий, спокойный, кажется, безнадежно проигрывает первому, более доступному, ясному, технологичному и агрессивному. Привлекательна жизнь расточительная и энергоёмкая. Научно-технический прогресс обнаруживает быстрый рост, однако материальные блага в целом не обеспечивают прироста душевного благополучия в обществе. Кажется, даже уменьшается гармония, или счастье, в мире. Свидетельствует статистика преступлений, наркомании, самоубийств, болезней, экологических бедствий, неудовлетворенность.

Есть обыденное личное счастье. И есть ещё другое счастье, общее, надличностное, которое парит в атмосфере, над нами. Одно во мне, другое надо мной и другими. Внутреннее и внешнее, конечно, связаны, но их не следует путать, это все же разное. И надо бы эти планы и пространства счастья как-то различать вообще и всегда, определенно. Но в нашем языке до сих пор радость, или психология, собственно состояние и обстановка, обстоятельства, условия, природные и социальные, спутаны одним общим названием. Такое неразграничение смежных, взаимосвязанных, но разных аспектов смыслового поля нетерминологично. Различающиеся понятия надо расклеить, разорвать и развести, обозначив чётче, что есть что: 1) радость, удовлетворение, т.е. внутреннее ощущение, чувство и 2) общее социально-экономическое состояние, благоденствие как обстановка, условия жизни, политический строй, система, внешний мир. И то и другое связаны пока с одним именем - счастье. Хотя довольно часто приходится наблюдать в жизни ситуацию «либо-либо». Допустим, тоталитарный строй, фашизм - несвобода - такое не назовешь ни счастьем, ни благоденствием, ни благополучием, ни удачей: сплошное насилие и угнетение. Как землетрясение, засуха, голод, наводнение, война, эпидемия и т.п. - тоже несчастье, божеское наказание, одно горе. Однако в самых жутких условиях существования - и в фашистских лагерях - человеческая жизнь, хотя и угнетенная, подавляемая, обложенная мерзостью и полная страхов, как-то продолжается, и люди борются за выживание, проявляя разные свои свойства. И там бывают свои радости, случается и счастье какое-то, по-своему приспособленное к обстановке. Благородство и любовь, мечта, надежда, солидарность сохраняются, казалось, в невыносимо тяжких условиях. Счастье и несчастье рядом.

Чем-же обеспечивается собственно ощущение и переживание радости жизни? Счастье как самочувствие и восприятие жизни зависит от взаимоотношений личности и общества, мира, однако оно не ограничивается лишь одними внешними условиями существования человека. То, что мы считаем и называем счастьем, обобщает в нашем представлении многое и разное. Счастье многообразно в проявлении, зависит от многого, имеет различное происхождение, не перечислить всех форм и при-

чин его. К примеру, любовь к ближнему, к Богу, т.е. вера, причастие, обрядность и ритуалы - всё это для религиозного сознания вписывается в картину счастья-благоденствия. В церкви всегда было немало убогих, немощных, больных, калек, нищих, несчастных. Молящиеся в ожидании гуманитарной помощи просят у Бога и у более обеспеченных тех или иных благ, которых им не хватает. И грехи мучают, совесть беспокоит. Отцы церкви утешают благостно обещанием небесного счастья, вознаграждением в будущем. Мы видим, что и в сфере религиозности нет прямой обусловленности и простой связи между верой, или преданностью доктрине, и счастьем-утешением. И в церкви, рядом и около неё, люди терзаются духовно и физически, болея всеми общими и собственными недугами.

Есть ещё в жизни любовь романтическая и физиологическая. Это уже другое, нежели альтруистическая или платоническая любовь. И в сфере пола, любовных отношений, связей и страстей перемежаются радость и боль, очарование и разочарование, счастье и несчастье. Так называемая классовая солидарность, сплочённость, борьба, диктатура - всюду напряжёнка, не назовешь же гражданскую войну и террор, как и прочее «строительство», безоговорочно счастьем. Только лишь для садистов, кажется, мучить, убивать, насиловать «контру» было важным гражданским актом, и в этом ратном труде они испытывали гордую радость, получали награды и были, безусловно, тоже счастливы. Было особенное партийное счастье в ордене меченосцев, своя честь, своя слава, свои заслуги и награды, не охватишь, не опишешь их. Социальное положение, властные структуры и то же знание, учёность - там вроде бы больше удовлетворения бывает. Хотя чем больше знаешь, тем больше грусти и печали. Совесть может мешать жить спокойно. Всюду есть обратная сторона. И трудно найти чистое благополучие, без примеси. И в творчестве бывает счастье-удовлетворение и радость, но сколько там ещё и мук, страданий, разочарований и вокруг разной зависти и подлости. То же самое можно сказать и о семье как источнике счастливой жизни, и там уйма крахов и кораблекрушений, тоже зыбкая почва для счастья, оказывается. И здоровье тоже относительно, хотя необходимо для жизни нормальной. А вот наконец богатство - это благо, оно обеспечивает

независимость и свободу, хорошо и важно для удовлетворённости жизнью и радости. Но, оказывается, само-то по себе и это не всегда и непременно. Выходит, собственно счастье как бы отдельно, независимо. Само по себе очень капризное существо не связывается жёстко ни с чем. И как бы падает свободно, по своей прихоти, по самым разным углам. Оно непредсказуемо бывает. Имеет свой противоречивый и спорный характер.

Счастье есть, и его нет - в одно и то же время. Его всегда не хватает на всех. Люди и не знают точно, каково оно и что это по сути. Оно изменчиво и разнолико, как приведение, разнообразно, как сновидение. Пусть мечта о достойной жизни движет прогрессом, и пусть социальный прогресс обеспечит людям счастливое существование. Такая красивая и заманчивая утопия. Статья молодого П.Сорокина интересна тем, что он привлекает в социологическое исследование прогресса принцип счастья, хотя и не даёт ему определения.

Мы разобрали некоторые спорные положения о возможном соответствии и соотношении прогресса и счастья, изложенные неординарно молодым русским социологом в начале нашего века. Для большей убедительности такого прочтения и большей достоверности наши рассуждения об идеях П.Сорокина мы дополним его словами, последовательно приведя все цитаты, или фразы со словом «счастье», из названной работы, полагая, что прочтение их даст более полное понимание предмета:

«Рассматривая эту программу конгресса, я не вижу в ней одной, едва ли не наиболее трудной, но вместе с тем и наиболее важной проблемы, связанной с проблемой прогресса, а именно соотношения прогресса и так называемого счастья» (с .507). «Должна ли формула прогресса включать в себя, в качестве необходимого элемента, и принцип счастья или же должна совершенно игнорировать счастье?» (с. 507). «Если счастье входит в понятие прогресса, то увеличивается и развивается ли оно вместе с прогрессом человечества или же нет?» (с. 507). «Одни из них, например Кант, Конт, Спенсер и другие, совершенно сознательно игнорировали принцип счастья при решении прогресса» (с .507). «В «Идеях всеобщей истории» (1784) Кант довольно едко иронизирует над принципом благоденствия» (с. 507). «Если в увеличении благоденствия видеть прогресс, то не было

бы ли так же хорошо, говорит он, если бы вместо счастливых обитателей Отаити на этих островах паслись счастливые коровы и овцы». «Точно как же и Конт в 4-м томе ... говорит: «не следует сравнивать индивидуальное счастье и социальное положение, в их отношениях не допускается сближений» (с. 507).

«Напротив, другое не менее широкое течение только то изменение и считает прогрессом, которое влечёт за собой увеличение счастья» (с.508). «Так как единственная, конечная цель человеческих усилий есть счастье, то не может быть истинного прогресса, который не вёл бы к этой цели. Следовательно, прогресс заключается в увеличении человеческого счастья или в уменьшении человеческого страдания», - говорит Л. Уорд» (с. 508). «Можно было бы на все намеченные конгрессом проблемы прогресса ответить положительно, и тем не менее это не означало бы ещё, что прогресс есть в то же время и увеличение счастья (благоденствия, удовольствия, наслаждения и т.д.) » (с. 508). «Можно было бы сказать, что исторический прогресс есть в то же время и непрерывный экономический, интеллектуальный, моральный и политический прогресс..., и, несмотря на всё это, этим решением ещё несколько не предпрешался бы вопрос об увеличении счастья, благоденствия и т.д.» (с.508). «Повторяю, можно допустить все указанные виды прогресса и тем не менее совершенно отрицательно высказаться по вопросу о счастье и благоденствии» (с.508). «Счастье и благоденствие - явления, конечно, в высшей степени субъективные, однако в нашем распоряжении имеется более или менее объективный критерий, позволяющий судить о том, увеличивается оно или нет»(с.508). «Этот критерий был выдвинут Дюркгеймом ... и заключается в следующем: пусть понимание и переживание счастья относительно, субъективно и изменчиво, но одно несомненно: если жизнь есть счастье и благоденствие или кажется таковой, то тогда она принимается и от неё не отказываются» (с. 508). «Поэтому, если мы хотим более или менее объективно судить о том, увеличивается ли вместе с прогрессом счастье, или кажется людям прогресс в то же время увеличением счастья, мы должны обратиться к числу самоубийств»(с.508). «Если число их с историческим развитием уменьшается, значит, счастье увеличивается, если же самоубийства растут, значит, счастье и благоденствие не увеличивается, а, напротив, уменьшаются» (с. 508).

«Категория самоубийств вследствие так называемого «разочарования в жизни»... не было известно в древности или была во всяком случае явлением чрезвычайно редким»(с.509). «Следовательно, если действительно явление «принятия или отказа от жизни» может служить более или менее объективным критерием для решения вопроса увеличения или уменьшения счастья, то можно признать прогресс всех сторон социальной жизни и тем не менее отрицать, что этот прогресс есть в то же время и увеличение счастья» (с.509). «Для тех, которые, подобно Конту, Спенсеру и другим, в понятие прогресса не включают принцип счастья, дело от этого, конечно, не меняется: для них прогресс был, есть и будет, несмотря на то что счастье не увеличивается» (с. 509). «Но иначе обстоит дело для тех, кто критерием прогресса считают сам принцип счастья: раз счастье не увеличивается, а уменьшается, то, оставаясь последовательным, они должны считать всю историю или основную её тенденцию не прогрессивной, а регрессивной» (с.509). «Встает, следовательно, дилемма: можно признать исторический прогресс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключать точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование прогресса становится проблематичным»(с.509).

«Можно было бы привести ещё очень длинный ряд различных критериев прогресса, нейтральных или не касающихся прямо принципа счастья, вполне совпадающих с историческим развитием, а следовательно, показывающих реальность прогресса» (с. 510). «... дело обстоит иначе, если мы положим в основу прогресса принцип счастья» (с.510). «Между тем, можно ли вполне исключить принцип счастья из формулы прогресса?» (с. 510). «Можно ли считать прогрессом какой бы то ни было из указанных принципов, если он прямо или косвенно ведёт к уменьшению счастья и к увеличению страданий? Очевидно, нет» (с. 510). «Как бы ни были ценны сами по себе любовь к ближнему, солидарность, знание (истина) и т.д. и т.д., но раз они не сопровождаются параллельным развитием счастья или даже ведут к уменьшению его, они становятся полуценностями» (с. 510). «И нетрудно показать, что даже величайшие рационалисты, стоики, аскеты и сам Кант, выставившие высшей ценнос-

тью моральный закон, *implicite* включали в него счастье и блаженство, хотя и отличное от обыденного счастья» (с. 510). «Делая моральный закон единственной абсолютной ценностью, он *implicite* в качестве такой же самодостаточной ценности ввел сюда и счастье» (с. 510). «Счастье, как цель, а не как сопутствующее или неизбежное следствие» (с.510). «Точно так же и все другие принципы оценки, какими бы далекими от принципа счастья ни казались они, так или иначе подразумевали и подразумевают его» (с. 510). «А так как понятие прогресса включает в себя не только формулировку сущего или бывшего, но и оценку с точки зрения желательного-должного, то, понятно, так или иначе критерии прогресса принуждены считаться с принципом счастья» (с.510-511).

«И сам Спенсер, какой бы объективной ни казалась его формула эволюции-прогресса, намеренно исключавшая принцип счастья и благоденствия, тем не менее в своих «Основаниях нравственности» отождествил добро (желательное) с удовольствием или со счастьем» (с. 511). «Как бы ни велика была ценность истины, или альтруизма, или действенной любви и т.п., но раз они в качестве своего следствия имели бы увеличение страдания для всех, то тем самым они лишились бы этой ценности» (с.511). «Следовательно, все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» (с.511). «Нейтральные формулы счастья - лишь объективный способ оценки субъективного принципа счастья» (с.511). «Следовательно, ценность «нейтральных» формул зависит от того, насколько верно они утверждают причинную связь между объективным критерием и счастьем» (с.511). «... например, двусторонний принцип дифференциации и интеграции будет постольку правилен в качестве мерки прогресса, поскольку он причинно связан с увеличением счастья и представляет объективный способ формулирования для этого субъективного явления» (с.511). «Если всякий дальнейший шаг по пути дифференциации есть в то же время и увеличение счастья (как формула прогресса) - формула истинна, если нет - проблематична» (с.511). «Так же дело обстоит и с другими формулами прогресса и вообще с формулами, выражающими желательное-должное, ибо для желательного-

должного счастье есть *conditio sine qua non* прогресса. Абсолютное страдание само по себе никогда ни для кого не было самоцелью» (с. 511). «... с точки зрения указанных выше «нейтральных» формул прогресса прогресс существует, тогда как рост счастья проблематичен...» (с. 511). «... и принимая во внимание, что счастье составляет *conditio sine qua non* прогресса, мы тем самым приходим к выводу, что, очевидно, все указанные критерии не стоят в необходимой причинной связи со счастьем, а следовательно, все они требуют, как формулы прогресса, тех или иных поправок или тех или иных разъяснений» (с. 511). «Но, может быть, можно в таком случае поступить так, как поступили Уорд, Михайловский и другие сторонники эвдемонической теории прогресса, то есть положить критерием прогресса прямо принцип счастья; всё то, что увеличивает счастье - прогресс, что уменьшает, - регресс - такова была бы тогда формула прогресса, представляющая модификацию утилитаристского морального критерия: «Максимум счастья для максимума существ» (с. 511).

«Если все дело в счастье и довольстве, то не все ли равно было бы, если вместо страдающих мудрецов на земле жили бы самодовольные и счастливые свиньи? Не должны ли мы предпочесть именно счастливых свиней страдающим мудрецам, последовательно проводя эту точку зрения?» (с. 512). «...оставаясь последовательным, он должен был бы сказать: «Лучше быть довольной свиньей, чем недовольным человеком; счастливым дураком, чем несчастным и страдающим Сократом». Однако он говорит как раз обратное: «Мало найдётся таких людей, которые ради полной чаши животных наслаждений согласились бы променять свою человеческую жизнь на жизнь какого-нибудь животного... Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей; недовольным Сократом, чем довольным дураком» (с. 512). «Значит, дело не только в довольстве и счастье, а к ним необходимо должно быть присоединено ещё нечто, что заставляет предпочесть недовольного Сократа довольному дураку» (с. 512). «Таким образом, и принцип счастья, как исключительный критерий прогресса, сам по себе недостаточен» (с. 512). «... поскольку формула прогресса не отождествляется с формулой процесса и является в отличие от сущего формулировкой желательно-должного, постольку она должна вклю-

чать в себя и принцип счастья или благоденствия» (с. 512). «Всякий прогресс, ведущий к уменьшению счастья или к увеличению страдания, - не есть прогресс» (с.512). «Тот же результат получается и тогда, когда единственным критерием прогресса, считают принцип счастья» (с. 512). «Если данное существо (довольная свинья или счастливый дурак) благоденствует, считая себя вполне счастливым и вполне довольным своим положением, то как для него, так и для других сторонников принципа счастья, отпадает всякое основание для дальнейшего прогресса и совершенствования. «Я счастлив, - говорит это существо, - и не хочу больше ничего», и никто не имеет права требовать от него дальнейшего прогресса, раз оно последовательно проводит принцип счастья» (С.512). «Таким образом, оба течения - и игнорирующее счастье, и считающее его единственным критерием прогресса - сами по себе недостаточны и разрешить проблемы прогресса не могут» (с .512-3).

В конце своего анализа П.Сорокин весьма прозорливо заметил, продолжая последнюю мысль: «Они слишком узки, и, очевидно, необходимо их синтезировать. В противном случае теория прогресса рискует дать вместо формулы прогресса формулу процесса или же вместо формулы прогресса - формулу застоя» (С. 513).

В небольшой статье - всего шесть страниц, примерно 2600 словоупотреблений, из которых 700 существительных (26,7 %), - слово «счастье», ключевое слово, употреблено в самом заглавии и в тексте 63 раза, что составляет 9 % всех существительных, безусловно, очень высокий удельный вес, и это не может быть случайным. В данной работе П. Сорокина это главное слово, на нём держится основной пафос идей и утверждений. Именно со счастьем соотносится социологическое понятие прогресса, впрочем, как и регресса, а также и застоя. Счастье здесь не конкретизируется, не детализируется, не определяется, а берётся и рассматривается как данность, как известная общечеловеческая ценность, или благо, добро, в одном ряду с такими положительными началами жизни, как любовь, солидарность, знание. По своему значению и содержанию счастье равнозначно или теснейшим образом сопрягается по смыслу с целым рядом слов-

синонимов, таких как: благоденствие, удовольствие, наслаждение, блаженство, добро, довольство. В то же время оно противоположно и антонимично или не совместимо с разочарованием в жизни, со страданиями и, конечно, с самоубийством. Социальное положение и обыденное личное счастье - вовсе не одно и то же, хотя нередко во взглядах отдельных лиц на жизнь можно наблюдать неправомерное смещение этих разных по своей сути понятий. Каждое сословие в обществе по-своему может быть и счастливо, и несчастно. И царям или президентам и их подданным и подчиненным, всем гражданам в принципе свойственно и доступно переживание самых разных чувств, все они так или иначе испытывают в жизни и радость, и горе, и пафос, подъём духа, и упадок, разочарование, горе. Счастье не является привилегией сословия или класса, хоть общество, действительно, делится на богатых и бедных, есть власть, правящие верхи и масса, обыватели. Это разные основания деления и разные характеристики, они сложно пересекаются, наслаиваясь друг на друга. Нечто было названо словом «счастье» (или «благоденствием»). Однако называемое этим словом состояние, ощущение, чувство не раскрывается. Но загвоздка в том, что в формулу вводится очень неопределённый знак, с большим разбегом колебаний субъективного понимания смыслов.

1997

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Наша цивилизация заворожена словами и мечтой о счастье. Люди закомплексованы и одурманены вычурными и изощренными соблазнами достижения полной обеспеченности расширяющимся год от года ассортиментом необходимых, действительных и мнимых благ, часто за счет экологии, из общих ресурсов Земли и даже уже Космоса. Высасывая, словно вампиры, оттуда живительные соки, оставляем после себя разный мусор и грязь в наследство потомкам. Мечтая о счастье, трудно бывает подняться над эгоистическим и узким мировоззрением: «Своя рубашка ближе к телу». Видимо, нет иного и более

естественного стимула жизнедеятельности, развития и движения, нежели вера в соблазнительное и иллюзорное счастье. Надежда на лучшую участь и мечта о достижении острова сокровищ, да еще здоровый авантюризм и азарт, властвуют в вечно волнуемом сознании пиратства. И если жизнь как бы авантюрное плавание в мировом океане или пусть авантурный роман, то мы все немного пираты и авантюристы. Иной раз, вовсе не без основания, кажется, что счастье - это большой вымысел, сильная и всепроникающая выдумка природы. И человек не столь, как утверждается, разумный, сколько грезящий о лучшей доле, неутомимый мечтатель, склонный к вычурной радости жизни. Из поколения в поколение, столетиями и тысячелетиями, культивируется сокровенная мечта о человеческом счастье. Общечеловеческая ценность - огромный соблазн - подвергается философской обработке и художественной огранке, распространяется в различной религиозной, торгово-промышленной, рекламно-политико-идеологической упаковке. Рынок наводняется символами овеществленного счастья, его знаками, талисманами, игрушками, поделками и подделками: счастье для массового потребления, на любой вкус. Империя, индустрия, политика - и все «во благо человека!». Хочешь не хочешь, будешь счастлив, не проскочишь мимо счастья: не одно, так другое должно задеть. Если кругом одно сплошное счастье, то его как бы и нет, не заметишь. Чтобы чувствовать, необходим контраст, различие, фон и смена обстановки и ощущений. Счастье внутренне противоречиво: счастье-несчастье сообщаются, совокупность, вечно спорность, соперничество, диалектика, всегда «с одной стороны и в то же время с другой», такая противоположность и объемность. Мы в принципе не можем представить себе один лишь рай, без грешной Земли и ада. Богатство в бедности и разорении. Любовь и ненависть, милосердие и презрение, помощь и беспомощность - и это все рядом, одно с другим связано, лицом к лицу, друг против друга. Испытывая трудности, печаль, уныние, человек так или иначе переживает надежду и мечту о счастье, желает его, найти ли, получить ли откуда. Пусть это даже неясные грезы о везении, удаче или нечеткая мечта и желание благодатности. Литература и искусство воспитывают нас, формируя и прививая нам некие идеалы доб-

ропорядочности и благосостоятельности в качестве важнейших качеств хорошей жизни: чтоб богаче жилось, чтоб была любовь, чтобы душевный покой и мир. Конечно, отнюдь не только это, ведь культурные «надстройки» над экономическим базисом очень разные по смыслу и назначению. Мир литературных образов и идей фантастически разнолик.

Счастье (слово, название, имя) - это в нашем языке целый сценарий, сюжет, картина, где свои действующие лица, взаимоотношения, действие, а не просто чувство или состояние, хотя и это тоже, как окончательный снимок, итог, результат. У протекающего действия, складывающегося и развивающегося организма счастья должно быть в глубине подспудное, подземное, подводное течение, скрытое от внешнего взора. Людям заурядным и поверхностным кажется естественно, что так и есть все, как сказано обычно, как называется первым же словом. Ну, а тонкий на слух писательский талант трудно подбирает и находит подходящие слово, чтобы посвежее было. Во всякой житейской и жизненной пьесе своя особенная драматургия, своя завязка, трагический узел, своя развязка, разрешение, финал. Счастье - очень литературное слово и по сути это литературное произведение, общая сюжетная схема, особенный жанр, романтическое направление. В изящной словесности мы находим примеры мастерского использования изобретательных и выразительных приемов чуткого и тонкого обозначения состояния души, ее порывов и противоречий. Нужна особенная стилистическая изворотливость и непредвзятость, чтобы уловить неповторимость и исключительность конкретного звучания радости и печали, их обертонов и нюансов, и передать это движение и диалектику в ограниченной гамме слов общего языка, дополняя названия разнообразными жестами, собственными намеками, своими ассоциациями. Глубина звука и «породистость» фразы скрываются в подтексте, будучи незаметны для дилетантов, которым доступна лишь заурядная механика шаблона и очень внешних слов, как правило, отчетливых и громких, годных в публичности и крике, митинге и споре. Наедине, с собой или с Богом, в исповеди или в молитве, - другой язык, иной синтаксис, вязь самопознания, а не металлическая кольчуга. Для этого нет готовых имен, для различения всех случаев в жизни.

И, чтобы уловить особенное в своем ощущении и осмыслении конкретного и личного счастья, авангард ищет всё новые пути, ориентиры и символы, рискуя своим отрывом от тоталитарной регламентации в общедоступном языке.

Владимир Набоков - писатель наблюдательный и прозорливый - угадывает жестокую и суровую бессмысленность человеческой жизни в этом разорённом мире. У него складывается собственная философия несчастливой судьбы, фатальной неоправданности мечтаний: полеты заканчиваются падением, надежды обычно крахом, жизнь - неперенной смертью. Его герои, полные страстей, дерзко сражаются с бесчувственным роком в борьбе за выживание и благополучие, однако безнадежно проигрывают последний бой. Чужая земля рассказов набита русской эмиграцией, сплошь и всегда отчаянно несчастной. Рассказчик умеет воссоздать явственно неустроенный, беженский быт, неуют и скитальчество по чужим углам, лишения и злобу. Жизнь, полная мерзостей и зверств, оттеняется идеальной рамкой иллюзорного счастья, воспоминаний и мечтаний.

У Вл. Набокова достаточно литературного вкуса, чтобы не следовать шаблону общепринятого и не повторять других, а по-своему увидеть и своеобразно воссоздать собственную картину мира, в котором много не названных ещё готовыми словами неведомых красок и линий, смешанных, нестандартных и непростых чувств. Ему хорошо известно, что привычное словоупотребление и расхожие фразы приспособлены к стереотипам мышления, понимания и ощущения. Практический язык обыденно многое уравнивает в действительности, упрощает и дисциплинирует, устанавливая относительный порядок взаимоотношений, различия и обращения. Писатель замечает, сколь многообразна наша жизнь и в ней разные судьбы человеческие, отмеченные своими знаками и предначертаниями пути. Наше счастье или несчастье на деле бесконечно разнообразны. По своему характеру, содержанию, поводу, причине, происхождению, продолжительности, силе, ценности, влиянию и т.п. Что только не становится толчком и предпосылкой, источником, подпиткой и поддержкой для субъективного ощущения нами радости, веселья или, напротив, печали, тоски. Кто из нас может представить и оценить вдохновение влюбленного карлика?

Картофельный эльф у Набокова, возвышенный настоящей любовью, до смерти счастлив: неожиданно для себя он узнаёт, что от него случился в прошлой, цирковой ещё, жизни сын, нормальный, у большой и печальной женщины, очень ему сочувствовавшей. С этим не сравнить чувство эмигранта Алфёрова из романа «Машенька»: «У меня, знаете, большое счастье: жена из России приезжает». Его, конечно, понять легко: «Четыре года, шутка ли сказать».

Теряет голову Эрвин, лелея сказочную мечту владеть всеми встречными красавицами по его выбору. «Это большое счастье», - признаётся он со смущением. Обладание противоположным полом для угнетённого и закомплексованного человека, по-видимому, не просто источник физиологической радости. Пожалуй, то было бы довольно банальным объяснением и слишком понятным рядовым случаем, сразу признаваемым как переживание удовлетворенности и удачи. И не случайно волшебный зов любви манит сказкой - и обманывает, лишь обольстит.

Удивительно счастье Пильграма, совсем иного рода. Оно подробно и весьма живописно описывается, это редкое чувство и подвиг ожидания коллекционера бабочек. Даже если мы далеки от понимания такой страсти, всё равно самоотверженная и беззаветная страсть, несмотря на чужаковатость и экзотичность ситуации, вызывает в конечном счёте человеческое сочувствие к одержимости мрачного энтомолога, которого в самый последний момент подло хватил удар, когда уже всё, казалось, было устроено для осуществления мечты всей его жизни. Счастье, вознаграждение за целеустремлённость и настойчивость, было уже в руках, осязаемо и реально, собран рюкзак, вот деньги, билеты в южные страны, где он сам в свой сачок поймает неопишуемой красоты двукрылую мечту. Для этого бедняга ухватился за последний шанс, и он оставлял дом, лавку, жену, чтобы достичь своего странного и эгоистического счастья. ... Его находят в неловкой позе, валяющимся на грязном полу. Никому ещё не удавалось обойти злой рок, попирающий наши светлые планы. Вот кредо писателя.

Тихая Элеонора, верная супруга непокорного Пильграма, давно усвоила уроки жизни, и её вполне удовлетворяет самое обычное и необходимое: собственная квартира, свой уют и

обеспеченность без чрезмерных претензий, малые праздники и простые радости иногда. Кому что счастье, как его ни называй: идеал, желание, мечта, потребность, стремление, страсть, необходимость или ещё как. Однако она знает, что не следует слишком отрываться от почвы. Окрылённость и дерзкие полёты ввысь, странствие в неведомые дали до добра не доведут нас.

В рассказах В.Набокова действующие лица, население того мира, как бы делятся на вялых и покорных, с одной стороны, и странных, взбалмошных, беспокойных, с другой. У первых, как бы уставших и примирённых, людей смиренных, и поведение, и стиль, и мечты, и их чувства, вполне заурядны, обыденны, рутинны, как у всех, у них в жизни всё уравновешенно и средне-статистично. Вторые, напротив, во всём дерзки, хотят не привычного, а особенного. То, что многим хочется, ими не ценится так, им неважно то. Они хотят своего и по-своему. Их помыслами и желаниями, движет не инерция, общий поток и мода, а дерзкий дух, самочинство, неподражаемость. Это иной психологический тип, бунтарский. Для этих смысл жизни, или желание, бывает сосредоточено в творческом искании. Активно-деятельный подход к жизни объединяет разные масти архитекторов и строителей, неистребимых рационализаторов мироустройства, социального быта и самодельного рая. Когда не находят чудесной отмычки и не получается всеобщего восторга и радости, естественно приходят по мере отрезвления досада и разочарование. Следом идут неверие, упадок духа, пессимизм. И вот вокруг тебя уже шепот: «На Земле нет счастья». Значит, надо его искать выше. Людей вновь и вновь соблазняют Небом.

Итак, основные ёмкости так называемого «счастья» заполнены, прежде всего, разнообразной любовью. Это, пожалуй, столь же распространённый и расхожий груз, или содержание, как и богатство, состоятельность и материальная обеспеченность, т.е. имущественный, или товарный, компонент удовлетворённости благополучной жизнью. Однако этим не исчерпывается полностью всё наполнение счастья. Есть ещё в нём неисчислимые редкости и раритеты, экзотические и невиданные формы и зёрна. Верующие фанатики, воинствующие атеисты, просто циники, гностики, агностики - все настроены на разные мировоззрения и понимания того, что называют обычно счастьем.

Но вернёмся опять к первому роману В.Набокова «Машенька», психологически очень достоверному и откровенному. Вот мы узнаём, что в город, где после всех перипетий ты оказался, издалека приезжает твоя первая, романтическая любовь. В этом завязка. Ганин ожил, всё вспомнил, вновь пережил ту радость, его охватил порыв, появилась дерзкая цель, он настроился, захотел - и вот-вот уже встреча, которая сулит ему ... В самый последний момент он садится вдруг, какие-то минуты не дождавшись своей любви, в поезд, который навсегда увозит его, чтобы оставить Машеньку жалкому Алферову. Только лишь в мечте состоялось переживание замысла счастья, а в реальности - у мужчины, которого проутюжили и поражения, и лишения, и унижения, не хватило силы духа. Он сдаёт любовь, ни во что и ни в кого уже не веря, потеряв опору в себе. Вместе с ними, Ганиным и Набоковым, и мы теперь хотим разобраться в логике и мотивах жизни, если в ней ещё можно что-то понять. Набоковский Ганин и в самом деле не знает, что ему делать, и он в этом разве же виноват, если в этом мире никто не знает, в чем счастье и где это вообще, если оно есть.

Слишком уж сложна система сцеплений, переходов и опосредований в механизме счастья. Для Пилыграма, долгие годы просиживающего в своём магазине в ожидании покупателя, деньги, вырученные за свой неходовой товар, - это ещё не всё. Они для него не самоценны, вовсе никакая ни цель, а лишь средство, промежуточное звено для достижения сокровенного замысла в жизни. Его мечта, оказывается, именно из-за них трудно достижимым делом, и счастье половить самому диковинных, тропических бабочек отдаляется всё дальше и дальше от него. Хотя каждый успех, пусть даже промежуточный, доставляет нам удовлетворение и радость.

УМИРОТВОРЕННАЯ МУДРОСТЬ СПОКОЙСТВИЯ

Публикацией сборника повестей и рассказов «Осенний свет» в 1990 году издательство «Советский писатель» после почти семидесятилетнего замалчивания возвращает на родину Бориса Зайцева (1881-1972), писателя огромного дарования. Вместе со вступительной статьей Т. Прокопова и старой, 1917 года,

публикацией Ю.Айхенвальда об авторе, книга Б.Зайцева насчитывает 544 страницы. В ней встречается следующее число словоупотреблений ряда существительных, заинтересовавших нас по причине, которая прояснится позже:

1. ЖИЗНЬ	348
2. ЦЕРКОВЬ	111
3. СЛОВО	99
4. ГОЛОС	67
5. СЧАСТЬЕ	40
6. МОЛЧАНИЕ	15

В книге Б.Зайцева слово «счастье» использовано сорок раз, т.е. осреднённо одню употреблению на тринадцать с половиной страниц текста. Подсчеты, обобщённые в приведённой таблице, показывают, что в прозе Б.Зайцева слово «счастье» встречается реже, чем слово «голос» (в полтора раза), чем слово «слово» (в два с половиной раза), чем слово «церковь» (почти в три раза), чем слово «жизнь» (в восемь с половиной раз). Б.Зайцев, как видим, применяет это распространённое и знакомое всем русским слово, однако использование его довольно умеренно по частоте. Пожалуй, реже, чем у некоторых других писателей.

Конечно, употребление слов в речи не случайно, а обусловлено целым рядом причин. Есть некоторая мода и на слова, и говорящий может отдавать предпочтения некоторым словам, явно или неявно избегая использование других. Помимо объективных факторов словоупотребления, есть и субъективные, чисто вкусовые, связанные с языковым чутьём, тактом, воспитанием, стилем. Разные авторы относятся к языку и пользуются им по-своему. Личность - это стиль. И стиль - это тоже личность. Однако есть ещё и время, и стиль эпохи. Есть идеология и литературные направления, течения, группы, сообщества. Как человек говорит и пишет, это зависит от многого. Эти зависимости часто невидимы, незаметны, неочевидны. Моя речь, то, о чём и как я говорю, отражает мою суть и зависит также от других, от окружения, от среды и мн. др. В этом очень трудно разобраться, понять и выразить, как же связаны и взаимодействуют: человек, сообщество и язык. Тут, во взаимодействии, очевидно, некий сплав, органика, обоюдность, а не однонаправленность. Пожалуй что, и не человек сам своевольно, «тво-

ря», использует пассивный язык как средство. Есть такая высокомерная и непродуктивная позиция, взгляд. Но и не язык всемогущий ведёт безвольного человека куда-то, подчиняя всех своей стихии. В этом взгляде излишне много фатализма и обречённости. Перспективнее для языковеда исходить из органического и диалектического понимания связей и всеединства: человеческая личность, народ, мир, все языки, все слова, материальность и духовность их, земля и небо, дальнее и горнее, в нас и вокруг, идеи и вещи, средства и цели - всё друг на друга влияет и друг друга направляет, будучи сопряжено и соединено таинственно и до конца необъяснимо, непонятно нам. Объяснить просто это сложное многообразие невозможно. В этой картине слишком много красок, линий, векторов, зыбкости и глубины. Не схема и формула, но бесконечно противоречивая живая действительность.

Человек в бурной реке жизни. Течение его захватило, поток несёт куда-то. Сопротивляясь, выбиваясь из сил, он плывёт, работает руками и ногами, к берегу. Его цель - выжить. Есть он, есть идея, есть средство и есть стихия, с которой он борется, от которой зависим, ибо его силы и свобода не беспредельны. Однако и от его воли что-то зависит, от его тактики и техники, способности и умения плыть. Люди разные и ведут себя в жизни, как могут, играют свои роли, то ли сами выбирая их, то ли по предписанию свыше, то ли по чьей-то подсказке. Понятно, удастся ли человеку переплыть реку или он обречён - это зависит от соотношения сил природной стихии и творческих способностей личности. И там же ещё удача, его счастье, его судьба.

И другой пример: человек в толпе. Что же он там собою представляет, как чувствует себя и как ведёт себя? Безусловно, попадая на площадь, всякий в определённой мере подвергается воздействию стихийной силы массы. И физически, и психологически он не свободен, не волен абсолютно, будучи ограничен в передвижении и спаян внутренне. Но он держится на ногах, сам толкается, куда-то стремится, что-то провозглашает или молча что-то слушает, слышит. Оставаясь на своём месте, в случайном окружении, и он ведь сам тоже формирует эту самую общность. В нечетко структурированной совокупности он составляет как бы малую и зависимую единицу, пылинку или снежинку, из которых состоит пыль или снег.

В этом соотношении части и целого - непростая диалектика, дух взаимодействия и борьбы противоположностей. Ленин, Горький, Маяковский, другие революционеры, массовики, поэтизируют и организуют толпу. Борис Зайцев - приверженец совершенно иного типа философии жизни. В принципе все мы - и, следовательно, каждый из нас в отдельности - пользуемся в общении друг с другом в целом и общем вроде бы одними и теми же словами нашего языка. Тем не менее при единой, казалось бы, языковой основе речь отдельных индивидуумов на деле может разительно отличаться одна от другой. Своеобразие индивидуального словоупотребления в высказывании и понимании, или восприятии, может быть в разной степени обусловлено многими факторами, в том числе и психологическими, и мировоззренческими. Люди по-разному в состоянии освоить и применить язык в речи. Нас всех отличают языковые способности, словно отпечатки пальцев, или индивидуальные, неповторяющиеся запахи, или генетические коды, в которые трудно было вникнуть. Индивидуальный языковой код должен проявляться прежде всего в особенностях стиля, или духа, речи. Звучание и влияние речи, сила её воздействия, зависят от душевных задатков и волевого заряда (энергетического потенциала) личности, не исключая и её религиозных свойств, фанатизма, экстрасенсорики, или сверхчувствительности. Именно с внутренним излучением и таинственной энергетикой связано внешнее проявление духа - желания, замысла, идеи, плана - в воздействующем и так или иначе влияющем ритме, голосе, тембре, тоне, звучащей музыке слова, слоге. Не всякие слова способны проникать тебе в душу. Для этого нужен соответствующий лад, и его не так просто бывает найти: самый подходящий или более или менее влиятельный среди огромной массы никуда не годных мелодий и звучаний. Пожалуй, было бы глубже связывать индивидуальность стиля даже не с личностью, но более определенно и откровенно уже с душой или духом, конечно, если их признавать как реальность.

Сущность стиля в том, что он проистекает из души, из самой сердцевины. Он есть эманация духа. Так звёзды излучают свой свет. Обращение к теме, интерес, тяга, отталкивание, неприятие, склонность, предпочтение тех или иных фигур,

средств, способов, тем более отбор и сочетание единиц, соответственно задачам и целям высказывания и выражения, чередование слов, звучаний, смыслов - это уже вторичное, внешнее в стилистике. Какие именно выражения, обороты, слова, как часто-редко и как именно, насколько целесообразно и мотивированно, в каких сочетаниях, значениях, смыслах, окружениях, привычных или неожиданных контекстах, структурах и функциях предпочитает, склонен, может использовать определённый носитель языка, тот или иной автор текста, высказывания, произведения - это вопросы структурной, или формальной, стилистики. За внешними проявлениями и измерениями стиля (параметры в стилистике) не всегда легко обнаружить собственно природу индивидуального своеобразия, нашей зависимости и подчинённости общей норме, предписанию и шаблону или, напротив, творчества в использовании языка. Проще говоря, в своих намерениях и поступках, мыслях и чувствах, в своих высказываниях, оценках, отношениях, восприятии и понимании каждая душа уникальна, подобна и похожа, но неповторима в своей тонкой организации. От этого и в звучании, тембре души.

Борис Зайцев - незаурядный мастер хрустально чистой лирической прозы. Личность гармоническая, целостная, бескорыстная, мудрая, он беззаветно и восторженно славил данную нам жизнь, послушно принимая ее во всех её проявлениях. Представляя собой безусловно редкую в нашей очень социализированной, возбуждённой и критической, литературе разновидность верующего автора - богопослушного и смиренного христианина, сострадательного и милосердного к людям, выдающийся русский писатель, весьма своеобразный стилист, с изысканнейшим почерком, оставил добрые и умиротворённые страницы эстетики мироздания и философии спокойствия, отвечая своему призванию и заслуженно оставаясь, действительно, и «певцом радости», и «бардом вечного духа любви», и «поэтом космической жизни». Это в бурную эпоху революционной борьбы и всемирных потрясений, крушения судеб, военных катастроф, когда сознанием завладели бесовские похоти перманентного разрушения культуры. Приведённые выше слова - жизнь, церковь, слово, голос, счастье, - очевидно, отнюдь не случайны в языке такого писателя, как Б.Зайцев, в его лексиконе, памяти

и литературных произведениях. Нам следует, безусловно, пристальнее присмотреться, прислушаться и вникнуть в то, где, когда и как использует их наш автор, в каких речевых контекстах. Затем значения, значимости и функции словоупотреблений как некое проявление собственно интенций, побуждений и намерений говорящей (пишущей) личности, обобщённо и систематизированно, можно сравнить с тем, как те же слова используются другими авторами. В результате такого сопоставления различных фраз мы увидим сходство и различие смыслов одного слова в разных контекстах и произведениях, у тех или иных носителей языка, что наглядно продемонстрирует семантическое пространство языковой единицы, размах колебания значения слова, его возможности как названия и знака. У каждого слова, как и у человека, есть свои реализации и свои потенции. Системные возможности слов и людей велики, и они постоянно развиваются в творческой деятельности народа и отдельных выдающихся личностей, носителей языка. Та или иная музыка, или мелодия, речи складывается из звучания и значения используемых и сочетающихся слов, словосочетаний, фраз.

Чтобы что-то знать и что-то сказать о писателе, мы должны его прочесть. Вникнув в произведения и уловив их стиль, мы в результате получаем какое-то представление об авторе, о творце, с трудом которого мы познакомились. В восприятии текста, так или иначе, основной механизм образа автора. Наше понимание Б.Зайцева кроется в нашем прочтении его повестей и рассказов. Только познакомившись с его книгой, мы сможем нарисовать себе его духовный портрет, мы почувствуем, каков он как человек. Он уравновешен, спокоен, религиозен, благороден, жизнелюбив, миролюбив, человеколюбив, мудр. Подсказывает текст.

Посмотрим же, в каких контекстах встречается слово «счастье» в ранних рассказах и повестях Б.Зайцева, чтобы затем уже, опираясь на наше прочтение их, вникнуть в своеобразие авторского понимания действительности и мотивировок употребления слова «счастье». Пока мы исходим из того принципа, что у каждого человека в чем-то своё особенное счастье, как в осознании, так и в выражении его. Тем более не делаем исключения для столь чуткой организации и души, как Борис Зайцев.

Столь мягко звучат у него самые обычные слова. Прислушаемся к пульсу и биению сердца - полнокровный и жизнерадостный, спокойный ритм услышим тут:

1. «Что они там думают, в этой зелени? Куда они глядят? Что видят? Не они ли в той зелени, и то зелёное не в них ли?

Веет ветер из далёких мест, о счастье - улыбаться там, глядеть туда» (Тихие зори. С. 47). Ребенок, природа, радость.

2. «А Лисичка кружит вокруг, будто в лёгком танце.

- Ну, будет, пойдём, нынче я счастлива, я хочу поцеловать солнце...» (Миф. С. 57). Эйфория, подъём духа.

3. «После сна выходят на работу розовые, томные; сразу даже не очень поймёшь, куда идти, что делать; но уж сами собой улыбаются друг другу, где же сдержать счастье?» (Молодые. С. 69). Изнутри, напор, благо.

4. «О, девичье сердце, молодая душа, - закрутись, взыграй, возмой на великое свое счастье и радость...» (С. 70). Неопишемое, невыразимое.

5. «Надо б тебя орясиной, как Брежнев советовал, да уж, видно, твоё счастье - самому разве побегать, высунув язык, в этих кустах, берёзках, огненном аромате?» (Полковник Розов. С.72). Фразеология.

6. «Иногда по ночам он ей снился - в сияющей дымке; утром она просыпалась счастливая и измученная» (Аграфена С. 79). И мука, и счастье.

7. «В ночь начала июня, как назначено было, накинута платок и дрожа, озаряемая тем же месяцем, что в дни счастья и зачатия заглядывал на сеновал, - Аграфена кралась туда же, к лесенке на сеник...» (С. 86).

8. «И как была она женщина, сразу поняла всё.

- Не плачьте, Аграфена, не тужите. Вот полюбите ещё, новое счастье узнаете» (с.86). Всё разный фон, освещение и осмысление, другой тон.

9. «Оставшись одна, она стала внутренне собранной, готовой на нелюдимую тяжёлую жизнь, и вступила в кочевое состояние женщины, переходящей от хозяев к хозяевам, видящей, разные семьи, разные драмы, счастья и предательства, - но хранящей суровую отчуждённость и только временами плачущей, в одинокие ночи» (С. 86-87). Драматургия и здесь объёмная картина в движении.

10. «Братец возвращался на рассвете туманный счастьем и полу-пьяный им» (С.92). Основная тема и новые наслоения, обертоны.

11. «Но о себе она знала, что такая жизнь, как она ведет, - без счастья и мыслей о нём, суровая рабочая жизнь женщины, отдающей себя, - есть наилучшая, честнейшая и самая ясная жизнь, как ни глубока печаль, коренящаяся в тёмных её истоках» (с.95). Осознание.

12. «Но лучше сбежать с зелёного откоса просто к иве, пруду серебряному и туда бросать венок и хохотать...

Венок тонет. Почему? О, думать об этом некогда, столько ещё счастья впереди» (с.98). Ожидание, надежда, мечта, вера в удачу. Модус.

13. «Кидалась к старой матери, мать прокляла принесшего тебе несчастье, она ласкала тебя и утешала, и на бледной заре сторожила твой сон» (с.98). Его приносят, доставляют, причиняют, отводят.

14. «Прощаясь, она вздохнула:

- Счастливый вы, везде были. А я всё только собираюсь» (Спокойствие. С.105). И ещё завидуют.

15. «Константин Андреевич молчал. Ему вспомнилось: маленький еврей-социалист, раненный из засады, в столице. Перед тем долго скрывался у них в городской квартире. В очках, робкий, - геройски прикрывавший товарищей собственным телом. Ему прострелили живот, он не мог переваривать пищу, лежал с почернелым лицом, с кругами синими, крепко пожимал руку извещавшим. Задыхался и говорил улыбаясь: «Движение растёт, бесспорно». И кроме лёгких - задыхался от счастья» (Спокойствие. С.111). Борьба, жертва, смерть, человеческая драма.

16. «Встреча с Климухиным была действительно счастлива».

17. «Он улыбнулся, туманно, счастливо. «Что за тебя мы будем погибать» (с.122). Это перед дуэлью Феди и мужа Тумановой. Тоже туман.

18. «-Константин, пожми мне руку. Я...люблю. Скажи ей - за неё гибнуть мне - счастье. Слышишь?

Он улыбнулся.

- Счастье. А тому (поморщился): «всё-таки она вертится». Прощай» (С.123). Есть разного вида фанатизм: революционный,

религиозный. А здесь любовный. Средневесковье?

19. «Началась агония. Полумёртвый Федя улыбнулся снова. Качнул головой, несколько раз явственно сказал: «Счастье», потом умолк» (С.123).

20. «Ему представилось лицо Феди, перед смертью, когда он говорил: «Гибнуть за неё - счастье» (С.125). Фраза, мода, характерный жест?

21. «...тонкая Машура протянулась, выставила ножку, обняла Игнатия Игнатьича. «Какое счастье! « - сказали её глаза. Она тоже прикорнула» (С.127). Излучение, выражение глаз. Довольство, удовольствие.

22. «Внизу, на уголке, малыми буквами, напоминавшими ему детей, было приписано: «Костя, как я несчастна! Прости» (С. 132).

23. «Глаза её светили.

- В моей жизни было мало радости - я не жалею об этом. Даже не хочу, чтобы они были слишком счастливы, - как понимают счастье обычно. Так и вести буду» (С. 138). Ощущение и понимание. И понятие. Цель.

24. «Летит трам. В его зелёной искре блеснули ресницы в снегу, вздрагивающее лицо, глаза тёмные, налитые счастьем» (Сны. С.150). Образ, не штамп. Особенное состояние, наполненное. Надо так увидеть.

25. «- Бутылку пива за Финогонова, счастливейшего смертного, приглашаю! - Трудно так выражаться, господин Финогонов. - Павел Захарыч пьёт. - Нельзя нам сказать, который из нас счастливейший, который нет. Вам улыбнулась судьба, а завтра, быть может, она, сразит вас в самую серёдку» (С.152). Взгляд, точка зрения, суеверие, споры.

26. «- Жена?

- Да, жена. Помните, что вы мне сказали? Я принял её.

Павел Захарыч посмотрел на него.

- Помню-с. Очень хорошо помню. Что же, дай вам Бог счастья, Никандр Иваныч.

Счастья?

Никандр опять улыбнулся.

- Этого дела вовсе нигде нет, незачем и говорить.

- Ах, Боже мой, Боже мой! - вздохнул Павел Захарыч. - Как это нас тогда ... угораздило? Насчёт потопления?» (С.163). Уте-

шение. Вопросы.

27. «И может быть, эта мама, которая прелестней всех закатов, может быть, она подойдёт и заглянет. А какое счастье, если поцелует. Тогда, наверно, будет осилено беспокойство ночи, и светлый сон, где видишь, что летишь, возьмёт незаметно» (С.166). Восторг, прелесть.

28. «- Соня, Соня, давай бегать! - кричала Лиза Собачка и в упоенье от здоровья, счастья неслась как дикий кобылёнок по аллеям» (Заря. С.167). Всё новые штрихи и краски, детали и подсказки, не окостенело бы слово, в затверженности: упоенье жизнью свободной, природной.

29. «Женя улыбнулся. Чем-то смутным, блаженным был он полон, и весь этот день, когда ружьё висело в кабинете с «настоящими» ружьями, был так значителен, радостен; он уже не просто Женя, а владетель ружья, из которого может стрелять воробьев, сорок - какое громадное преимущество перед девчонками!

Он был счастлив» (С.168-9). Побочные штрихи, настроение, мотивы.

30. «Рождества дети всегда ждали. Рождество, Святки для этого народа полны счастья, сказочности, необычного» (С. 172). Ещё один фон.

31. «Чуть не все падали, или их носили лошади, обрызгивала хвостом кобыла Говарда - но всегда смех, счастье силы и ловкости владело ими, и как мартовский ветер оведало бодростью» (С. 180). Ощущение.(Здесь ощущение здоровья, бодрость. Выше было: праздник, событие).

32. «Сирень была свежая, бледно-фиолетова, с капельками росы. Вдыхая её запах, он слабыми пальцами трогал цветы. И улыбнулся горько, вспомнив, что никогда не мог найти в сирени пяти лепестков - счастья» (Смерть. С.193). Мифология, детское сознание, игра, раритет.

33. «Желаю тебе ясной и светлой жизни; помни, друг мой, что величайшее счастье, как и величайшее горе человека есть любовь, и постарайся создать себе жизнь достойнее отцовской» (С. 194). Модус жизни.

34. «И, смеясь, она рассказывала об избегнутой опасности, как здоровый охотник, сделавший счастливый выстрел» (Изгна-

ние. С. 232).

35. «Счастливой чертой Бобкина характера было то, что он всегда и с неотразимостью верил: в свою красоту, в успехи у женщин, в будущее богатство и в присущую способность внушать уважение, боязнь» (Мать и Катя. С.243). Заложено в генетическом коде, достается по наследству, от рождения.

36. «- Как вся-кая игра, - и игра в блошки требует практики. Иначе получится нера-венство сил.

- Играйте, играйте, - ответила Мать. - Дай вам Бог удачи. Дело полезное» (С.252). Разные названия одного: везение, успех, выигрыш.

37. «Покачиваясь в седле, глядя на туманные и милые Плеяды, возможно думать о проходящей жизни, неуловимых минутах счастья, чего-то жалеть и улыбаться на что-то» (С.257). Миг жизни, её суть и смысл.

38. «Бой шёл с переменным счастьем. Панурин быстро изменился. Опять в нём проснулся спортсмен-неудачник» (С.261). Выигрыш-проигрыш одно.

39. /Ахмаков:/ « - И люди мало изменились. Так же от любви страдали, от гордости. Так же умирали. Всё главное - то же... Слава, счастье... А ответа нет. Страшен мир-с... К нему с воскресной школой не доедешь» (Путники. С. 294). Философия жизни, вечность, непознаваемость.

40. «Подходя к роще, паром полынным, ошмургивая горькую полынь, мы говорим о счастии и цельности, гармонии и раздвоенности, праведности и греховности, о тех делах, мыслях, стремлениях, с которыми - тысячелетия - входит в жизнь человек и выходит из неё» (Душа. С.307). Важный заключительный аккорд, торжественное религиозное звучание, о самой сути это.

Итак, выше мы привели всего сорок фразовых выдержек, в которых подчеркнули слово «счастье». Как и другие слова, оно в контексте, в окружении и сочетании, выполняет определённые функции в конструкции целого произведения, озвучивая и интонируя некие предчувствия, смыслы, заповеди и замыслы. Чудодейственное, как заговор, таинственное, как откровение, творческое слово с трудом раскрывается нам. Большое искусство противится разъятию и разложению на элементарные частицы. Личность, текст, слово - сложнейшие соединения и спла-

вы. Как и жизнь.

Под силу ли нам, обращаясь к тексту, догадаться о том, что же было для Бориса Зайцева счастьем, как он понимал его, чему противопоставлял, как относился к нему сам и что относил к нему, счастью, и, шире, к жизни, смерти, любви, Богу. Какими реальными, эмоциональными, мистическими смыслами и интуициями было заряжено слово «счастье» в удивительном творческом сознании несокрушённого и несуетного мастера современной русской литературы, можно ли это как-то расшифровать теперь, обращаясь к им написанному? В понимании и толковании слова «счастье» возможно и есть разное, и многое там, в семантике и употреблении, связано и зависит от мировоззрения и мирочувствия человека. Каким образом в авторском применении известных слов уловить индивидуальное и своеобразное? Речь здесь идёт, конечно, о Б.Зайцеве и пока о слове «счастье», показательном и интересном во многих отношениях. В нём мы вправе подозревать с самого начала и бытовые, обиходные, и политические, идеологические, и психологические, и философские, и религиозно-мистические, метафизические аспекты осмысления и употребления. Важно всё это соотнести и согласовать. На вопрос о том, что такое счастье, или на вопрос, что обозначает, значит слово «счастье», вопросы очень связаны, нет и не может быть одного простого, определённого и ясного ответа. Сложное понятие, сложное по значению слово - и у них множество изъяснений, по глубине, широте охвата и подробностям, детализации, и также немало всевозможных толкований. И одно из них, нас интересующее, - значение слова по Зайцеву, в его речи. Личность (душа), стилистика речи, словоупотребление и индивидуальный словарь, идиолект связаны. Для нас они составляют единый комплекс, взаимозависимость.

Нашему последующему лексико-семантическому анализу, обобщению и интерпретации, пожалуй, не помешает расширение фактической базы. Мы привлечём ещё цитаты из работы Ю.Айхенвальда 1917 года о Борисе Зайцеве, исходя из того, что этот материал будет способствовать лучшему пониманию и автора, и его стилистики, и его словаря.

Ю.Айхенвальд. Борис Зайцев:

«И, погибая, мы испытываем восторг, счастье гибели, и на устах наших - молитва миру; и, уходя из жизни, мы, изгнанники потерянного рая, благословляем его, славословим эту жизнь, слагаем ей проникновенные хоралы и говорим ей, что она благодатна и прекрасна, - несмотря на смерть Жени с холодеющими ножками, несмотря на измену любимой женщины и всюду проливаемую кровь» (С. 521). Такая завязка. «Лину зовёт жизнь, она будет взята, она пройдет свой путь страсти, любви, наслаждения». Будет сидеть у её ложа и страдать тот, кому она изменила, - но в этом есть своё счастье, своё «спокойствие» (С.522).

За несколько дней до смерти, слабыми пальцами трогая цветы сирени, горько улыбается человек и вспоминает, что «никогда не мог найти в сирени пяти лепестков - счастья»; но потом он стал думать о Боге, о любимых женщинах, и целует сирень, бледно-фиолетовую с капельками росы» (С.522).

«Зайцев же, как основное своё настроение, исповедует не только эту веру в конечную святость человека и благородную «верность» его, он верит и в его неминуемую счастливость, в его неизбежное спокойствие» (С.522).

«Это не прекраснодушие, это именно - «спокойствие», уверенность в святости и счастливости человека» (С. 523).

«... всё равно в глубине его души, как в глубине реки, жила она, Мариэтт, светлая, благоухающая, с руками, лёгкими, как птицы, и вместе с нею жило счастье» (С.524).

«Образ умершего Алексея растаял в белом, светлом, растворился в природе, и мы видим белые соборы, перламутровые облака, и вот девушки в белых платьях, «белый лёт» танцующих гимназисток, - «как будто белые голубицы крушат над их душами, и сами души курятся - белесым, весенним дымом», и Зайцев, любовник белого, русский Роденбах, испытывает какое-то счастье горя; он сам говорит о «благословении горя», но ведь благословение и есть счастье» (С.525). «Юной радостью бытия, тихим восторгом счастья наполняет он, переполняет чашу своего дарования» (С.526).

«...для него нет малого, и какие-то связи, золотые солнечные паутины ткёт он и проводит между частью и целым, между полковником Розычем и космосом» (С. 526-7).

Т.Прокопов. Борис Зайцев: Судьба и творчество.

«Зайцев сумел полюбить эту радость и счастье человека сильнее, чем капризы своей души, или, вернее, он настроил свою душу так, что все её движения стали откликами этой радости и этого счастья», - писал П.Коган» (С.11).

«Он так любит эту радость, он так ясно ощущает её, что трагическое жизни не может нарушить её светлого течения. Печальное - только спутник счастья, а смысл и цель в этом последнем...» (С.11).

/К.И.Чуковский/ «Его поэзия, писал он, «так щемяще прекрасна, и Зайцев восхитительный поэт, но наше несчастье, наше проклятие в том, что мы все - такие же Зайцевы! Вы только представьте себе на минуту огромную толпу, всю Россию, из одних только Борисов Зайцевых, Зайцевы сеют и жнут, Зайцевы сидят в департаментах, Зайцевы продают, Зайцевы покупают, да ведь это величайшее наше страдание и величайшая слабость!» (С. 12).

К счастью прокладываются бесчисленные подходы со всех сторон. И оно, всевозможное, видится и рисуется разнообразным до бесконечности в тех или иных местах и странах, в определённых культурах, историческом времени, поколениях, обстановке. Образ и эталон счастья зависят также и от многочисленных субъективных причин: от настроения, от состояния души и тела, от здоровья и самоощущения, от общего и твоего личного социального статуса и благосостояния, от непредсказуемых случайностей и взаимоотношений. Кроме природной основы чувства, в нём существенно влияние и вторичное оформление культуры, идеологии.

Счастье испытывают непроизвольно и, видимо, каждый по-своему. Это особенное переживание, личное и интимное, невербальное по сути. Правда, о переживании счастья люди пытаются ещё и рассуждать, осуществляя непостижимо трудный перевод ощущения в представление - и в текст, таким образом соотнося и условно связывая две разных действительности. Символическое и словесное отражение подвижного и неукротимого чувственного мира в своём стремлении к достижению подобия, являясь процессом, тем самым не имеет конечного предела совершенства. Разноликое и многообразное чувство удовлетворённости, радости, блаженства и, обобщенно, счастья, если хотите, связано не с одним смыслом, как и не названо

одним словом, но испытывается и всё проверяется и уточняется в нескончаемом потоке осмысления себя и окружающего, т.е. в непрерывном терзании самопознания и в вечной философии (метафизике знаний).

Сколько же было уже, есть и будет ещё этих самых разных состояний и описаний, ощущений и осмыслений счастья, в представлениях и образах, кто только не касался вопроса счастья, конкретного, сейчас и здесь, осязаемого, в экзистенциальном переживании, лично; или же более обобщённого и стороннего в умозрительной и отвлеченной теории. На своё понимание и объяснение жизни, человека, счастья претендуют и люди легкомысленные, и профаны, и специалисты, и мудрецы. Одни с точки зрения здравого смысла, и практической жизни, другие в специальных отраслях гуманитарных знаний: в этике, эстетике, идеологии, политологии, педагогике, социологии, философии, культурологии, богословии, филологии. Важнейшим плацдармом для поисков и испытаний различных вариантов-образцов человеческого счастья является искусство в целом, искусство слова, в частности. Доступными ему средствами мастер выражает восторг, рисует атмосферу радости, воплощая художественно свой образ счастья, некий идеал благословенной жизни и благодати.

Цитированные выше критики и своё время обратили внимание на то, что счастье для Б. Зайцева - не только мимолётное и капризное настроение и результат зыбкой случайности, но прежде всего таинственное отражение в зеркале нашей личной души вселенской и космической мощности, некие явные и непостижимые отзвуки провиденциальности и полной неуёмного драматизма бесконечности. В своей устремлённости к плодотворному существованию цивилизованное человечество мечтает и дерзает, однако не справляется с непокорным энергетическим буйством природы. Именно чтобы скрыть или хоть затушевать своё паническое бессилие перед метафизической бездной и стихией вечного зла в непостижимой и неукротимой судьбе и жизни, полной противоречий и недостатков, человеку изначально свойственно обращение к культу заговоров, молитв и мифов о милости. Религиозные ритуалы успешно отводят от действительного верующих социальные страхи светопредставления, вытесняя

пугающие картины и предчувствия судного дня и мучительной бездны из тёмной сферы коллективного бессознательного.

Окружающая человека жизнь, легко заметить, полна суетности, страстей, стремлений, деяний, отношений. В ней наряду с равнодушием и безразличием укоренилась любовь и ненависть или презрение, вслед за очарованием идет разочарование, вместе с радостью и восторгом находятся печаль и горе, немало веселья и всё изощрённей наслаждения, но неизбежны при этом невзгоды и не убывают страдания. Именно в разносторонней полноте и уравновешенности противоречий - как бы неизбывная сокровенность и суть загадки жизни. Только лишь в своей свободной и открытой целостности и безграничном многоцветии она, наша жизнь, обречена приносить людям удовлетворение. Не случайно вовсе наш мудрец настраивает душу чувством гармонии мира, распространяя вокруг светлую проповедь благолепия Жизни, благодарного и тихого приятия восторга существования, твоего со-участия и причастности к бесконечности бытия, где во всём окончательная завершённость, если только сумеешь стать вровень себе и слиться полно с целостностью.

Естественно, что народонаселение Земли во времени и люди, сущие и смертные, уникально являясь, разное переживают своё предназначение и судьбу, всегда по-своему что-то ощущая, чувствуя, понимая и оценивая в жизни, в себе и вокруг себя, в окружении и всё дальше в мире. На почве наивного и примитивного самопознания, отличавшегося самодостаточностью и самочинством индивидуальной исключительности, с глубокими и древними предрассудками рудиментарной психофизиологии и метафизики, вырастают и культивируются тоже довольно-таки многочисленные и небесспорные философии, доктрины, верования, теории, осмысления, описания, рассуждения, версии и мнения о большом и малом, о мироустройстве, о человеке, о назначении, роли, возможностях, об идеалах, о мечте, цели существования, о счастье: зачем всё и я? как быть? куда стремиться? что же там ждет меня? и нас всех? я, мы и ещё что?

II

КУЛЬТУРА И СИЛА СЛОВЕСТНОСТИ

УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ В ПАМЯТИ.

В жизни каждого человека бывают особенные встречи. Не вдруг и не сразу осознаешь их значение. Теперь-то вот начинаю и с сомнением говорю, что и я был учеником самого Игоря Александровича Мирандова. В той харбинской юности, в школьные годы, мне очень повезло на необыкновенно интересного и самобытного учителя. Действительно, он один из тех, кто влиял на нас, питая оптимизмом, формируя искусно стиль мироощущения и мировоззрения. До сих пор, как вспомню этого школьного чародея, учителя русской литературы, непроизвольно спадает хандра, растёт жизнелюбие и он всё продолжает нас убеждать. Пусть те школьные встречи были кратки и отрывочны, как уроки. Зато они счастливые и яркие, празднично-воодушевляющие, радостно их вспоминать.

У каждого из нас, очевидно, свой Мирандов. Мой Игорь Александрович - это 1949-1950 год, школа на Артиллерийской улице, мы в девятом. И ещё позднее. Представляя его, рисую картину послевоенного и предотъездного, «целинного», Харбина. Не могу вырвать из той беспокойной городской суеты этого горделивого и высокого человека, вынести за скобки напрягшейся жизни эту фигуру, изолировав его образ от той своеобразной обстановки, с оттенком старорежимного мещанства и новейшего намеса неуёмного и воинствующего энтузиазма. И.А.Мирандов вдруг, волею случая или судьбы, явился нам тогда в роли подлинного учителя.

И теперь живёт он в моём воображении - считай, сколько же прошло лет, - являясь в ряде лишь мне памятных эпизодов и

живых картин куда-то уплывшей жизни и будней. И я был и остаюсь с ним там, в той воображаемой действительности, в какой-то пусть самой маленькой роли - то ли отстранённого свидетеля, то ли заинтересованного наблюдателя, а то и участника, более причастного к его характерной и одухотворённой деятельности. Понятно, что на моё нынешнее восприятие прошлого, видение и видения, наслаивается весь мой более поздний опыт жизни, со всеми её несуразностями, неизбежностями, необходимостями. В этой палитре красок смешались по умыслу и беспорядочно ощущения, взгляды и фразы, которые явились и осели во мне тогда и позднее описываемого времени и событий. Или даже являются в мыслях только теперь.

Уверен, что мои воспоминания и размышления эти о значении учительства И.А.Мирандова, о его назначении и высокой миссии на этом поприще, в жизни Харбина и в судьбе харбинцев, говоря высокопарно, в частности, об облагораживающей роли личности учителя, его влиянии на мировосприятие и игру фантазии учеников, являются очень даже небесспорными, вовсе не окончательными и не обязательными ни для кого. Человек всегда богаче описания. И в нашем Мирандове, тем более, есть непостижимая тайна. Он останется загадкой, неразгаданной, слава Богу.

Богатая и одарённая природа полна высокими устремлениями, очаровывающим своеобразием породы, энергетикой неуёмного, как бы тщеславного, роста и совершенства, недоступного для понимания и признания всеми и сразу. Кто сможет, вспомните Харбин, 1949 год, вот-вот объявится с юга, валом, Китайская Народная республика, будет ещё продолжаться очень скудное существование маленьких людей и большие разборки вокруг и во всём мире. Пожалуй, никто не понимал отчётливо происходившего там и всюду. В вихре событий обыватели запутались, теряя чувство проницательности, жили в тревоге и ожидании, довольно беспомощные и наивные. Над бедностью и растерянностью униженных и оскорблённых, естественно, легко и просто властвовала демагогия, без сопротивления сразу ставшая главной силой в обществе. Слова и новые лозунги парили над поверженным городом и привлекали к себе победностью звучаний и интонаций.

Те, кто ещё способен был понимать, замолчали. Они осознали окончательность крушения всех своих надежд, и всё больше мрачнели их лица, тускнели взоры. Ломался мир привычных представлений и ценностей. Мог ли действительно талантливый и видный человек в столь бурное и противоречивое время идеологического и политического обострения, борьбы всех против всех, когда «кто не с нами, тот против нас», находиться на нейтральной полосе, над схваткой, оставаясь бесспорным и беспристрастным? Если быть последовательным и искренним, можно ли в своём отношении к сложной и противоречивой личности нашего школьного кумира ограничиваться одним предметом и качеством словесности, замыкаясь на высочайшей риторике, глубоком философизме и методическом мастерстве педагога, забывая и исключая вовсе политическую и идеологическую злободневность, какую бы то ни было оценку его гражданского поведения и позиции. Разве нам не важно вспомнить, чего и как боялись тогда люди, взрослые и бывалые, когда в тот город явились «наши», или «советские», или «товарищи», как их ещё тогда называли.

С тех пор, мне было только пятнадцать, пролетело немало лет, прожиты новые жизни, пройдены ещё какие-то испытания, так или иначе расширились горизонты мировидения. В принципе мы уже не можем отключить сегодняшнее, более сложное мироощущение, вспоминая, или воссоздавая, прошлое. Может, я излишне усложняю и запутываю дело? По возможности поглубже вникнуть и живее показать незаурядность личности и завидный педагогический талант И.А.Мирадова, определённо оставившего яркий след в нашем сознании и, вероятно, как-то повлиявшего на нашу судьбу, если такое вообще возможно.

Ученики стремятся быть достойными памяти учителя, и мы отдаём ему честь. Наше признание его особого общественно-педагогического таланта символично. Это наша дань высоко гражданственному звучанию голоса вечной культуры, сверх традиционных и программных призывов старомодной школы, которая, как могла, сеяла доброе.

И.А.МИРАНДОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ.

(Получены от его дочери - Елены Игоревны).

Мирандов Игорь Александрович родился 22 июня 1899 года в городе Симбирске в семье учителя. Учился в гимназии, основательно изучал английский язык. Был призван в армию и командирован в Омск, в артиллерийское училище. С волной эвакуации прибыл во Владивосток, где учился в педагогическом институте до его закрытия. После этого переехал в Харбин, где продолжал образование в Харбинском педагогическом институте, который пришлось бросить на четвёртом курсе из-за перегрузки в работе (преподавал в Харбинском методическом институте и в гимназии, позже работал завучем в гимназии им. Пушкина и в институте ещё преподавал английский язык). За полный курс педагогического института сдал экзамен в 1941 году в городе Гирине.

С 1929 по 1946 год работал в институте иностранных языков (колледж) и в школе иностранных языков ХСМЛ (Христианский союз молодых людей), где сначала был преподавателем, а затем заместителем директора. Параллельно преподавал литературу, психологию и английский язык в гимназии ХСМЛ.

В 1933-34 гг. организовал преподавание английского языка в Северо-Маньчжурском политехническом институте.

В 1946 году прекратил работу в ХСМЛ и перешёл в Харбинский политехнический институт, где был преподавателем, старшим преподавателем, заведующим кафедрой и по поручению дирекции института руководил работой аспирантов в Институте иностранных языков. По совместительству преподавал литературу в советских средних школах.

В 1935 году женился на Александре Михайловне Карповой, работавшей бухгалтером. В 1936 году у них родились близнецы - Александр и Елена.

В 1954 году подал заявление на выезд в районы освоения целинных и залежных земель в СССР, и в июне 1955 года всей семьёй прибыли в Булаевский район Северо-Казахстанской области, где проработали в Советском совхозе полтора месяца.

И.А.МИРАНДОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ.

(Получены от его дочери - Елены Игоревны).

Мирандов Игорь Александрович родился 22 июня 1899 года в городе Симбирске в семье учителя. Учился в гимназии, основательно изучал английский язык. Был призван в армию и командирован в Омск, в артиллерийское училище. С волной эвакуации прибыл во Владивосток, где учился в педагогическом институте до его закрытия. После этого переехал в Харбин, где продолжал образование в Харбинском пединституте, который пришлось бросить на четвёртом курсе из-за перегрузки в работе (преподавал в Харбинском методическом институте и в гимназии, позже работал завучем в гимназии им. Пушкина и в институте ещё преподавал английский язык). За полный курс педагогического института сдал экзамен в 1941 году в городе Гирине.

С 1929 по 1946 год работал в институте иностранных языков (колледж) и в школе иностранных языков ХСМЛ (Христианский союз молодых людей), где сначала был преподавателем, а затем заместителем директора. Параллельно преподавал литературу, психологию и английский язык в гимназии ХСМЛ.

В 1933-34 гг. организовал преподавание английского языка в Северо-Маньчжурском политехническом институте.

В 1946 году прекратил работу в ХСМЛ и перешёл в Харбинский политехнический институт, где был преподавателем, старшим преподавателем, заведующим кафедрой и по поручению дирекции института руководил работой аспирантов в Институте иностранных языков. По совместительству преподавал литературу в советских средних школах.

В 1935 году женился на Александре Михайловне Карповой, работавшей бухгалтером. В 1936 году у них родились близнецы - Александр и Елена.

В 1954 году подал заявление на выезд в районы освоения целинных и залежных земель в СССР, и в июне 1955 года всей семьёй прибыли в Булаевский район Северо-Казахстанской области, где проработали в Советском совхозе полтора месяца.

1 августа 1955 года приказом Облоно назначен учителем в село Архангельское, где преподавал литературу и английский язык и был завучем.

В 1958 году по собственному желанию переехал в город Петропавловск, где стал работать в педагогическом училище, преподавал литературу, русский язык, выразительное чтение и был завучем.

За эти годы принимал активное участие в «Педагогических чтениях», делая каждый год по докладу. Последней работой И.А.Мирандова был доклад о Петропавловском педучилище, которое было, как лучшее, выдвинуто на ВДНХ. Работал с желанием и энтузиазмом и называл эту работу «лебединой песней», чувствуя, что она последняя, ведь ему было 70 лет и надо было идти на пенсию.

Умер И.А.Мирандов 2 апреля 1970 года после тяжёлой операции.

МИРАНДОВ НА ЦЕЛИНЕ.

Игорь Александрович, приехав на целину и устроившись учителем в сельской школе преподавал там так, как того заслуживала великая литература. Он сразу заслужил любовь учеников, и, безусловно, этот странный «китаец» не мог не обратить на себя внимание бдительного местного начальства. На Первом съезде учителей Северного Казахстана Игорь Александрович выступил с докладом, который мы имеем возможность воспроизвести здесь. Знавшие И.А.Мирандова, бывшие его харбинские ученики с удовольствием прочтут и вникнут в узнаваемые слова учителя, через столь незаметно промелькнувшие полвека как бы обращённые и к ним.

Читая И.А.Мирандова, убедимся, что легко и просто понимаем всё, ибо были подготовлены к восприятию такого вот стиля мысли и изложения, ведь у него мы учились в своей далёкой школе. Действительно, от человека, поэта, учителя-словесника, друга остаются его «части речи» - школьные уроки, доклады, рассказы. К сожалению, печатный текст не отражает и скрывает манеру говорения и голос этого удивительного и незабвенного нашего филолога. Интонация, тембр, пластика его речи неповторимы и незабываемы.

И.А.МИРАНДОВ

(учитель Архангельской средней
школы Мамлотского района)

ПУТЬ К СЕРДЦУ УЧЕНИКА

*«А наипаче всего любите
родную литературу»*

(Н. Щедрин)

Когда в акт обследования нашей школы было занесено: «... учащиеся любят литературу и любят своего учителя», - мне был поставлен вопрос: «как вы находите путь к сердцу ученика? Поделитесь своим опытом». Сначала я был в затруднении: я чувствовал, что учащиеся литературу любят, но как это получается - я себе ясного отчёта дать не мог. Мне казалось и кажется сейчас, что, прежде всего, сам учитель должен любить свой предмет и это чувство, конечно, передаётся учащимся. «Влюблённость» преподавателя в литературу, стремление находить в ней всё новые и новые красоты, новые мысли, новые эмоции - всё это заражает ребят, и они тоже начинают увлекаться предметом. Учитель должен быть уж крайне скучен и сух, формален и безличен, чтобы ученики не заинтересовались литературой.

В настоящем докладе я не предполагаю пересказывать всем известные положения методики, а хочу лишь рассказать о том, на что я обращаю особое внимание, что считаю полезным и что, по-моему, повышает интерес к предмету. Я встречал преподавателей, диктовавших учащимся, а затем заставлявших заучивать материал по вопросам: «Чем обаятелен образ Наташи Ростовской?», «Почему мне нравится Татьяна Ларина?», «Что привлекательного в образе Рахметова?». Я бы с таким подходом к литературе не согласился. Трагедия Катерины, мучительные сомнения Андрея Болконского, пафос борьбы советских людей против агрессоров, обаяние образа Павла Корчагина - всё это должно стать личными переживаниями школьников. Литературу мало учить - привлекательность или отвратительность образа, очарование пейзажа или языка автора, глубину мыслей произведения нужно прочувствовать и глубоко пережить, нужно поставить себя на место героя и подумать: а как бы я поступил

И.А.МИРАНДОВ

(учитель Архангельской средней
школы Мамлютского района)

ПУТЬ К СЕРДЦУ УЧЕНИКА

*«А наипаче всего любите
родную литературу»*

(Н. Щедрин)

Когда в акт обследования нашей школы было занесено: «... учащиеся любят литературу и любят своего учителя», - мне был поставлен вопрос: «как вы находите путь к сердцу ученика? Поделитесь своим опытом». Сначала я был в затруднении: я чувствовал, что учащиеся литературу любят, но как это получается - я себе ясного отчёта дать не мог. Мне казалось и кажется сейчас, что, прежде всего, сам учитель должен любить свой предмет и это чувство, конечно, передаётся учащимся. «Влюблённость» преподавателя в литературу, стремление находить в ней всё новые и новые красоты, новые мысли, новые эмоции - всё это заражает ребят, и они тоже начинают увлекаться предметом. Учитель должен быть уж крайне скучен и сух, формален и безличен, чтобы ученики не заинтересовались литературой.

В настоящем докладе я не предполагаю пересказывать всем известные положения методики, а хочу лишь рассказать о том, на что я обращаю особое внимание, что считаю полезным и что, по-моему, повышает интерес к предмету. Я встречал преподавателей, диктовавших учащимся, а затем заставлявших заучивать материал по вопросам: «Чем обаятелен образ Наташи Ростовской?», «Почему мне нравится Татьяна Ларина?», «Что привлекательного в образе Рахметова?». Я бы с таким подходом к литературе не согласился. Трагедия Катерины, мучительные сомнения Андрея Болконского, пафос борьбы советских людей против агрессоров, обаяние образа Павла Корчагина - всё это должно стать личными переживаниями школьников. Литературу мало учить - привлекательность или отвратительность образа, очарование пейзажа или языка автора, глубину мыслей произведения нужно прочувствовать и глубоко пережить, нужно поставить себя на место героя и подумать: а как бы я поступил

на его месте? Здесь, как говорил Горький, *gacío* и *intuición* должны действовать в гармоническом сочетании. Сам анализ произведения или его отдельных мест: пейзажа, портрета, характера героя, художественных приёмов автора - всё это должно апеллировать не только к разуму, но и к сердцу ученика, должно углублять и обострять его чувства, вызывать те эмоции, которые сделают данное явление или образ близким, волнующим, должно заставлять ученика «жить» этим произведением.

В основу своего подхода к преподаванию литературы я беру слова Н.Г.Чернышевского, что литература является «учебником жизни». Во вступительной беседе я стараюсь внушить эту мысль учащимся. География рассказывает нам о том, как люди живут и трудятся, история говорит о нашем прошлом, биология объясняет природу, математика учит логически мыслить, а литература учит самому необходимому: как надо жить. Наша литература настолько богата, что за свой почти тысячелетний путь она отразила так много жизненных ситуаций и коллизий, разрешила столько проблем, показала столько образов людей, что, хорошо зная литературу, мы на своём жизненном пути, безусловно, найдём аналогичные или в известной степени сходные явления и будем знать, как нам надо поступить. У каждого может встретиться момент отчаяния, сознания своей бесполезности - пусть вспомнит Корчагина и его попытку к самоубийству; себялюбцы пусть вспомнят о Ларре, индивидуалисты - о Мечике, эгоцентрики - о Стаховиче; пусть учащиеся найдут в себе бактерии обломовщины. Литература поможет разобраться в самых различных жизненных путях. Как важно в жизни уметь понимать человека! Как часто мы ошибаемся в людях, в друзьях, в авторитетах! Навык составления характеристик и разбора образов поможет нам в этом вопросе. В жизни каждого юноши, каждой девушки придёт прекрасное чувство любви; как важно сберечь, не опозилить это чувство, видеть в нём красоту, источник силы и радости. А как легко скатиться в затхлый мир пошлости, мещанства, духовного убожества - как предостеречь себя от этой страшной и бессмысленной жизни? На помощь приходит литература. В жизни человека большую роль играет красота. Чем тоньше человек понимает красоту, тем он выше, чище, благороднее. «Красота спасёт мир», - говорил Ф.М.Достоевский.

Чувство красоты отличает человека от животного. Слушая симфонию Чайковского, вы можете плакать и радоваться, чувствовать восторг и нежную грусть. Животные же остаются к ней равнодушными. Литература учит нас понимать красоту. Всё это я стараюсь внушить своим ученикам, я предупреждаю их, что в жизни будет много моментов, когда им придётся искать совета, как поступить, и ответ они найдут в нашей литературе. А как бы поступил на моём месте Павел Корчагин, что бы сказал Олег, а не поступаю ли я, как «умная ненужность», а не обломовщина ли это, а не маниловская ли это грёза? Поэтому, разбирая какое-либо произведение, я считаю нужным поставить вопрос: чему учит нас эта книга?

С самых первых уроков в VII классе, когда проходится «Слово о полку Игореве», я стараюсь увязать это произведение с нашей жизнью. Чтобы у учащихся не было чувства отчуждённости от далёкого прошлого, так как 800 лет отделяют нас от времени создания «Слова», я связываю образ Игоря с аналогичным по мысли современным образом капитана Боровского из пьесы Лавренёва «За тех, кто в море». Учащиеся, если не читали самой пьесы, то, наверняка, видели одноименную картину. Такая аналогия приближает образ Игоря к пониманию учеников. Жажда личной славы, стремление выделиться, «блеснуть» характерны не только для XII века. Можно взять несколько случаев из повседневной жизни и на примере Игоря показать, к каким пагубным последствиям приводит нарушение коллективности, единства, любование собственным подвигом. Учащиеся должны понять, что даже такой одарённый человек, патриот и прекрасный воин, каким был Игорь (или Боровский), может совершить крупную, часто непоправимую ошибку в жизни, если он будет действовать один и не захочет принести некоторые личные интересы и выгоды в жертву общему делу.

Несколько гиперболический образ Митрофана Простакова приблизится к пониманию восьмиклассников, если, откинув гиперболу и сделав поправку во времени, перенести его черты на критику современности.

Образ Обломова может быть чужд сердцу девятиклассников, потому что помещиков давно уже нет, слово «дворянин» стало почти архаизмом, обстановка далека от нашей жизни. Поэтому

слова А.Н.Добролюбова и В.И.Ленина о том, что Обломов жив, они воспринимают с некоторым недоверием. Однако, если учитель разовьёт обломовскую теорию об «уютном завтра», «я и другой», о боязни жизни, перенесёт в современность его инертность, нерешительность, лень и апатию, - многие учащиеся потупят глаза и мысленно признаются себе, что «старый Обломов остался».

Внешне Болконский далёк от учащихся: он - князь, помещик, жил полтора века тому назад. Но если сердечно побеседовать с учащимися о том, что и среди них есть люди, которые, по их мнению, «пока» живут не настоящей жизнью и которые, возможно, ждут какого-то момента, способного мгновенно поставить их на своё место, сделать их вдруг знаменитыми, даже великими (вот тогда они начнут жить по-настоящему!), и затем рассказать им о «Тулоне» Болконского, то Андрей сразу им станет близким. Не надо спрашивать учащихся, есть ли у них такие мысли: они постесняются при всём классе признаться в этом, - вы по их глазам увидите, что многих такие мысли волновали, и на примере теперь уже близкого им образа Андрея Болконского укажете на его (а следовательно, и их) заблуждения и верные мысли.

В этом же романе учащихся обычно волнует тема Отечественной войны 1912 года, так как многих из них в той или иной мере затронула Великая Отечественная война 1941-1945 г.г. Это требует от учителя продуманной работы над материалом о патриотизме русских людей и образе Кутузова как народного полководца. С особой теплотой и самыми простыми словами надо говорить о Тушине, Тимохине, Денисове, старостихе Василисе и «серых героях». Здесь простота изложения должна гармонизировать с идеей «простых людей». В речи учителя тоже должно быть единство формы и содержания.

Однако, проводя аналогии с современностью, следует указать учащимся на невозможность отождествления образов, например, Игоря и Боровского, поскольку первый был князем эпохи раннего феодализма, второй - человеком эпохи социализма. Нашей эпохе совершенно не свойственны идеи внутренних междоусобиц, а для советского человека не характерны узкий

карьеризм и многие другие черты, присущие герою XII века, феодальному князю Игорю. Приближая к современности образы Митрофана Простакова или Обломова, следует напомнить классу, что и тот и другой были, прежде всего, порождением крепостного права, что уклад жизни помещичьих усадеб располагал к развитию обломовщины. Приближая эти образы к нашим дням, мы должны в то же время разобрать условия, создавшие их, и должны указать, что в наших условиях жизни большинство из этих стимулов, если не извинявших, то в какой-то мере оправдывавших Митрофана и Обломова, давно исчезло: нет крепостного права, нет помещиков, нет Еремеевны, Васьки, Захарки. Нет уже и Штольцев, изменился и общественный строй, и сама жизнь, и психология людей, да и сами люди. Если Обломов мог спокойно рассуждать: «Я и другой», - ставя себе в заслугу, что он не работает, то теперь, когда труд является самым почётным делом, такая аргументация кажется нелепой, хотя «я и другой» проглядывает у Мечика и Стаховича, но уже на другой почве. Хорошо выписать на доске все причины, создавшие образы Митрофана и Обломова, а затем предложить учащимся вычеркнуть те, которые сейчас не могут существовать, и они увидят, что в наши дни могут остаться лишь отголоски этих характеров, что Обломов или Митрофан в целом сейчас немыслимы, а вот с остатками этих уродливых явлений, порождённых недостаточной сознательностью: грубостью, неуважением к человеку, эгоизмом, ленью (от Митрофана); флегматичностью, нежеланием хорошо подумать над жизнью, апатией, слабой волей, избалованностью в семье (от Обломова) - с этими пережитками («старый Обломов остался») надо энергично бороться, и, прежде всего, эту борьбу должны вести сами современные обломовы и митрофаны, их родители и, конечно, учителя.

Трактуя вопрос о войне с Наполеоном, опять-таки следует указать на существенную разницу в качестве патриотизма, психологии людей, методах партизанского движения и характере самой войны в кампании 1812 года и в Великую Отечественную войну.

Многие ставят себе идеалом Павла Корчагина, Олега Кошевого, Алексея Мересьева, а вот как сделаться таким, - они не

знают (тоже ждут «Тулона»). Учитель должен подробно, на основе литературного материала, описать путь, который прошли эти люди, прежде чем стали «настоящими людьми». При этом путь этот надо рисовать не как нечто недостижимое, не создавать мифические образы «чудо-богатырей», а как вполне доступный путь труда, идейности и работы над собой. Надо подчеркнуть, что Олег - сверстник десятиклассников, что у него были известные недостатки (излишняя влюбчивость, импульсивность, заикание) и в то же время выделить те черты, которые сделали его Героем Советского Союза и любимым героем молодёжи; надо рассказать, что Молодая гвардия была не одна - таких организаций было много (хорошо припомнить слова Мересьева в эпилоге «Нас десятки тысяч»), следовательно, каждый юноша и девушка может воспитать в себе положительные черты Олега, Ули или Корчагина, каждый может стать похожим на своего любимого героя. Особенно полезен в этом отношении роман «Как закалялась сталь». Мысли Островского о жизни, её явлениях и препятствиях должны быть подробно разобраны и, где можно, применены к жизни учащихся: о тупиках, локоть соседа, самое дорогое ..., эгоист погибает..., растворённость в коллективе, отвага вопреки логике, один в поле не воин и т.д. Нужно разбить возможное мнение учащихся, что молодогвардейцам, Павке или Мересьеву помогла выявить свои лучшие качества война («Тулон»? Улей Громовой или Олегом Кошевым можно сделаться и в мирной обстановке.

Каждое литературное произведение даёт богатый материал для «школы жизни». В одном клеймится пошлость, отсталость, в другом - лень и сибаритство, в третьем даются прекрасные образы для подражания и мысли для размышления. Только не надо нудно «преподавать», а нужно мыслить вместе с учениками, иногда дать себе возразить, дружески поспорить с ними, привести в виде иллюстраций ряд живых, жизненных примеров. Не называя фамилий, разве нельзя обрисовать современного Митрофанушку, Обломова, Берга, Бориса Друбецкого? На основании проходимого материала надо душевно предостеречь учащихся, чтобы они не стали «умными ненужностями», «лишними людьми», бесполезными мечтателями, предостеречь их от пошлости, предрассудков, замыкания в себе. Надо апеллиро-

вать не только к уму, но и к сердцу учеников, а это происходит, когда мы увлекательным рассказом или беседой заставляем ученика слиться с разбираемым образом, заставляем его почувствовать, что это не Андрей Болконский, а он сам лежит на Аустерлицком поле, и над ним то чёрное, то голубое небо; это не Катерина Кабанова бьётся в окружившем её мраке, а сама ученица рвётся к красоте и свободе. Многие переживания и мысли героев могут быть близкими к сердцу и мыслям ребят: «уютное завтра» Обломова и «всё образуется» Толстого, «два я» Печорина и «разумный эгоизм» Лопухова - Кирсанова, простота Татьяны Лариной и «ни от кого не зависеть» Веры Павловны, обаяние Наташи Ростовской и скромность Маши Мироновой. А разве Рахметов и Павел Власов, Ниловна и Уля Громова не найдут прямой дороги к сердцу старшеклассников, если поднести эти образы не сухо, а с душевной теплотой, интересным дружеским рассказом, сердечной беседой, а не академической лекцией. У некоторых учащихся ещё до чтения произведения смутно возникают те или иные мысли, вложенные автором в уста своих героев. Одни подсознательно ждут своего «Тулона», а другие ощущают первые искры любви, третьи мечтают о подвигах и, конечно, хотят счастья. Разбирая мысли автора, мы, таким образом, задеваем потаённые струны в сердце того или иного ученика. Говоря об искании новых путей у Тургенева, Толстого, Чернышевского, мы наталкиваем учащихся на мысль, что они, если уже думали об этом, теперь слышат ответ на свои мысли.

Каким великим чувством красоты вдохновлены учащиеся, когда им вслух в классе учитель читает «Макара Чудру» или «Старуху Изергиль»? Читать надо художественно, чтобы ребята затаили дыхание, поддались обаянию подвига, очарованию великолепия человека, музыке языка автора. Для более глубокого понимания можно рекомендовать иногда медленно и с чувством повторить особенно красивые выражения и, если учитель найдёт нужным, раскрыть его художественную красоту дополнительными комментариями, не нарушая, однако, этим настроения учащихся.

Из всех предметов школьного курса третьей ступени литература имеет больше возможностей для развития чувства красоты, чем другие дисциплины. Эстетика должна пронизывать весь

курс предмета и занимать почётное место в наших планах. Преподаватель должен использовать все имеющиеся у него средства и возможности для того, чтобы научить школьников понимать красоту. Прежде всего, словесник должен всегда красиво и увлекательно говорить и читать; работая над произведением, учитель должен раскрыть перед слушателями красоту пейзажа и заставить учащихся вообразить себе и полюбить этот пейзаж; учащиеся должны научиться чувствовать красоту подвига и романтического Данко, и скромного капитана Тушина, и самоотверженного Олега; они должны понять духовную красоту Рахметова, Ниловны, Павла Власова, Павла Корчагина, Ули Громовой; в произведениях Пушкина, Гоголя, Некрасова, Толстого они должны видеть красоту и величие простого русского народа, а в произведениях советских писателей - новую красоту и величие народа-победителя, красоту новостроек, красоту размаха строительства, красоту души и подвига настоящих советских людей, красоту социалистического гуманизма. Работая над произведениями мастеров слова, учитель раскрывает перед классом красоты великого русского языка. Можно ли не остановиться на таком шедевре речевой изобразительности, как у Горького: «Красоту её можно на скрипке сыграть, да и то тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает»? Как можно пройти мимо таких выражений, как сравнение нашей родины с «весной человечества» у Маяковского, «восемнадцатилетней красавицей» у Н.Островского? Как можно не вызвать восторга класса сравнением революции с «зарёй пленительного счастья», как не поговорить о «чете белеющих берёз» и многих сотнях других прекрасных словесных образов нашей великой литературы? Как не призвать внимания учащихся к высокохудожественному языку Тургенева, Гоголя, Чехова, Горького, Шолохова? Работая над языком произведения, нельзя ограничиваться простым анализом тропов, нельзя «алгеброй развязать гармонию». Анализ языка и художественных приёмов автора есть путь к раскрытию их красоты. Мало сказать учащимся, что буй-тур Всеволод - это эпитет. Надо рассказать, что в древней Руси тур считался одним из самых сильных и в то же время опасных животных, что турия нога изображалась на колоннах и стенах палат, как символ мощи, отваги и непобедимой силы, что автор «Слова» присвоил Все-

володу самое почётное для древнего воина, грубого и отважного, прозвище. Рассказ Всеволода о своих воинах («под трубами пеленаны, под шлемами взлелеяны») должен не только ассоциироваться с метафоричностью изображения, но и с известной солдатской песней и с целой высокохудожественной картиной храброго, закалённого в боях воинства, с ранних лет привыкшего к ратным подвигам. Разбор сравнений не должен выливаться в форму анализа математических пропорций, а вызывать глубокое понимание красоты данного тропа: ведь сравнение - излюбленная форма народного творчества. В том же «Слове» пальцы Баяна сравниваются с соколами, Ярославна - с кукушкой, князя - с солнцами. Все три сравнения взяты из природы. Учитель вызовет эстетические чувства учащихся, если раскроет изящность и плавность движения лебедя и стремительность полёта сокола, грусть одинокого голоса кукушки, блеск и яркость солнечного света, - но вот оно померкло, и печаль разлилась по русской земли. Говоря о картинности языка Пушкина или Лермонтова, надо обязательно раскрыть смысл этих картин, заставить учащихся видеть и «чегу белеющих берёз», и волнующееся море, и дивную украинскую ночь; заставить их вдыхать «дымок спалённой жнивы», слышать шум Бородинского боя. Всего этого можно достигнуть, если ребята поймут, что метафора, эпитет, сравнение, олицетворение, образность, картинность и прочее - не просто литературные термины, а за ними кроются великие сокровища красоты. Я наблюдал учительницу, которая, разбирая средства художественной изобразительности, время от времени спрашивала: «Красиво?» - и ученики отвечали: «Красиво». Нужно довести до сознания учащихся, почему это красиво, в чём красота, зажечь учеников «чувством изящного и чувством прекрасного». Почему Некрасов называет мороз «воеводой» (нарисовать целую картину), почему «Бородино» написано очень простым, народным, как будто даже не лермонтовским языком, почему в «Полтаве», в «Медном всаднике», в «Цыганах» постоянно меняется стихотворный размер? Как гармонирует пушкинское описание Петербурга с его архитектурой? Так учащиеся привыкнут видеть, понимать красоту, искать её.

Словесник обязан научить детей красиво читать, и через художественное чтение они повысят своё эстетическое развитие. Кроме того, при разборе произведений всегда надо указывать, какие картины и какие музыкальные произведения созданы художниками и композиторами на темы данного произведения, надо постараться эти картины показать и, если возможно, ознакомить учащихся с соответствующей музыкой. Я лично часто спрашиваю учащихся о прошедших накануне радиопередачах.

Кроме перечисленных, уже в достаточной мере известных приёмах, недавно я проделал ещё один опыт: научить учащихся понимать музыку языка. Поработав над текстом «Днепра» Гоголя с точки зрения музыки языка, я познакомил со своим достижением учащихся, и, к моей радости, они меня поняли. «Днепр» начинается словами: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит он сквозь леса и горы полные воды свои...» Проследите чередование подударных гласных: у-о-и-о-о-а-и-а-о-о-о-и.

Разве в чередовании этих звуков не слышно совершенно определённо мелодии, музыки волн? Вначале ни один звук не повторяется, затем - явное волнообразное повторение звуков О и И. Возьмём картину течения Днепра: «Синий - синий ходит он плавным разливом и виден за столько вдаль...» Посмотрим опять расположение гласных: и-и-и-и-о-и-о-ы-а-и-и-и.

В первых восьми словах И повторяется восемь раз, причём описание начинается с четырёх И. И - самый тихий, мягкий звук нашей фонетики, и перед читателем невольно возникает картина тишины и покоя. Но вот наступила гроза: «...Чёрный лес... дубы трещат... Страшен Днепр... Водяные холмы гремят, ударяясь о горы...» Здесь явно доминирует звук Р, имитирующий шум грозы. Замечательна в звуковом отношении последняя часть: «Так убивается мать казака, выпроважая своего сына в войско...» В первых пяти словах звук А повторяется девять раз. Ведь здесь явно слышатся рыдания матери: а-а-а...а-а-а...а-а-а...

Кроме того, если проскандировать «Днепр», становится очевидным, что большая его часть написана хореем.

То же явление можно легко обнаружить в описании Полтав-

ского боя у Пушкина. Короткие, броские слова-предложения:

«Швед, русский - колет, рубит, режет. Бой барабанный, клики, скрежет...» - передают музыку боя. В девяти словах через совершенно равные промежутки повторяется звук Р; в первой строчке - зигзагообразное чередование гласных: е-у-о-у-о... - и самые слова «режет», «скрежет» передают лязг оружия, свист и взрывы бомб. Но вот мы переносимся в лагерь шведов, где дух войска сломлен:

«И перед синими рядами
Своих воинственных дружин
Несомый верными слугами,
В качалке бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился...»

Не только резко меняется ритм и удлиняется строка - в музыке языка определённо доминирует мягкий звук И; в первых двух строках повторяется семь раз И, чем подчёркивается слабость, упадок духа шведов. Да и само построение предложения - длинное, с обособлениями, с архаизмами, с развязкой в конце - говорит о чём-то тяжёлом, нестройном, далёком от бодрых, резких нот первой части.

Таким же образом в течение трёх лет (8 -10 классы) я проанализировал несколько текстов («Украинскую ночь», несколько стихотворений Некрасова в отрывках, «Письмо к Суркову» Симонова). Единство формы и содержания отчётливо обнаружилось и заставило учащихся вдумываться в музыкальную красоту поэзии и прозы. В прошлом году, в конце года, в 10 классе я устроил своеобразную проверку учащимся. При прохождении литературы братских народов я прочёл им стихотворение Я. Коласа «Над могилой партизан», а потом спросил, размеру какого классического поэта следует Колас, и был награжден почти хоровым ответом: «Некрасова». На второй вопрос: к какому произведению Некрасова более всего приближается ритм этого стихотворения, -уже лишь часть класса ответила: «Мороз - Красный нос».

Вот мой небольшой опыт, которым мне хотелось поделиться и который, по моему мнению, тоже привлекает сердца учащихся к литературе и развивает их эстетические чувства.

Сколько прекрасных мыслей, ведущих прямо к сердцу

школьника, даёт нам наша советская литература! Жизнь и мысли Н.Островского, глубокие по своему содержанию афоризмы Маяковского, «целина» и её герои у Шолохова, молодогвардейцы (сверстники десятиклассников). Многому у них научатся ребята, только учитель должен каждую черточку переносить в личную жизнь учащихся. Пусть они живут своими героями, пусть даже кто-нибудь из них поплачет о том или ином герое, порадует его успехам: хочешь быть таким, как Рахметов, Павел Власов, Корчагин, Давыдов, Олег, Уля Громова, - литература даёт тебе мудрый и верный совет, как поступали они. Не хочешь быть такими, как Митрофан, Манилов, Рудин, Обломов, Ларра, Мечик, Стахович, - не делай так, как поступали они. Нужно вызвать у учащихся искреннее чувство отвращения к таким людям, как Порфирий Головлёв, Скотинин, Простакова, Плюшкин, Игнат Фомин или Половцев, а это можно сделать, или перенеся учащихся в наше прошлое, или перенеся эти образы в наше время. Я часто говорю учащимся, что если бы они жили 100-120 лет тому назад, они были бы на положении фонвизинской Палашки, некрасовских детей на фабрике или крестьян у Радищева и над ними издевались бы скотинины, шалашниковы или ноздрёвы.

Однако надо быть осторожным, дотрагиваясь до сердца школьника. Многие из них стесняются быть искренними, открыто высказывать свои заветные мысли. Одни маскируют это молчанием, другие напускной грубостью или даже некоторым цинизмом, третьи - «немогузнайством». Не надо от каждого требовать всенародного признания своего «святая святых». Достаточно коснуться его, и вы увидите, сколько живого интереса разгорится в глазах вашего ученика.

Совершенно просто, открыто и серьёзно надо говорить учащимся о любви. В старших классах, вероятно, уже начинает вспыхивать это чувство: оно ново, волнующе, странно; юноши и девушки не совсем ещё понимают его, им очень хочется узнать, что это за новое чувство, как же теперь надо поступать, как жить, как относиться к объекту этого чувства. Замалчивая, комкая эту сторону литературных произведений, а следовательно, и жизни, мы наталкиваем учащихся на мысль, что любовь - это что-то тайное, стыдное, вероятно, неприличное (так трак-

товалась любовь в старинных «институтах благородных девиц»: любовь - это грех). Любовь придёт в жизни каждого человека, и задача словесника - показать это чувство красивым, возвышающим, облагораживающим и предостеречь от ошибок. На примере Татьяны и Ольги Лариных, Софьи Фамусовой, Обломова, Аркадия Кирсанова, Веры Павловны, Наташи Ростовской и Анны Карениной, Раневской, Лойки Зобара и Радды, Павла Власова и других надо разъяснить понятия увлечения, влюбчивости и любви. Пусть некоторые ребята вначале будут иронически усмехаться (бывает такая бравада, особенно среди мальчиков), но живой, серьёзной речью учитель заставит учащихся смотреть на любовь не как на шутку, а как на серьёзное чувство, конечная цель которого - брак, основа государства.

Увлекает учащихся и установление связей между отдельными литературными героями или историческими явлениями. Это особенно удобно делать при повторении. Например, в «Поднятой целине» кулаков выселяют из Гремячего Лога (Титок, Тимофей Рваный и др.). Какова же их дальнейшая судьба? В «Молодой гвардии» дан образ Игната Фомина, даны некоторые сведения из его биографии: бывший кулак, покушался на жизнь секретаря райкома (ср. Титок). Не является ли Игнат дальнейшим развитием образов гремяченских кулаков? А их литературных предков мы встретим у Чехова в образе Цибукина, у Тургенева - в образе бурмистра. А в Саликовском не проскальзывает ли дальнейшая деятельность временно притаившегося и развернувшегося при немцах есаула Половцева? Мы оставили Мечика в тот момент, когда он спрятался в канаве, выжидая, когда отряд Левинсона уйдёт вперёд. Что же с ним было дальше (не с самим гимназистом Мечиком, а с его образом)? Вероятно, он «лёг на спину и поплыл...» (слова Вани Земнухова) и появился в штабе Молодой гвардии в образе Стаховича. Что было бы, если бы Татьяна Ларина в последней главе откликнулась на любовь Онегина? Ответ находим в «Анне Карениной», когда Анна откликнулась на любовь Вронского. Черты составившегося Онегина мы можем найти в лермонтовском Арбенине. Читая рассказ Л. Толстого «После бала», мы легко можем вообразить себе судьбу героев: воинского начальника произведут

в генералы (может быть, он станет «помпадуром»), девушка выйдет замуж и станет «дамой, приятной во всех отношениях», студент кончит курс, устроится (возможно, это будущий Ионыч). А какова же судьба солдата? Ответ мы найдём в стихотворении Некрасова «Орина, мать солдатская». Предположим, что жители «Золотой деревни» послали ходоков к барину, чтобы он «их рассудил». Результат такого ходатайства нам показывает Некрасов же в первой части «Размышлений у парадного подъезда». Пьеса «Вишнёвый сад» кончается тем, что Гаеву обещают работу в банке; его дальнейшую судьбу нам рассказывает Горький: Барон, почти полностью повторив биографию Гаева, оказывается в ночлежке; он тоже промотал состояние, тоже поступил в банк, и мы можем предполагать, что Гаев, подобно Барону, вероятно, «спутает казённые деньги со своими» и попадёт в тюрьму, а затем в ночлежку. А не является ли милый Стива Облонский литературным предком Гаева?.. Здесь можно организовать дискуссию.

Интересно проводить такую связь цепью (та же мысль недавно была высказана одним из словесников в «Учительской газете»). Например, постепенное развитие образа прогрессивного героя в нашей литературе. Сначала Онегин (неудовлетворённость), потом Чацкий (борьба в одиночку, одними речами), дальше Печорин (бесполезная борьба), Бельтов (отвлечённые искания дела), Рудин (дело, но неумение совершить его), Лаврецкий («счастье не в личном счастье, а в плодотворной работе на пользу общества»), Базаров (разночинец-революционер, «место расчистить»), Инсаров (борьба за народ, но за границей), Рахметов (русский Инсаров, профессиональный революционер, подготовка к революции), Павел Власов (активный революционер-партиец), Павел Корчагин («настоящий советский человек»). Или женские образы: Татьяна (неудовлетворённость светским обществом), Ольга Ильинская (деятельность, но обращённая на одного человека), Лиза Калитина («жажда деятельного добра»), Наташа Ласунская (готова порвать со средой), Елена Стахова (рвёт с семьёй, уходит на борьбу, но за границу), Вера Павловна (реальная деятельность), Саша, Наташа, Софья, Нилова (революционеры из «Матери»), затем последовательно - Устинович, Даша Чумалова, Уля Громова, Люба Шевцова, това-

рищ Анна. В такой последовательности можно проследить и исторические явления, например, крестьянский вопрос: крестьяне у Фонвизина (покорность), у Радищева (ропот и способность к объединению), у Пушкина (вера в победу), у Некрасова (Гирин, Кудеяр, Савелий - способность к протесту и действию), у Чехова, Горького (Рыбин), у Серафимовича («Железный поток»), «Поднятая целина». Можно проследить зарождение и развитие капитализма: у Фонвизина - Стародум (очень смутно - деятельность в Сибири), у Гоголя (влияние откупщика Муразова), далее - Штольц, Адуев - младший, «Анна Каренина» (Стива поступает в банк; князь идёт на службу к капиталисту), Лопухин (победа капитализма), Фома Гордеев (разоблачение), «Дело Артамоновых». Интересно абстрагировать приёмы авторов в обрисовке героев: Гоголь сначала даёт обстановку, характеризующую героя, затем сам даёт его характеристику и заканчивает метким прозвищем; Тургенев даёт подробную биографию героя (даже его родичей), доводит её до времени повествования, а затем заставляет своего героя говорить и действовать так, что читатель сам делает выводы о его характеристике; Толстой подчёркивает внешние детали (два лица Болконского, губка его жены, очки Пьера, шпоры Берга, дрыгающая нога командира полка, жест Василия Курагина, уши А.А.Каренина и так далее); Чехов и Горький характеризуют своих героев речью, жестами, походкой и привычками. Можно провести цепь повторяемости образа, например, «верного слуги»: Еремеевна - Савельич - няня Филипьевна - Евсей - Захар - Яков-Верный - Фирс (антитезу образа можно показать в Тихоне Вялове). Таким же образом можно проследить искание новых жизненных путей: пути интеллигенции, нарастание революционных настроений и движения, пошлость, умирание дворянско-помещичьего строя и т.д.

Очень желательно, чтобы учащиеся заранее прочли произведения. Поэтому ещё весной я даю список книг, необходимых для занятий по литературе в будущем году. Работу над произведением я начинаю с требования к учащимся пересказать содержание произведения. Если оно большое, то оно рассказывается по сюжетным линиям или эпизодам. Уже при рассказе мы намечаем основные черты характеров, идеи и явления. При раз-

боре произведения я стараюсь достичь того, чтобы учащиеся сами научились разбираться в образах: это очень важно для жизни, так как впоследствии научит разбираться в людях. Необходимо также, чтобы они сами научились находить верный подход к основным идеям романа. Я же в этих случаях делаю в конце резюме, которое фактически является той трактовкой образа или идеи, которую необходимо дать, но учащиеся должны чувствовать, что это именно то, что они сами хотели сказать. Конечно, к такому методу надо подходить постепенно, и результатов удаётся достичь лишь к 10 классу. Наиболее глубокие и сложные образы и идеи, естественно, приходится разбирать самому, но и здесь я стараюсь в какой-то мере вовлекать учащихся.

Безусловно, чтобы найти путь к сердцу ученика, словесник должен сам уметь красиво и увлекательно говорить и мастерски читать отрывки из художественных произведений (где возможно - наизусть).

От составителя ещё примечание: Статья была опубликована в Казахстане в 1958 году. Читая эту сорокалетней давности публикацию, харбинские ученики И.А.Мирандова вспомнят удивительную экспрессивность и тональность, характерный мирандовский тембр заинтересованной и влиятельной речи. Мы подтвердим, что именно так убеждённо, возвышенно и искренно он с нами тогда и там разговаривал в классе. И то, что он написал здесь, вовсе не искусственное теоретизирование, оторванное от жизни, а новый виток переживаний и обобщение собственной педагогической практики, распространение своего многолетнего опыта работы в классе учителем-словесником. В равной мере наш учитель был и незаурядным школьным работником, и самого высокого достоинства самостоятельным учёным, талантливо сочетая в себе одержимость, полёт высокой мысли, смелость и изобретательность творца с завидным артистизмом исполнения роли и демонстрируя редкое призвание подлинного учителя-личности. Такая природная одарённость, мне кажется, не устаревает, и подобной уникальной способностью надо дорожить нам не только в школьные свои годы. Это многого стоит, когда школьный твой учитель остаётся им

на всю взрослую жизнь. Именно таким для очень многих из нас был И.А.Мирандов.

28 января 1955 года в Харбинском институте иностранных языков на научно-методической конференции с докладом на тему «Метод объяснения новых слов по их морфологическому составу» выступил И.А.Мирандов. Мы сохранили текст его доклада и имеем приятную для себя возможность опубликовать его в нашем сборнике, чтобы таким образом показать наглядно разносторонность филологических, лингвистических и педагогических интересов нашего учителя.

И.А.МИРАНДОВ.

*МЕТОД ОБЪЯСНЕНИЯ НОВЫХ СЛОВ
ПО ИХ МОРФОЛОГИЧЕСОМУ СОСТАВУ.*

Моё выступление посвящено вопросу о составе слов в русском языке. Цель, которую я преследую, - поделиться моим небольшим опытом в практике преподавания русского языка нерусским студентам.

Педагогическая деятельность требует от преподавателя постоянного обновления методов, расширения знаний, новаторства, эксперимента. Мы беспрерывно ищем и должны искать лучших путей.

В своем сообщении я не буду касаться общей методики преподавания языка, а ограничусь лишь, в связи с темой предыдущего доклада, методикой объяснения новых слов.

Всем нам известно, что существует несколько способов объяснения учащимся незнакомых слов: мы можем дать перевод слова на родной язык учащихся, дать уже известный синоним или антоним на русском языке, употребить новое слово в ряде показательных примеров, использовать, если возможно, метод демонстрации.

Однако мы знаем, что применение всегда одного того же или одних и тех же методов приводит к шаблону и наскучивает учащимся, поэтому каждый педагог, естественно, стремится расширить арсенал своих методических приёмов, и, если он

делится своим опытом с товарищами, его работа, как бы незначительна она ни была, приносит большую пользу.

Сегодня я хочу поделиться с коллегами своим небольшим экспериментом. При этом я хочу заранее оговориться, что, вероятно, многие товарищи в той или иной мере уже использовали этот метод, поэтому вряд ли можно говорить о моём авторстве или приоритете.

История моего опыта такова.

В прошлом году в ХПИ я занимался с группой второго года обучения, подготавливая будущих преподавателей русского языка. Когда по курсу грамматики я проходил раздел «Состав слова», студенты спросили меня: «Зачем нам это нужно?». Я не задумываясь ответил: «Чтобы лучше понимать слова и правила переноса». На этом вопрос закончился. Через несколько месяцев передо мной встала методическая проблема: я заметил, что при объяснении мною новых слов студенты долго роются в словарях. Это мне не понравилось, во-первых, потому, что на отыскивание слова уходило некоторое время, так как, ища слово в словаре, они меня плохо слушали; во-вторых, нарушался мой основной принцип, что во время занятий русским языком студенты должны говорить и, главное, думать только по-русски, отыскивая же новое слово в его китайском значении, они невольно начинают думать по-китайски; в-третьих, скажу откровенно, я немножечко обижался: неужели студенты не верят моим объяснениям и ищут их подтверждения в словаре? Потом я понял, что студенты хотят видеть точное значение слова. Тогда я стал думать, как можно объяснить слово в точном его значении, не прибегая к словарю. Какие возможности предоставляет в этом отношении «великий и могучий» русский язык? Здесь я вспомнил вопросы студентов «зачем нам это нужно?» и пришёл к истокам, к намётке метода, который я вначале называл, вследствие субъективной подкладки, «работой без словаря». С течением времени опыт разрастался, углублялся, и, мне кажется, теперь его более точно можно определить, как метод объяснения новых слов через их состав». Должен заранее предупредить, что опыт ещё не дал окончательных результатов, многое ещё нужно уточнить и проверить, разработка этого метода ещё не закончена.

Размышляя над «работой без словаря», я пришёл к мысли, что залог точного понимания многих слов лежит в самом слове, т.к. большинство слов производны. Русский язык, благодаря своей необыкновенной гибкости, даёт огромные возможности создания новых слов и выражения тончайших оттенков понятий. Добавляя по определённым правилам к основе слова различные суффиксы и приставки, мы создаём новые слова, придаём слову различные оттенки, например: корень «ход» - ходить, ход; приходить, приход; отходить, отход; переходить, переход; уходить, уход; сходиться, сход; заходить, заход; корень «чит» - читать, чтение, читальня, читатель, читательская конференция; оттенки слов - мокрый, мокренький, мокроватый, мокрёхонький. От корня «да» (дать) можно произвести до двухсот слов.

Итак, я пришёл к мысли объяснять новые слова через их состав. Теперь встал вопрос о том, как воспользоваться этой особенностью русского языка для педагогических целей. Ясно, что прежде чем подойти к применению этой системы, необходимо повести значительную предварительную работу:

I. Тщательно изучить со студентами основные сведения о составе слова (корень, суффикс, флексия, префикс). Китайцам иногда бывает трудно сразу понять систему русского словообразования, так как в китайском языке приставок и окончаний в нашем понимании этих терминов нет, но им можно указать на наличие в китайском языке формообразующих и словообразующих суффиксов, например: «дэ» для образования родительного падежа, прилагательных и причастий; «мэнь» для образования множественного числа и т.д.

Работу со студентами надо начинать с сообщения им общих сведений о составе слова: объяснить, что такое морфема (корень, суффикс, приставка, окончание, нулевая морфема); необходимо указать учащимся на то, как важно для них уметь разбираться в составе слова, т.к. расчленение слова на морфемы во многих случаях поможет им самостоятельно уяснить значение слова, его роль в предложении, понять, как посредством суффиксов и приставок создаются новые слова и оттенки значений. Другими словами, студентов надо начинать готовить к принятию нового метода.

Необходимо, чтобы учащиеся хорошо поняли словообразующую и формообразующую роль аффиксов.

Далее необходимо провести ряд упражнений по выработке навыков морфологического анализа слов.

а) Произвести анализ слов (отдельных или подчёркнутых в связном тексте), например: на поверхности, сдерживался, студенческие тетрадки. На пригорке стоял маленький домик. У небольшого дерева путники остановились.

б) Произвести анализ слов, произведённых от одного корня: дать - давать - преподавать - преподаватель - преподавательский; план - плановый - плановость - плановик - планировать; вода - водица - водный - наводнять - наводнение.

в) Образовать слова с данными аффиксами: суффикс «щик» (бетон, обман, барабан, камень, сварка); суффикс «к» (дача, рука, печь, куча, туча, свеча); суффикс «н» (ночь, река, печь, дача, наука, рука); приставка «у» (ехать, бежать, тащить, плыть).

Таких упражнений можно составить достаточное количество.

Практиковаться в анализе слов можно и на уроках чтения, когда преподаватель имеет возможность выделить наиболее интересные и полезные слова. Большую помощь должен оказать преподаватель перевода, сравнивая строение русских и китайских слов там, где это возможно: прибавление «ла» для образования прошедшего времени в китайском языке соответствует «л», «ла», «ло» в русском языке; наличие в китайском языке суффикса «ба» для образования повелительного наклонения; в китайском языке много сложных слов - это облегчит понимание русских сложных слов, например; дянь-тэн - лампочка, да-сюэ-шэн - студент, тоо-ла-ти - трактор и т.д.

Однако на первых этапах обучения не следует увлекаться подробным изучением всех аффиксов - необходимо брать только наиболее употребительные.

Далее необходимо ознакомить студентов с типами слов по строению: непроизводные (погода, скот, двор, сад); производные (народный, садовник, учитель); сложные (пароход, водолаз, светло-зелёный, землемер); сложно-сокращённые (комсомол, колхоз, вуз, КПСС, СССР).

II. Вторым этапом подготовительной работы является тщательное изучение значений продуктивных суффиксов и приста-

вок. Особенное внимание следует обратить на суффиксы имён существительных и глагольные приставки.

Суффиксы имён существительных можно объединить в несколько групп.

Суффиксы лица мужского пола.

Группа А. Обозначение лица по его деятельности, профессии: певец, путник, караульщик, рыбак, воспитатель, токарь, машинист, музыкант...

Группа Б. Обозначение лица по качественному признаку: глупец, толстяк, силач...

Группа В. Обозначение лица по отношению к национальности, стране, городу, месту: китаец, грузин, сибиряк...

Группа Г. Обозначение лица по его отношению к организации, общественному течению или направлению: ленинец, атеист...

Суффиксы лица женского пола. Соотношение мужских и женских суффиксов: чтец - чтница, комсомолец - комсомолка, дачник - дачница, крестьянин - крестьянка, реалист - реалистка...

Обозначение предметов.

Группа А. Обозначение места действия или производства, помещения: раздевалка, пекарня, училище, больница...

Группа Б. Обозначение вместилищ, сосудов: соусник, справочник...

Группа В. Обозначение минералов, руд, групп, растений: известняк, березняк, ивняк..

Группа Г. Обозначение приборов и механизмов: счётчик, выключатель, веялка, изолятор, будильник...

Обозначение отвлечённых понятий: бодрость, авторство, глухота, ширина, варка, сеяние, идеализм, архитектура...

Уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Группа А. Мужской род: мальш, столик, голосок, дубочек, денёк...

Группа Б. Женский род: рамка, ленточка, водица, доченька, крупинка...

Группа В. Средний род: солнышко, словечко..

Группа Г. Увеличительность: домище, ручища, домина...

Таковы в общих чертах основные группы суффиксов существительных.

Хорошо проработав суффиксы существительных, рекомендуется перейти к глагольным приставкам. Следует иметь в виду, что многие приставки имеют по несколько значений. При этом

характерно, что в ряде своих значений приставки выступают в сочетании с предлогом при зависимом имени.

Глагольные приставки... В (ВО)... ВЗ (ВЗО, ВС, ВОЗ)... ВЫ... ДО... ЗА... ИЗ... НА... НАД... О... ОТ (ОТО)... ПЕРЕ... ПРЕ... ПРИ ... ПО... ПОД... ПЕРЕД(ПЕРЕДО)... ПРО... РАЗ (РАС, РАЗО)... С (СО)... У...

Иноязычные приставки. ДЕ (ДЕЗ)... ДИС... РЕ... ЭКС... АНТИ...

Можно порекомендовать преподавателям составить диаграммы приставок-синонимов. Это много поможет в работе со словами, например:

Начало действия: закипел... поехал...

Законченность, доведение до результата: прочитать... упростить... построить... высохнуть... закончить...

Удаление: уйти... отъехать...

Как мы отмечали, многие приставки требуют определенных предлогов. Чтобы избежать ошибок, надо требовать от учащихся запоминания приставок вместе с предлогами, например: ушёл от отца... дописал до конца... взбежал на холм...

Учащиеся должны хорошо знать и формообразующие суффиксы («л» для прошедшего времени; «ейш», «айш» для превосходной степени и т.д.). Знание окончаний поможет правильно распознавать падежи, числа, род и пр.

Работая со студентами над составом слова, преподаватель неизбежно встретится с вариантностью морфем. Например: плыву - пловец - плавать... Я считаю, что в самом начале необходимо предупредить учащихся о наиболее характерных случаях вариантности и в процессе самой работы постоянно указывать на это явление, научить их узнавать морфему в разных вариантах.

С другой стороны, очень важно выработать у студентов навык разграничения аффиксов-омонимов, умение находить общее и особенно у аффиксов-синонимов...

Суффиксы-омонимы: «-тель» может означать действующее лицо (учитель) и прибор (выключатель)... «-ик» может означать специальность или качество человека (плановик), машину (грузовик) и быть уменьшительным суффиксом (домик).

Аффиксы-синонимы: приставки «без» и «не» (безудержный и неудержимый, бестолковый и непонятливый).

Любопытно явление синонимии приставки «анти» и суффикса «фоб» (антифашист и англофоб).

Нерусским студентам часто бывает трудно разобраться в подобных случаях синонимии и омонимии: как следует понимать данную приставку или суффикс? Здесь я лично всегда направлял их внимание на контекст: он всегда даёт точное указание на действительное значение морфемы.

Вообще должен подчеркнуть, что слова, имеющие омонимы, следует разбирать только в контексте.

III. Переходя к практической работе, необходимо научить студентов анализировать слова; это делается с конца: сначала надо обратить внимание на суффикс и окончание, они покажут, какая это часть речи, с каким словом связана, каким членом предложения является; суффикс даёт общее понятие о значении слова (человек, профессия, идея, обобщение, качество и т.д.); затем корень даёт основное значение слова, и, наконец, приставка поможет понять слово окончательно.

Можно дать упражнения на словообразование, но только в тех случаях, когда морфемы употреблены в их прямом значении, например:

1. Образовать собирательные существительные от слов «студент» (студенчество), крестьянин, учитель, хулиган.

2. От слова «ехать» с помощью приставок образовать слова, обозначающие приближение, удаление, движение за предмет, из предмета и т.д.

От слова «ходить» - движение вверх (восходить), вниз (сходить), внутрь (входить), наружу (выходить) и т.д.

3. Преподаватель вместе со студентами может проработать такие цепи слов:

партия - партийный - внепартийный - партиец;

Гора - горный - горняк - подгорный - нагорный - пригорок;

стол - столовая - столоваться - столовник...

На этом подготовительный период кончается. Я предвижу возражение, что такая работа отнимает очень много времени. Но смею вас уверить, что вы убедитесь на личном опыте, что это не потеря времени, а экономия. Те часы, которые вы затратите на тщательное изучение состава слова, с лихвой компенсируется впоследствии, когда студенты научатся понимать зна-

чение слов, пользуясь этим методом. Это особенно важно при беглом чтении незнакомого текста. Многие преподаватели, конечно, пользовались методом объяснения слов по их составу и раньше. Моя же идея в том, чтобы приучить студентов пользоваться этим методом самостоятельно. Тогда им потребуется меньше времени на работу со словарём на консультации, но для этого они должны очень тщательно изучить значения аффиксов, на чём я особенно настаиваю.

Закончив подготовительный период, можно перейти к упражнениям по определению значений отдельных слов по их морфологическому составу. Сначала, в течение некоторого периода времени (8 - 10 уроков), преподаватель сам разбирает слова, затем слова разбираются студентами по наводящим вопросам преподавателя, и в конце курса учащиеся должны уметь самостоятельно анализировать и понимать значение слова.

Возьмём слово «перевозчик» в предложении: «На реке нас ждал перевозчик». Сначала устанавливаем, что это подлежащее, выраженное именем существительным в именительном падеже. Разберём с конца. Слово кончается суффиксом «чик». Значит, это человек (не вещь, т.к. «ждал»), выполняющий какую-нибудь деятельность. Что же он делает? Ответ находим в корне «воз» - возить. Значит, он возит. Приставка «пере», т.е. «через» - значит, «перевозчик» - это человек, возящий через что-либо. Прочтя ещё раз всё предложение, мы уясняем полный смысл слова. В данном случае контекст уже подготовил нас к уяснению значения слова: мы, ещё не понимая слова «перевозчик», уже знали, что он может ждать (очевидно, человек) и на реке. Значит, что-то, связанное с водой, рекой, транспортом - перевозит через реку.

Допустим, в выражении «письмо заокеанских рабочих» вам нужно объяснить слово «заокеанских». Учащиеся знают, что окончание «их» указывает на родительный падеж множественного числа имени прилагательного. На прилагательное указывает и суффикс «ск». То же подтверждается местоположением и согласованием слова. Студенты понимают, что это прилагательное. Какие же это рабочие? Корень - «океан», приставка «за» показывает: «по ту сторону, за чем-то». Значит, эти рабочие «за океаном». Смысл слова становится ясным.

«Разливший». Суффикс указывает на причастие прошедшего времени. Происходит от слова «лить». Приставка «раз» показывает распространение действия в разные стороны. Смысл слова становится понятным.

«Непредвиденный случай». Окончание указывает на прилагательное. Суффикс - «енн» - на происхождение от страдательного причастия прошедшего времени «виденный». Приставка «пред» - перед . вредёд, раньше, т.е. то, что можно было видеть заранее. «Непредвиденный» - такой, чего никак нельзя было предвидеть, предугадать заранее, неожиданный. Далее даются примеры: непредвиденная трудность (трудность, которую нельзя было предвидеть заранее), непредвиденный расход, я это предвидел.

Теперь предположим, что в предложении «Он работал в шахте сткатчиком» в слове «откатчик» корень «кат» неизвестен. В этом случае можно объяснить значение глагола «катать», затем слово разбирается в обычном порядке и в конце даётся указание на соответствующую работу в шахте. Если преподаватель найдёт нужным, можно дать учащимся группу слов с тем же корнем, но с разными аффиксами: подкатчик, прокатка-прокатчик, откатчица, кататься, каток, укатывать и т.д.

Сложные слова рекомендуется разбирать, начиная со второй части: пароход - то, что ходит (передвигается) с помощью пара; лесоруб - тот, кто рубит лес; сенокосилка - то, что косит сено.

Мне лично в некоторых случаях помогали исторические справки о морфологическом строении слов в прошлом. Я однажды рассказал студентам о старинном корне «я» - «им» - «ем» (ять - иметь, ял - имал: взял, поймал. приятно, отнять и т.д.), и теперь во многих случаях, стоит мне только указать на наличие этого корня, как студентам становится понятным значение слова, например: принимать - иметь; н - остаток предлога (они тоже это знают); при - приближение, присоединение, добавление, т.е. «имение чего-то пришло ко мне». Я принял подарок - приблизил к себе, получил (начал иметь), взял подарок. Этот же старинный корень хорошо помог мне объяснить слово «Рукоть» (рукой ять - брать).

Если студентам сообщить о старинном корне «леп» (лепый, лепо), им легко усвоить такие слова, как «великолепный», «не-

лепый», «нелепость». Зная архаизмы «око-очи», учащиеся поймут слова «очки», «очевидно», «воочию» и т.д.

С расширением опыта возросли и возможности применения нового метода. Хорошо зная аффиксацию, учащиеся свободно могут синтаксически разобрать предложение, даже если они сразу не совсем понимают значение некоторых слов.

Вот примерный план такого урока в миниатюре:

1. Цель урока. Тренировка в проработке текста методом объяснения слов по их составу.

2. Текст. «Около сахарницы стоял серебряный подстаканник».

3. Работа над текстом. Учащиеся знают, что «около» - предлог, требующий родительного падежа; значит, «сахарницы» - не именительный падеж мн. ч., а родительный падеж ед. ч.; кроме того, «около» показывает место - значит, «около сахарницы» - обстоятельство места. «Стоял» - , вероятно, знакомое слово и без труда может быть отмечено как сказуемое (см. «подстаканник стоял»). «Серебряный» имеет суффикс «ян» и окончание «ый»; и то и другое указывает на прилагательное; мы можем сделать вывод, что это определение к слову «подстаканник», с которым оно согласуется. Далее разберём слово «подстаканник». Это слово стоит в именительном падеже (не может быть в винительном, так как «стоял» - непереходный глагол). Отмечаем его как подлежащее. Предложение разобрано синтаксически:

Около сахарницы стоял серебряный подстаканник.

Теперь переходим к разбору непонятных слов. Начнём с подлежащего. Мы знаем, что суффикс «ник» может указывать и на лицо, и на предмет. Здесь «ник» имеет предметное значение, т.к. «серебряный» и «на столе»; корень - «стакан»; приставка «под» говорит о том, что предмет употребляется под стаканом. Итак, «подстаканник» - то, что ставится под стакан. Блюдце? Но блюдце ставится не только под стакан. Даём точное значение слова «подстаканник»: «подставка с ручкой, обычно металлическая, в которую вставляют стакан».

«Серебряный». Уже известно, что это прилагательное, остаётся только объяснить его значение. Это можно сделать или на примерах, или дать символ серебра (для студентов вузов), или показать серебряную вещь. В слове «сахарница» корень «сахар», вероятно, известен; суффикс «ниц» указывает на предмет как

вместилище чего-либо. Следовательно, «сахарница» - это предмет, в который кладут сахар, в котором лежит сахар.

Привыкшие к такому методу студенты, увидев предложение, очень быстро смогут понять его синтаксическую структуру, даже если они сразу и не поймут двух-трёх слов.

Как и когда следует применять этот способ объяснения значений слов?

Прежде всего следует отметить, что этот способ применим лишь в старших группах, когда учащиеся уже овладеют соответствующими навыками морфологического разбора, когда всё больше и больше начинают думать по-русски и самостоятельно разбираться в текстах, т.е. приблизительно со второго года обучения.

Далее, нужно иметь в виду, что не все слова можно объяснить этим методом. С таким приёмом можно подходить лишь к тем словам, отдельные части которых имеют прямое значение и выступают достаточно рельефно; к словам с общеупотребительными корнями, употреблёнными в прямом значении, например: продавец, приложение, удаляться, отвод и т.д. В тех же случаях, когда части слова выступают неясно или не передают обычного смысла морфемы или корень слова мёртв, объяснение слов этим способом непродуктивно, так как отнимает слишком много времени и не будет иметь логического и лексического обоснования. В качестве примеров можно привести слова «обаяние» (мёртвый корень), «погода», «природа», «пасынок», «отребье», «около» и т.п. В современном языке эти слова непроизводны. Поэтому при объяснении их значений мы не можем опираться на анализ морфологического состава.

Из сказанного видно, что объяснение слов по их составу нельзя рассматривать как приём, пригодный для объяснения всех новых слов. Он применяется параллельно с другими приёмами в наиболее подходящих, чётких случаях и имеет целью подготовить студентов к самостоятельной работе «без словаря». Из этого следует, что не нужно стремиться во что бы то ни стало искусственно «притягивать» новый метод, но опытный преподаватель в процессе подготовки к уроку всегда увидит наиболее выгодные и наиболее полезные моменты для его применения.

Более чем полугодовой эксперимент показал мне следующие преимущества предполагаемого приёма:

1. Учащиеся привыкают думать по-русски, не прибегая в это время к родному языку.

2. Учащиеся не теряют общей нити текста, что бывает, когда им приходится пользоваться словарём.

3. Пользуясь этим методом самостоятельно, учащиеся проявляют творческую инициативу.

4. Учащиеся глубже понимают специфику русского языка, что очень важно на высших этапах его изучения.

5. Учащиеся скорее избавляются от китаизмов и китайской структуры речи в русских предложениях, что неизбежно бывает, когда они работают параллельно на двух языках.

6. Овладев методом, они экономят время при гладком непрерывном чтении.

7. Даже в тех случаях, когда им приходится прибегать к словарю, студенты скорее найдут нужное значение, т.к. в словарях часто слово даётся лишь в корневом его значении.

Студенты не сразу привыкают к новому методу, и, кроме того, он, как мы уже видели, требует много времени на подготовительную работу и на привитие новых методических навыков. Однако опыт показывает, что обычно этот метод нравится учащимся, как всякая творческая и исследовательская работа, и они хорошо реагируют на его внедрение.

Как я уже сказал, опыт пользования методом объяснения слов по их составу мною полностью ещё не закончен и не исчерпаны все его возможности, поэтому в заключение я позволю себе обратиться к товарищам-педагогам с призывом попробовать проверить на практике те или иные положения этого метода (или весь метод в целом) и поделиться своими выводами, достижениями или неудачами и, конечно, критическими замечаниями.

ПИСЬМО ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МИРАНДОВА СЫНУ.

Здравствуйте, мои родные, на границе года стоящие.

Сегодня, 22 декабря, самая длинная ночь и самый короткий день. Через несколько дней ночи будут сокращаться и начнутся ещё более сильные морозы, но психологически будем утешать себя мыслью, что дело пойдёт к весне. А пока эти дни

морозы стоят весьма солидные, да ещё с ветром. Меня очень спасает моё изобретение - клапан, соединяющий две стороны поднятого воротника, а на подбородке ещё подкладываю в несколько раз сложенный платок. Вид, вероятно, дикий, но никто из встречных не смеётся.

Вчера сдал в печать работёнку по методике «Некоторые особенности преподавания в педагогическом училище» . Печатать будут, должно быть, долго.

Занят я сейчас проверкой тетрадей и писанием поздравительных писем: ведь у нас их много. Не пошлешь - обижаются.

В открытке, которую мы получили сегодня, ты пишешь, что наш перевод вызвал у вас удивление. А чего же тут удивляться? Совершенно естественно. Вы состаритесь - вам тоже будет приятно помочь Сергею (хотя он и будет доцентом-завкафедрой) чем-нибудь. Смоленские родные снабжают овощами и ягодами, а мы не можем же посылать капусту по почте. Ты пишешь: «как-нибудь» обойдёмся. Вот и не хотелось, чтобы было «как-нибудь». У вас сейчас самый хороший, самый красивый возраст. Я всегда говорил, что лучший возраст для мужчины 32-45, для женщины 25-40. Уже нет детской наивности и ошибок, появляется жизненный и рабочий опыт, а тело ещё сильно. И было бы обидно, если в этот полноценный период жизни мешали какие-либо недостатки.

Серёжа, как ты опекаешь сестричку, чем ты в основном занят, как идут дела?

Ну, будьте здоровы и успешны. Ещё раз - С Новым Годом!

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ И КОЛЛЕГЕ

В газете педучилища «Луч» был напечатан некролог:

«Мирандов Игорь Александрович. 1899 - 1970.

Смерть вырвала из наших рядов одного из самых уважаемых членов нашего коллектива, общего нашего старшего друга и доброго советчика Игоря Александровича Мирандова. Любый, кто хоть раз бывал на его уроках литературы, кто слушал его лекции по самым разнообразным вопросам, сохранит надолго память о его особой учительской одарённости, умении мыслить глубоко самому и учить этому других.

Он был принципиален, а когда нужно, и в высшей степени требователен. Это его качество в первую очередь он направлял к самому себе. Проработав в училище 13 лет, он, несмотря на преклонные годы, не отказывался ни от какого поручения, сам с радостью брался за любую работу. Каждое утро он приходил в училище первым, являя собой пример неутомимого труженика.

Он любил коллектив и был глубоко уважаем и любим в коллективе.

Пример И.А.Мирандова призывает всех нас к беззаветной преданности своей профессии, трудолюбию, подлинной любви к людям.

Залманов, Эрленбуш, Алёшина, Горбунова, Сладкомодов, Шумилин, Беспалова и др.

Из воспоминаний Е.В.Эрленбуш - преподавательницы Петропавловского педучилища:

«... Первый год моей работы в родном учебном заведении преподавателем музыки и выразительного чтения. Как нельзя кстати пришлась дружеская, мудрая помощь Игоря Александровича Мирандова, старейшего преподавателя училища. Всегда подтянутый, элегантный, он поражал культурой, богатством знаний и безграничным уважением к своему делу. Тщательно готовился он к каждому уроку, хотя и без подготовки мог провести урок на любую тему».

Людмила Мельникова.
ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИЦЫ.

Была я ребёнком своенравным. Всё-то мне было интересно, новое привлекало. Сама не осознавая того, не терпела штампов. На уроках математики в 6-8 классах доказывала теоремы «своим» методом и спорила с учителями - Валдусом и Филином. «Мельникова, так не докажете!». Я же упрямо твердила своё: «Докажу». Математики оставили меня в покое.

... И вот в восьмом классе у нас появился новый преподава-

тель литературы, который рассказывал нам не то, что написано в учебнике, рассказывал от души, увлекаясь сам и увлекая нас в мир прекрасного. Правда, на первом уроке я, привыкшая вертеться и разговаривать, получила наказание: выучить наизусть «Плач Ярославны». Делать нечего, села за парту и начала слушать Игоря Александровича. Он рассказывал о «Слове о полку Игореве». И вдруг передо мной всё оживило. Я перенеслась на несколько веков назад, забыв обо всём, слушала, затаив дыхание. Когда прозвенел звонок, я не сразу пришла в себя. Дома сразу же выучила «Плач Ярославны».

С каждым занятием литература, преподносимая Игорем Александровичем, всё более и более влекла меня к себе. В каждый свой урок он вносил что-то новое, никогда не повторяясь. Мы сами разбирали литературных героев, не заглядывая в учебник. Он учил нас мыслить самостоятельно. А читать он учил нас как? На уроке вдруг спросит: «Какие волосы были у Татьяны Лариной?». «А у Ольги?». Разве можно ответить на такие вопросы, невнимательно читая произведение? И ещё он говорил: «Если понравилось какое-то место в произведении, надо его перечитать, и каждый раз оно будет звучать по-другому, по-новому». Когда были сдвоенные уроки, мы писали сочинение, или устраивались «литературные суды». Были прокурор, адвокат. Только подсудимый был молчаливый герой. Первый суд был над Евгением Онегиным. Я - прокурор, Алик Файман - адвокат. Позже мы участвовали в другом суде - над Анной Карениной. Теперь мы поменялись ролями: Алик - прокурор, я - адвокат. За два часа мы не могли убедить друг друга в своей правоте. На следующем уроке я спросила: «Игорь Александрович, кто же прав, я или Алик?». И.А. ответил: «Вы об этом говорили два часа». Потом, пожалев меня, сказал: «Лев Николаевич говорил, что образ Анны ему дорог и любим». На этих судах мы учились оценивать поступки, отношение между людьми, их зависимость от общества, времени, места.

А литературные кружки после уроков! Как он невзначай спрашивал: «А как звали лошадь Вронского?». «А какие глаза были у Марии Болконской?»

Мне кажется, что звание «Учитель» обязывает ко многому. Хорошего учителя не боятся, его уважают, ему подражают. Игорь

Александрович был влюблён в свой предмет, и эту любовь он, как эстафету, передал нам. Он никогда не повышал голоса, обращался к нам на «Вы», всегда ровен, всегда спокоен. Он был моим самым любимым преподавателем и в I школе и после неё.

С нетерпением я ждала его уроки. И каждый раз, на каждом уроке, у него было что-то новое, неординарное, увлекательное. Он говорил об ударениях на словах, когда учили стихотворения. Тогда я узнала, что ударения делаются не только на слогах, но и на словах. Например, «Я Вас люблю». Ударение на слове «Я» (не кто-нибудь другой), на слове «Вас» (и больше никого), на слове «люблю» (совсем не равнодушна). Три слова, а смысл зависит от ударения слова. А есть, когда ударение делается на несколько слов: «И на обломках самовластья напишут наши имена». Именно эту фразу И.А. приводил нам в качестве примера.

На каникулы он давал список книг, которые мы должны прочесть для его уроков. И разве можно было не выполнить задания учителя? Я читала с упоением. Мечтала. Перечитывала. Смаковала понравившиеся места. (Эта привычка у меня до сих пор).

Честно говоря, я очень любила школу, мне нравилось учиться. Но после того, как появился И.А., школа влекла меня к себе ещё больше. У нас были прекрасные учителя, требовательные, хорошо знающие свой предмет, уважающие и нас и себя, но почему-то у всех были клички: «Валдус, Филин, Гутя, Оксана...» А вот у И.А. клички не было. Что это? Признание таланта? Человека? Учителя?

Наш 10 класс из I школы перевели в IV. Литературу нам там читала Лариса Михайловна (не знаю, правильно ли я назвала её имя, отчество). После уроков Мирандова её занятия были мукой, пыткой, недоразумением. Она читала строго по учебнику «От сих до сих». Наш Игорь Кунгин, чтобы посмешить класс, спрашивал: «Л.М., от кентелево и до кентелево нам задано?» Она показывала пальцем, что задано. Он: «Ах, от сентелева и до сентелева!» Читать произведения у неё было не обязательно. Самое главное, ответить книжными словами, как в учебнике, «от сих до сих». Для меня это было трагедией. Она была единственной учительницей, которую я не любила.

Дети - это самый тяжёлый, самый сложный, самый трудный народ, и работать с ними может только тот, кто хорошо знает свой предмет, кто уважает, любит и, самое главное, понимает детей. Все эти черты были присущи И.А. Этот образ Учителя, педагога, личности я помнила всю жизнь. Рассказывала о нём детям, и мне очень хотелось встретиться с ним уже взрослой, уже кое-что понимающей в жизни. К счастью, мы оказались в одной стране с ним. Об этом я узнала сравнительно недавно. Недавно я нашла и своих соучеников, с которыми в 1951 году окончила среднюю школу. Это - Вова Левитский, Игорь Цыбулько, Катя Паначёва, Мара Кукульская, Герман Пузанов. Ирония судьбы! Встретились мы через 44 года, умудрённые (!) жизнью, постаревшие, но молодые душой. При первом же телефонном разговоре с Вовой Левитским мы договорились разыскать могилу И.А. и поклониться ей. Мы решили, что это наш долг. Ведь не так часто встретишь Учителя, которого с благоговением помнишь всю жизнь. Вова по семейным обстоятельствам не смог поехать со мной, и ко мне присоединилась Лора Полькина.

И я очень довольна, что побывала в семье И.А., поклонилась его могиле, посидела в его любимом харбинском кресле, подышала воздухом его семьи, его вещей, его скромной обстановки, когда-то окружавшей его. Видимо, И.А. был скромен во всём, он не мог потребовать для себя лично каких-то привилегий, благ, не был он и «накопителем». Он был бесребренником.

И.А. с семьёй - тогда ещё была жива его мать - ехали в теплушках на целину. Приехав в Советский Союз, они здесь получили саманный домик, весь в щелях, отовсюду дует, к утру вода в вёдрах, которую приходилось носить из колодца, замерзала. Печь надо было топить, а это значит - колоть дрова, носить уголь. Кое-как хатка нагревалась к вечеру, а к утру опять холодина. Руки И.А. на целине обивали дранкой дома, так же как и руки нашего бывшего директора Квятковского, впоследствии переехавшего в Киев. Когда И.А. стал преподавать в школе, а там были дети из детдома, то детдомовцы потихоньку от И.А. носили им воду. Они не видели кто. Стук в дверь - и вода за порогом. Двери там не запирались на замки, как сейчас. Мальчишки в совхозе зарабатывали у себя походку «Мирандова». Дочь Елена рассказывала о таком случае. В селе Архангельском, где они прожили

три года в очень холодном домишке, зимой его занесло снегом, и от этого стало теплее. Ребята, которые учились в школе, где преподавал И.А., ночью сделали дорожки к дому и отгребли снег. Им в квартире от этого стало холоднее, но «на душе стало теплее».

И.А. уже больной, у него и в Харбине была сердечная астма и что-то ещё с желудком, что-то у него лопнуло в кишечнике, ходил три дня на работу. На третий день ему на работе стало плохо, вызвали скорую, сообщили домой. Лена прибежала в больницу, его уже готовили к операции. Он ей сказал: «Передай «мунтеру» (так он называл Александру Михайловну), пусть зажжёт лампадку и помолится за меня». Дома так и сделали. Операция шла часа три, если не больше, и всё это время с улицы вся больница была «облеплена» учащимися педучилища, где преподавал И.А. Операция прошла, но И.А. не приходил в себя. К нему пустили только А.М.

Так не стало Учителя, Мыслителя, Человека. Хоронили его всем училищем. Состоялся митинг. Бывают митинги - обязанности, а это был митинг, который требовала душа. И.А. любили все ученики и в Харбине, и в совхозе, и в Петропавловске. Помоему, это самая лучшая плата человеку, за его любовь к своему делу, за любовь к ученикам своим.

В его доме, у Александры Михайловны - вдовы И.А., я познакомилась с публикациями об И.А. Писали люди разных поколений со всех сторон света. И с ними у меня общее - преклонение передателем, но и им же надо быть преподавателями не только при жизни, но и будет пухом.

три года в очень холодном домишке, зимой его занесло снегом, и от этого стало теплее. Ребята, которые учились в школе, где преподавал И.А., ночью сделали дорожки к дому и отгребли снег. Им в квартире от этого стало холоднее, но «на душе стало теплее».

И.А. уже больной, у него и в Харбине была сердечная астма и что-то ещё с желудком, что-то у него лопнуло в кишечнике, ходил три дня на работу. На третий день ему на работе стало плохо, вызвали скорую, сообщили домой. Лена прибежала в больницу, его уже готовили к операции. Он ей сказал: «Передай «мунтеру» (так он называл Александру Михайловну), пусть зажжёт лампадку и помолится за меня». Дома так и сделали. Операция шла часа три, если не больше, и всё это время с улицы вся больница была «облеплена» учащимися педучилища, где преподавал И.А. Операция прошла, но И.А. не приходил в себя. К нему пустили только А.М.

Так не стало Учителя, Мыслителя, Человека. Хоронили его всем училищем. Состоялся митинг. Бывают митинги - обязанности, а это был митинг, который требовала душа. И.А. любили все ученики и в Харбине, и в совхозе, и в Петропавловске. Поэтому, это самая лучшая плата человеку, за его любовь к своему делу, за любовь к ученикам своим.

В его доме, у Александры Михайловны - вдовы И.А., я познакомилась с публикациями об И.А. Писали люди разных поколений со всех сторон света. И с ними у меня общее - преклонение перед учителем, но и им же надо быть преподавателями не только при жизни, но и после. У будет пухом.

СУДЬБА.

Сразу две наши соученицы - чудные женщины, не стану раскрывать их имен, просили не обнародовать их, - в последних письмах мне обеспокоенно и довольно страстно, заглушая внутреннюю тревогу о Родине, о судьбах, одновременно обостряя раздор между нами (спор, расхождение, несходство?) из-за моего святотатства, с упорством настаивают на том, что И.А.Мирандов, в 1955 году приехав в Советский Союз, нашел здесь то, к чему стремился, свое место, свой предел. Простите, у меня никак не поворачивается язык повторить вслед за его учениками: «нашел свое счастье». Видимо, я чего-то недопонимаю. Либо уж дуэт наш что-то фальшивит в своей арии: «Ни в одной иной стране, кроме нашей, он и мы не могли быть столь безусловно счастливы! Широка страна моя родная!». Это что, такая вера? Они что, старообрядки? Или, между нами, шутят, играют девочки...

Неисповедимы пути Господни. На Родине И.А.Мирандов проходит испытание народовольчеством. Его берут учителем в захолустную школу в совхозе, где некому было учить детей. Зимой школу с головой заваливает снегом, и нечем, бывало, топить печку. Постепенно он продвинулся - его принимают завучем в педучилище. Это уже в Петропавловске, в Казахстане. Надо представлять себе, что такое училище. Ученики его, конечно, любили: видели его незаурядность, его учительский дар от Бога. Что же ему ещё нужно было для ощущения полнокровного счастья?! Такая неприхотливость, непритязательность и завидная скромность, просто святость и покорность судьбе. За всё, за всё благодарю Тебя! Выходит, что в Северном Казахстане, наконец-то вернувшись на «свою» Родину, наш учитель достигает-таки счастливого пика жизненного восхождения, педагогической, творческой и общественной карьеры. Ну, ясное дело, в жалкой харбинской эмиграции честному человеку русскому оставалось только терзаться, разрываться, мучиться и страдать, будучи изгоем вдали от Родины. А тут человек возродился, он не только прощен, но и осчастливлен приемом, блудный сын. Душа беспрестанно поет славу КПСС и лично, лично, лично. Постаревшая Елена Ивановна, мать Ванечки Кулева, лет десять тому назад при встрече восхищалась тем, как же это нам беско-

нечно повезло. В отличие это от тех харбинцев, кто по ошибке или недомыслию не решился ехать сюда с нами и заблудился в чужом мире, вечно нам чужом. Подобный расхожий миф о Родине-матери и Отчизне, отчем доме, так или иначе повторяют мои соученицы. Мне интересно, почему же это - мудрость, наивность или ещё что? Такие привычные спасительные слова, азбучные и достопочтенные, общие места и предрассудки, не мои мысли и чувства. Но сейчас речь не о Родине, а о счастье: достижимо ли оно, было ли «возвращение» И.А.Мирандова его счастьем в действительности и вообще что это такое, счастье, для чего оно, каким бывает, где обитает? Перефразируем товарища Маяковского, который больше о Партии и Ленине, а мы о своём: Родина и Счастье - близнецы-братья; говорим Родина - подразумеваем Счастье, говорим Счастье - подразумеваем Родина, как тогда говорили, Советский Союз, Советская Родина (куда она запропастилась?). Счастье - свободное и дикое существо, или создание. Пожалуй, его нельзя приручить, тем более оседлать. Оно слишком зыбко. Почти неуловимо, таинственно, разнообразно и многолико. Как мечта, птица-феникс, сон, мираж, иллюзия. И счастьем просто не жить в клетке. Все его желают, часто о нём говорят, грезят, зовут, к нему устремляются. Вроде бы и можно вот-вот дотянуться, схватить за хвост, если повезёт. Хотя, надо признаться, редко когда и мало кто, достигая его, владеет им. Мало кому известно, где оно прячется, капризное счастье. И уж с огромным трудом удаётся мудрецам дать ему определение и обобщение. Сколько бы мы ни изощрались, счастье остаётся всесветной и мистической тайной.

Похоже, что это слово - большая метафора, нечто вроде театральной маски и псевдоним, за которым скрывается множество разноликих реальных имен, тоже таинственных по-своему: благодать, дар, награда, победа, удача, радость, успех, достижение, везение, удовольствие и т.п. Об обобщённом и неясном счастье без устали рассуждают романтики, особенно, конечно, поэты. Оно и магнит, и соблазн, и сила притяжения, и стимул, влечение, и зов жизни. Слово «счастье» - высокий художественный символ, ведущий политический жезл, таинственный религиозный и идеологический ориентир, молитвенное слово и адский соблазн, изошрённая ложь, дьявольский обман. Простодушных

и несчастных людей бесстыдно обрабатывают идеологемами и прельщают сказками, обещают всеобщее благоденствие, или коммунизм, или рай на Земле для избранных. А там, в райском благополучии, смотришь, найдётся и тебе местечко, твой участок в божественном саду-царстве. Эти фантазмы, сладкие мечты, полёты во сне, вера-надежда - неистребимы. Влекущая вечная мысль, расчёт на чудо осуществления сверхжелания и сверхдостижения въедается в обыденное сознание и глубже. Соблазнённые души и правители дум с удовольствием сообща играют на разнице курсов и ценности столь необходимого, как выясняется, слова. Без него не обойтись, как не прожить уже без денег, валюты и банковских операций. Слово это - расхожий и всесильный знак, с помощью которого накапливается капитал и ловко манипулируют массами. Может быть, действительно, И.А.Мирандов на склоне лет чувствовал себя счастливым, в счастливом доме и в счастливой стране? Чего не случается в нашей жизни. Если ему не из чего было выбирать. Он никогда ничего не видел, не знал, и ему совершенно не с чем было сравнивать. Дома и на работе он читал газеты - и верил, что «и жить хорошо, и жизнь хороша». Кстати, об этом писал тот же из поэтов нашей, советской, эпохи. Так ведь? Школьная программа, застолбили по Сталину, по-сталински.

Нет на Земле вечного рая. И, кажется, невозможно всеобщее счастье. Это противоестественно, против природы, мир устроен иначе. Нигде не бывает всегда только солнечно и всем тепло и уютно. Всё вращается и изменяется в нашей Вселенной. Какой-то калейдоскоп влияний, воздействий, самочувствий, погод, дней, сезонов, идут годы, и в пульсирующем вихре людского сознания и существования беспорядочно и непонятно, сменяясь одно другим, перемежаются события и случайности, большие и еле заметные, радостные и печальные для кого-то, и соответственно настроение, веселье и уныния. Жизнь наша: будни-праздники, бодрствование-сон, творчество-рутина, подъём-спад, очарование-разочарование, любовь-безразличие, презрение-ненависть - вечное движение, суета и упокой. В этой чересполосице есть зерно счастья, только попробуй найти его в этом хаосе состояний, ощущений, чувств. Счастья миг - пусть даже полоса, период, момент, состояние, положение - так или

иначе всегда временно, ограничено, относительно, не всеохватно. Разве не так?

Вероятно, именно из-за частности, неустойчивости и неопределённости человеческого, земного счастья Н.Д.Бердяев считал для философии проблему счастья малоинтересной, слишком поверхностной и легковесной. Для него это не категория, а всего лишь расхожее обывательское мнение, без метафизической глубины и загадки. Слишком уж ясно и очевидно оно, счастье, моё, данное, полученное, доставляющее удовольствие и радость тебе. Русский мыслитель и авторитет прав по-своему. Однако мне представляется, что у нашего «героя» не только лишь один мещанский лик и личный характер, что, кстати, само по себе тоже значимо, если нас занимает рядовое и обычное в жизни реальной. Следовало бы уловить и выделить одну из неявных и глубинных функций этого слова-понятия, вытекающих из таинственных связей и взаимозависимостей частного и общего, человеческого и божественного, земного и небесного, предельного и запредельного. Стремление исторического человека к иному и к высшему, его настойчивая тяга к благоденствию и благополучию вечны, таинственны и мистически окрашены. Есть-таки метафизическая тайна в неустанном движении, в преодолении препятствий и трудностей для достижения света и приобщения к благодати. Чувство жизни, радость и жизнерадостность есть мощный стимул жизнедеятельности. Идёт поиск смысла жизни и механизмов упорядочения взаимоотношений, гармонизации стихийных и бессмысленных первоначал беспорядка - хаоса. И не в этом ли вмешательстве воли, где-то там, скрывается наш таинственный незнакомец?

Не столь даже и важно, что его реально нет-таки. Мы создаём образ счастья, воображая, конструируем его. Тут уже без слова-псевдонима и идеализации не обойтись было. Чтобы чувствовать себя так, не иначе, как узнать и сообщить, каково тебе, если нет нужного (соответствующего) слова-понятия в языке. Интересно, кто, когда и зачем подбросил в наш язык и, следовательно, сознание это слово-соблазн? Очевидно, лицо очень заинтересованное. Кто это вздумал обольстить нас таким неусветным обещанием, желанием и мечтой? Человек получил и усвоил слово «счастье», чтобы нагрузить его своими смыслами

и выдумками. Сказочный старик на берегу сказочного моря поймал сказочную золотую рыбку, которая всё может и исполняет все требования, но ... хвостиком вильнула и исчезла в пучине океана, оставив нас у разбитого корыта. На нашем побережье нет счастья, удачи и благополучия.

«Как жизнь?», «Как дела?», «Как здоровье?», «Как самочувствие?», «Как настроение?», «Что хорошего?», «Как успехи?», «Что нового?» (или осторожно и ласково: «Чего новенького?»), «Чши поу-ла?» (кит. буквально «Наелся?») - так или иначе эти самые первые вопросы-приветствия вокруг да около главного и жизненного, личного благополучия и благосклонности судьбы, имеют в виду отдельные составные и развороты блага, пока не называя это здесь счастьем, словом более всеохватным и ёмким, потому менее определённым. В словаре языка мы имеем дело со сложнейшим переплетением, соединением, сплавом и разграничением множества различных более общих и более частных осмыслений, представлений и понятий, формирующих сложнейший семантический рисунок словаря.

Нам всем, в отдельности и сообща, понятно, бывает по-всякому: и хорошо, и отлично, и так себе, средне, и непонятно как, неопределенно, никак, и плохо, и даже очень худо, невыносимо, катастрофически, жить не хочется, хоть в петлю лезь. Бесконечно своеобразны и различны душевное и физическое, духовное и материальное и ещё какое другое состояния человека, также его самочувствие, настроение, расположение духа, биоритм, цикл, форма, тонус. Человек может чувствовать слабость, бодрость, усталость, безразличие, беспокойство, тревогу. Не с той ноги встал человек. Сегодня он зол, не в духе и лучше с ним не связываться. Или же, напротив, пока он добродушен, весел, щедр, открыт. Весь этот субъективизм и психология личности так или иначе имеют отношение к нашему предмету, будучи прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно связанными с выражением и ощущением состояния личности, именуемого счастьем. Та или иная степень причастности, склонности и выраженности...

Счастье, любовь, жизнь - прекрасны! И их не заковать в цепи. Если они являются, то это вовсе не обязательно, не точно, как часы, а «может быть» и «дай бог». Так или иначе всегда произвол и свобода - судьба.

Знают и определяют только лишь разную очевидность и всякую мелочь. Земные дела человеческие доступней, ближе и понятней бывают нам, нежели запредельные таинства духа. Как только что побольше и поглубже - ни охватить, ни схватить того. И если влечёт бездонность и бесконечность и речь о высшем и всеобщем, то осенило чуть, коснулся едва мыслью - и довольно. Совсем не так ясно и очевидно, когда вникаешь в мир духов, в духовное, в глубину сознания, вокруг человека и над ним. Идеальное окутано вечной тайной для нас и - непостижимо. Временами, бывает, что-то приоткрывается там, мельком, дразня, таинственно. Безусловно, не сама суть, а нечто случайное и поверхностное, из внешнего слоя, только почудится образ, словно озарение. Раз и навсегда надо смириться, признав законность непостижимости бездны идеального мира ограниченным и бранным существом. Нам не постичь всего до конца. И хорошо ещё, что хоть как-то чувствуем, ощущаем, переживаем в себе это: счастье, радость, веселье, дружбу, любовь, влюблённость, подъём, экстаз, расположение, удачу, успех и др. Сколько разных хороших слов есть! И пусть мы не знаем, отчего и для чего они нам, что это такое по сути и как проявляется в жизни: столь зыбкий и нежный дух, чувство внутри нас, идущее откуда-то, таинственное отношение и непостижимая связь между телами и душами, биополе, невидимая и непрочная субстанция.

Человек - несовершенное и бледное отражение божественного. Это можно принять на веру. Создание не постигает Создателя, и мы не знаем самого замысла, всего сценария и всей игры, конечно. Адам, потом (или сразу) Ева, потом (или сразу) Любовь, Счастье - это как будто продукт первоначального производства. Люди изначально подвергаются искушениям и соблазнам. На Земле любовь и счастье становятся всё более призрачными и проблематичными. Люди всё ещё склонны считать себя субъектами истории, действующими лицами, любовь и счастье, в таком сценарии - средства и цель жизни. Красивое построение! Однако этого ещё никто никогда не доказал. Слишком уж изысканная теория, чтобы быть правдоподобной. Можно очень по-разному понимать и объяснять себе, что есть жизнь, человек, любовь, счастье. Обо всем этом и подобном все что-то знают, безусловно. Но конкретное знание частично и относи-

тельно. «Понимание есть непонимание». Для одних, бывает, любовь - просто соитие: переспал Адам с Евой. Также расхожее понимание: счастье - это богатство, материальное благополучие.

Человек (животное) во взаимоотношении с природой и с социальной средой обитания, испытывая на себе влияние их, обратное воздействие и реакцию, контакт, давление, сопротивление, трудности, конфликты, может быть в большей или меньшей степени удовлетворён, чувствовать комфорт, удобство, удачу, успех или, напротив, досаду, невезение, угнетение, поражение, неудачу. Высокая степень положительной оценки ситуации и удовлетворённости жизнью осознаётся как радость, восторг, подъём духа и именуется счастьем. Противоположный полюс самоощущения и оценки, соответственно, называется несчастьем. Счастье-несчастье (плюс-минус) - это очень емкоеместилище, общие слова, с широким охватом разнообразных восприятия и признаний, многое и разное обозначает и квалифицирует. Эти тенденциозные оценочные слова постоянно употребляются. Каждый из нас часто слышит и сам неоднократно говорил о счастье, так или иначе использовал это слово. Тем самым, это слово, нужное людям, о многом говорит. Оно по смыслу и обозначению бесконечно, одновременно и конкретно, и абстрактно. Из-за многократности использования и своей употребительности, или расхожести, слово это весьма многое значит, относится к числу самых многозначных: семантически оно объединяет и обобщает очень разные реальные ситуации и смыслы.

Всем нам знакомое слово «счастье» употребляется часто и неоднозначно. Речь идёт как бы об одном и в то же время всегда о разном. И это противоречие «понимания-непонимания» удобно скрывается в слове, ласкающем слух. Когда есть повод поздравить с чем-то - с Новым годом, с днём рождения, с именинами, с праздником, юбилеем, то желают обязательно здоровья, успехов и счастья. Есть ещё и другие случаи, обстоятельства, когда привычно выражают восторг, радость или дают высокую оценку и комплимент по адресу определённого лица. Положительно оценивая действия, чувства, отношения, состояния, тоже часто используют это любимое многими слово в затверженном контексте и в синтаксической роли - обычно сказуемого-предиката. В праздничной и комплиментарной ситуации

традиционно и весьма уместно, кстати, использование этого блестящего существительного, непременно в ответ вызывающего улыбку и благодарность, даже дружелюбие. Такое применение слова носит устойчивый, фразеологизированный, характер. Как привычное «здравствуйте!», как обычное «покойной ночи!». Так же и «желаю вам счастья» или «ты моё счастье», готовые выражения, лежащие в нашей словарной памяти. Когда надо, мы вспоминаем эти фразы. И в этих случаях-признаниях важен общий тон и функциональный смысл целого выражения, и вовсе не нужно знать детально, полно и глубоко семантику каждого слова в составе фразеологизированной единицы.

По-разному понимают и определяют, что такое счастье. Без большой натяжки можно утверждать, что это высшая или достаточно высокая степень удовлетворённости жизнью, существованием, своим состоянием и положением; здоровое чувство жизни, испытание радости, жизнерадостность. Безусловно, возможны и другие характеристики и подходы к толкованию смысла слова. У этого слова собственная история и своя судьба. Ведь оно появилось когда-то, родилось, робко входило в язык, в сознание, в практику, росло, мужало, приспособлялось к общественной жизни и интересам, развивалось, всегда значило что-то, обогащалось всё новыми смыслами, расталкивая другие слова и занимая подходящее место в языковом пространстве. Чтобы убедиться в этом, следует внимательно посмотреть литературные тексты разных авторов, нужно сравнить словари разных исторических эпох.

И без обращения к этимологическому словарю русский человек, прислушавшись, легко угадает «внутреннюю» форму слова: с- часть- е. Вероятно, исконно счастьем считалась и называлась часть (кусок) общей добычи; то, что доставалось кому-либо, как представлялось, более или менее случайно, как-то добывалось, попадалось, находилось. Так или иначе охотничий трофей, находка, дар, жалованье могли объясняться успехами, ловкостью и умением, в то же время связывались в общем с удачей, с вознаграждением. Картина мира и мировоззрение постепенно усложнялись, и языковое сознание всё более абстрагировалось, улавливались и устанавливались связи, сходство и различие между фактами, предметами, понятиями.

Для нас небезынтересно, должно быть, то, что в русском языке такие слова, как «счастье» и «участь», некогда были словами одного корня, будучи мотивированы отношением принадлежности к части. Часть, понятно, - это не всё, не целое, а всего-навсего некоторая доля, раздел, получается в результате деления и распределения. Некая доля жизни или жизненных благ, необходимых ценностей достаётся людям совокупно, человечеству, как и каждому человеку в отдельности, его личная доля, часть. С частью общего достатка он становится счастливым. Так древний мифологический мотив - фатальный момент происхождения в механизма счастья - естественно входит в осмысление судьбоносной сути этой самой главной добычи, всегда конкретной и вечной, удачи и удачливости. В таком понимании счастья как бы скрещивается идея предначертания, судьбы и мысль о ловкости, активности и предприимчивости. «На бога надейся, а сам не плошай!». Ведь в наших словах - счастье и участь, - если подумать и прислушаться, прозрачно проступает и значение судьбы-доли (1), и значимость «участия» (участвовать - играть роль, действовать, работать, стараться) и «прилежания», «настойчивости», «трудолюбия» (2). Иначе говоря, в семантике этих таинственных слов-мифов прочно переплетены две смысловых нити: 1) как бы предрешенность, это от тебя не зависит, оно задаётся свыше; и 2) в то же время не зевай, действуй сам, лови его, не сиди сиднем, стремись, старайся. Вот такая современная трактовка счастья - участи, судьбы и участия, участия, - на мой взгляд, очень удачно заложена в самом языке и вытекает из простого осмысления языковой формы. Пока мы определили для себя два основных русла в нашем таинственном понятии под названием «счастье». Одно из них в пределах человеческой воли, второе - трансцендентное, за гранью земного сознания, скрывается в потустороннем мире. Нельзя забывать, что вся наша Планета (Земля) есть пылинки Космоса, и жизнь человека - какой-то миг в Вечности. В понимании (семантике) слова «счастье» проводится условная граница доступного, или посюстороннего, земного и небесного, по иную сторону, нам неподвластную сферу. Очевидно, что в нашем счастье часто как бы и смыкаются, и различаются два плана: ближнее и дальнее, дольнее и гор-

нее, плотское, телесное и духовное, физическое и метафизическое. Даже загар на моей коже есть следствие солнечного излучения, тем более наше счастье зависит от какого-то внешнего, потустороннего влияния. Проявление чувства легко заметить, уловить его сущность значительно сложнее бывает. Суть явления скрывается, прячется от нас где-то.

В поиске смысла слова и понятия следует двигаться дальше. Нам нельзя останавливаться. Мысль (мышление), по определению, - это то, что всегда продолжается в движении, в уточнении, опровержении, споре, противостоянии и соперничестве.

Жизнь больше, чем счастье. Она вмещает в себя едва ли не всё, что нам известно, наряду со счастьем, или кроме счастья, многое другое, включая и разнообразное то, что относится уже к несчастью: разные беды, трагедии, крушения надежд, катастрофы, катаклизмы и слишком много ещё чего, чтобы можно было здесь перечислить. Но счастье - витамин, радость, драгоценные крупички жизни, её бриллиантики, украшение и ценность. В этой жизни мы находим самые разные радости и печали. Самые разные ощущения в этой реальности, земного быта и трудной борьбы за существование, а также праздника жизни, веселья, грёз, высокой мечты, вечного устремления и полёта в небо, на грань или в пределы уже мистической жизни. Всё в поисках счастья. Итак, без жизни и вне её вообще для нас нет никакого счастья, ибо тогда там как бы нет ничего вовсе. Пустота и Молчание - это слишком непостижимо. То, что мы вроде понимаем и называем Жизнью, тоже огромно и величественно, как стихия. И без неё, нашей общей, относительной и ограниченной жизни, противоречивой и непростой, не бывает-таки этого благого состояния и несёмого счастья, влекущего и ведущего...

И.А.Мирандов,
1948

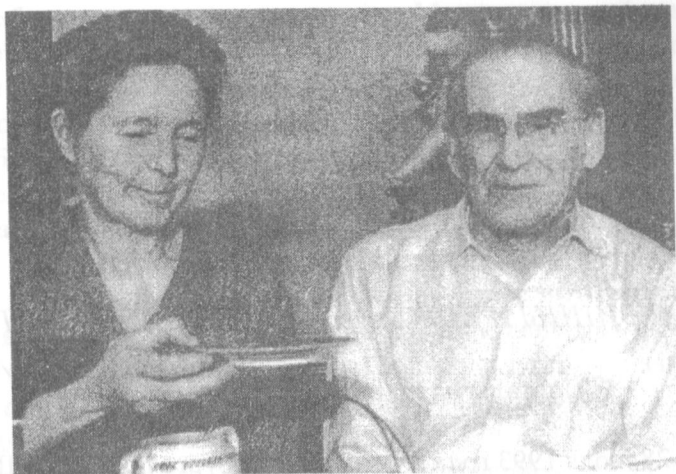
нее, плотское, телесное и духовное, физическое и метафизическое. Даже загар на моей коже есть следствие солнечного излучения, тем более наше счастье зависимо от какого-то внешнего, потустороннего влияния. Проявление чувства легко заметить, уловить его сущность значительно сложнее бывает. Суть явления скрывается, прячется от нас где-то.

В поиске смысла слова и понятия следует двигаться дальше. Нам нельзя останавливаться. Мысль (мышление), по определению, - это то, что всегда продолжается в движении, в уточнении, опровержении, споре, противостоянии и соперничестве.

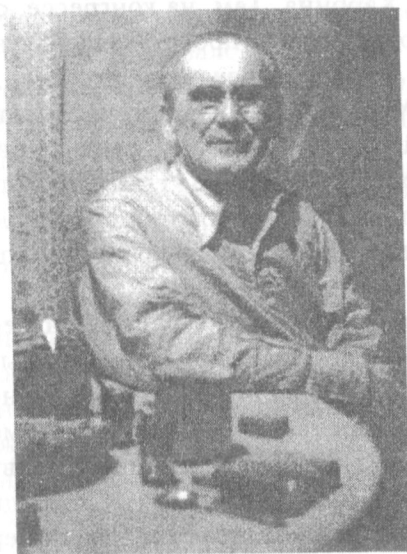
Жизнь больше, чем счастье. Она вмещает в себя едва ли не всё, что нам известно, наряду со счастьем, или кроме счастья, многое другое, включая и разнообразное то, что относится уже к несчастью: разные беды, трагедии, крушения надежд, катастрофы, катаклизмы и слишком много ещё чего, чтобы можно было здесь перечислить. Но счастье - витамин, радость, драгоценные крупницы жизни, её бриллиантики, украшение и ценность. В этой жизни мы находим самые разные радости и печали. Самые разные ощущения в этой реальности, земного быта и трудной борьбы за существование, а также праздника жизни, веселья, грёз, высокой мечты, вечного устремления и полёта в небо, на грань или в пределы уже мистической жизни. Всё в поисках счастья. Итак, без жизни и вне её вообще для нас нет никакого счастья, ибо тогда там как бы нет ничего вовсе. Пустота и Молчание - это слишком непостижимо. То, что мы вроде понимаем и называем Жизнью, тоже огромно и величественно, как стихия. И без неё, нашей общей, относительной и ограниченной жизни, противоречивой и непростой, не бывает-таки этого благого состояния и несёмого счастья, влекущего и ведущего...

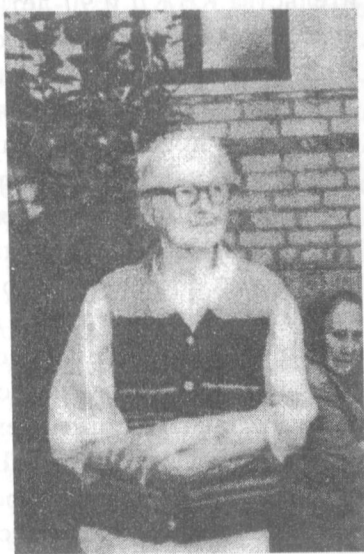
И.А.Мирандов,
1948

(1968)

(1968)

(1996)

Мирандовы в разные годы, Игорь Александрович и
Александра Михайловна.

III

РОМАНТИКА ПРОШЛОГО

ХАРБИНЦЫ И КВЖДнцы В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

1. Ностальгия по прошлому и настоящему.

26-28 июля 1993 года в Санкт-Петербурге проходил III конгресс соотечественников, посвященный 95-летию с начала строительства КВЖД и 90-летию Харбина. Там, на конгрессе, собирались люди, прямо или опосредованно представлявшие экспоселенцев в Маньчжурии и жителей прежнего, начала и до середины нашего столетия, Харбина, как и многочисленных станций и посёлков бывшей КВЖД. Харбин, Маньчжурия, КВЖД - давно уже стали для одних какими-то культурно-историческими символами; для иных представляются странными мифологическими образами; для третьих они являются воспоминаниями, началом биографии, частью жизни.

После Петербурга, уже в первых числах августа, конгресс имел продолжение в Новосибирске. Значительная часть бывших харбинцев проживает сейчас в городах Сибири и целинного Казахстана. В это же время в Москве проходил конгресс молодых соотечественников. Всё это как будто бы свидетельствует о новом подходе государства к многочисленной русской диаспоре, оторванной от России, о психологической закономерности восстановления исторического родства и активизации прерванных связей.

Мне пришлось быть одним из участников петербургского конгресса, лично для меня наполненного благими порывами и событиями. Вернувшись домой, пытаюсь разобраться, что же там, на берегах Невы, происходило с нами в эти пять скорых дней и ночей и почему это случилось сейчас и таким образом.

Не будем наивными романтиками. Международный конгресс соотечественников, подобно другим звонким мероприятиям в наши дни, безусловно, имеет и определённую политическую подоплёку. Конгресс - айсберг, с меньшей частью на поверхности, большей под водой и невидимой. В этом неожиданном ритуале можно выделить несколько направлений или линий празднования, более общих мероприятий и более частных и личных - кулуарное общение, встречи и знакомства. В первую очередь хотелось бы сосредоточиться на более интимном плане личных контактов и впечатлений, пока оставив в стороне, без разбора, общественный аспект и общекультурную значимость мероприятия, хотя такой подход кому-то покажется несправедливым и нелогичным.

Казалось бы, странный юбилей, необычна затея, не ко времени, вопреки здравому и практическому смыслу. Всё же наперекор всему устроили и провели встречу. Выходит, кому-то это событие требовалось, для чего-то оно было нужно, кто-то благословил и способствовал, если преодолели все психологические препятствия и организационные трудности. И получилось: люди собрались, съехались, слетелись, увиделись. Такая встреча вновь доказывает, что в человеке заложено неистребимое стремление помнить истоки, не забывать пройденные пути-дороги, дорожить своим началом и прошлым.

Из разных концов Земли отметить довольно странное происшествие, полузабытое в нашем бурном мире, в дореволюционную столицу России прибыли несколько сот харбинцев (точнее было бы сказать, маньчжурцев). Не в оплачиваемую служебную командировку, а просто по зову сердца, по своей воле и на свои кровные. Уж из одной этой самоотверженности и личной устремлённости из далёких мест на одну краткую встречу и свой личный праздник как бы следует, что событие сие вовсе не какое-то заурадное или дежурное.

Внешне могло показаться, что на конгресс собрались люди деловые и благополучные. В данном случае, по-моему, такое видение - просто стереотип и результат поверхностного подхода. Телерепортёры грешат формальной эстетикой и предпочитают поймать в объектив колоритную фигуру, чтобы в кадре передать и стилизовать дух события. Но кто знает определен-

но, в чём же его истинный смысл? Зачем всё это?! Боюсь, что таких ясновидцев со стороны немного, чтобы почувствовать и понять необъяснимую тоску и боль, спрятавшуюся ото всех на свете неизвестно где. Быть может, это совершенно особое душевное состояние, которое не имеет названия. И, думается, слава Богу. Это не ностальгия, но это разновидность беспокойства, равнодушия, интереса и еще чего-то неясного и неопределённого. Это чувство нельзя выразить словами, но оно проявляется в манерах и стиле поведения, в движениях, в осторожных вопросах, в солидной неторопливости и несуетности пауз, в скованности и сдержанности страстей, в порывистых всплесках и бурных прорывах волнений. И сколько интонаций! Тут отвлекусь от конгресса соотечественников в Санкт-Петербурге и вспомню нашего земляка Жору Мостовщикова. В марте 1989 года он прислал мне дружеское письмо из Новосибирска, хорошо передав в нём, непосредственно и психологически достоверно, своё настроение и впечатление от самой первой встречи бывших харбинцев-репатриантов. Было заметно, что тогда и там, уже в условиях боязливой и робкой политической перероентировки в отношении общества к эмиграции, мой давний однокашник (по Лицею Св. Николая) и соученик по Розовой школе, похоже, испытал, как и я теперь здесь, странное чувство и возбуждение в пьянящей атмосфере неожиданного и прямо мистического возвращения в полуреальный и полуфантастический мир далёкого и скрывающегося в дымке прошлого. Интонации и стиль письма говорят многое. Вот оно, читайте: «Привет, Володя! Наконец-то раскачался написать тебе большое письмо. Фактически пишу Левитскому начала 50-ых годов. Какой ты сейчас, я не знаю, но уверен, что остался своим. Сейчас у меня одно за другим произошло два события, которые возвращают в счастливое детство. Первое событие, о котором, наверное, писал тебе Ваня Кулёв, это информация об организации и деятельности «Клуба друзей ХПИ». Клуб возглавил Мыслин, сын нашего профессора по сопромату. Попробую написать свои впечатления о клубе, и ты сам составишь своё мнение, т.к. второе событие - это тоже встреча друзей начала 60-ых годов «Сиблитмаш». Видно, колышет нас детство, и страшно подумать, если только это наши светлые дни. Ну, философию потом, а сей-

час свои чувства. Бывшая жена Протопопова Зоя встречается случайно меня около моего дома и говорит о клубе. У меня застучало сердце, и сразу же согласился на встречу, которая состоялась в «Доме техники». Пришло человек 200 старых людей, но похожих на старых аристократов. На вешалке терпеливо ждут очереди, в коридоре не толкаются. Говорят спокойно. Думал встретить знакомых, но, кроме Саши Дикарева, Вани Кулёва с женой и Власова, никого сразу не увидел. Потом стали попадаться, казалось бы, знакомые лица. По крайней мере чувствовалось, что моё лицо некоторым людям знакомо. Под конец я стал спрашивать, в какой школе учились, но, к сожалению, ни с нашей 1-ой школы, ни с 4-ой, ни с Лицея никого не встретил. Замкнулись на себя, т.к. давно мы не виделись друг с другом: Ваня, Саша и я. Кстати, Саша Дикарев был у меня свидетелем при регистрации, я ему напомнил, а Федя Тихов (Литией Александра Невского) ему говорит: «А сам почему не женился?». В общем обстановка, беседа, поведение были такими, как будто и не было этих почти 40 лет. Мы смотрели друг на друга как-то ласково, с моментальным участием к рассказанным случаям из жизни.

Потом была встреча в доме актёра, где мы были с женой. Но там мы были недолго, т.к. там сделали казённый отчёт новосибирских чиновников о их поездках в Китай. Интересно было глядеть друг на друга и реагировать почти всем одинаково.

Вот я описал кусочек нашей жизни. Думаю, что буду писать. Думаю о лете.

Досвидания. Привет всем твоим. 18.3.89. Георгий».

В этом достоверном описании всё мне больше чем понятно. После этого он не писал. Жора вскоре лег в больницу и скончался от неизлечимой болезни. Печально и естественно, но с каждым годом нас будет оставаться всё меньше. В судьбе каждого поколения задан обязательный конец и неприменный переход в иной мир, или небытие.

Но вернёмся обратно в Санкт-Петербург и вновь в сегодняшний день. Событие началось и продолжается. Мы его хотим пережить и осмыслить настолько, насколько это доступно нам. И насколько наблюдение и осмысление может быть полезным всем нам.

Может, и впрямь прибыл сюда, на конгресс, кто, чтобы установить связи с заграничными бывшими земляками. Мне не пришлось общаться ни о кем из таких, с планами на будущее. В принципе деловые люди (нынче и у нас гордые и бородатые бизнесмены вновь в моде), конечно же, были, даже выступали и призывали, рекламировали свою разностороннюю деятельность и милосердие. Однако, по моим ощущениям, новые энергичные предприниматели были-таки в ограниченном меньшинстве. Пожелаем им успеха. Но пока это был всё же не их праздник, пусть даже они - не знаю - заказывают музыку. Ясное дело, у них могли быть корпоративные интересы, чуждые мне, как и большинству участников конгресса. Представители торгово-промышленной гильдии играли свои партии и красовались, как могли. Реклама предпринимательства казалась мне здесь вовсе не уместной и лично меня не трогала. В такой формальной обстановке, не знаю, как других, меня не убеждала и не задевала велеречивость докладов об изобретательности и тонкости благотворительных акций и о щедротах какой-то удачливой корпорации, группы инициативных выходцев из числа бывших харбинцев. В своей глубинке и на окраинной периферии озабоченные собственными делами и страстями, они бессознательно желали определить и прочертить здесь русло и фарватер в целостном представлении и использовании малых энергий человеческих воспоминаний, симпатий, мечтаний и сновидений.

Любезные судари, в нашем-то возрасте уже должно различать как-то чуткость и конъюнктуру. Первое происходит в ткани души, лишь в молчании и тишине. Второе - всегда только во вне - сопровождается треском слов и выражается в громкоговорении и риторике, в сплошной публичности. Тот, кто был на конгрессе, поймёт, почему в своей трактовке чужих намерений, на меня направленных в упор активно-наступательных деклараций, я столь жестко и беспощадно сталкиваю две несовместимые идеологии и два отношения к себе - изящную и тонкую игру душевной грации, духовной культуры, чести, достоинства, порядочности, это с одной стороны, и, как бы в противоположной позиции, азартные политические игры, бесцеремонность, манерность, цинизм, фальш и грубый прагматизм силы, намеренно напролом, оглашать, чтобы оглушать. Может быть, тут я

излишне категоричен и строг в рассуждениях. Меня злит самодовольство и самоуверенность нуворишей, бесцеремонность и беспамятство. Я был настроен на иное и ждал другого. Откровенно сказать, мне были ближе и симпатичнее люди с неопределёнными, ищущими и как бы чуть растерянными взглядами. Эти открытые лица, полные доверия и дружбы, словно искали и никак не находили чего-то. Этих интересных и любопытствующих идеалистов выдавали на первых порах неуверенные движения, взгляды по сторонам, поиск чего-то потерянного, ожидание чудесного, оно вот-вот произойдёт. Трудности быта и семейные хлопоты, служба, карьера, житейские будни, рутинная реальность на этот миг как бы теряют свою привычную и обыденную значимость. Мир растворяется в неясных грёзах и воспоминаниях.

По природным задаткам люди делятся как бы на два психологических типа, образующих в жизни т.н. реалистов-прагматиков и идеалистов-романтиков, определённые их выводы и потомство. И такая разнородность и партийность социума, вследствие естественного проявления, игры и противопоставления формирующихся психических складов и интересов общественного человека (Ср. хрестоматийных тургеневских Хоря и Калиныча), вполне нормальна и неустраима. Живым людям равно - либо в разной степени - недостаёт и материального, и духовного начал и стимулов жизни. Они вечно как бы балансируют на этом различии и разнокачественности жизненных благ и пользы, на несходстве интересов и потребностей.

Коммерция, предпринимательство, любой бизнес - разве не специфическое занятие и очень частное дело, которое так или иначе всегда держится на тайне, зароке молчания, и кто же, господа хорошие, если вы серьёзно, своё предприятие станет забалтывать, словно депутат, рисуясь перед совсем некоммерческой, в общем и целом уже бесперспективной, неспособной по возрасту и воспитанию, публикой на конгрессе соотечественников, потеряв чувство меры и сообразности. Ведь это же не биржа, не торги, не международная выставка, не павильон. Здесь просто забытое поколение, которое уже - по срокам - не надеется и не ждёт шансов, барышей и выигрышей, а каждый ищет свои потери, пожалуй, мистические и вовсе не реальные

уже. И больше чем всегда, эти люди теперь ждут и заслуживают такта, красоты и человечности. Но это самая сложная и чуткая интонация, движение души. И кто же сейчас сумеет найти ту струну и задаст соответствующий и единственный тон, настроение и звучание? Нужен маэстро, большой мастер и не чиновник.

Честь и хвала инициаторам и устроителям конгресса, которые несмотря ни на что дерзнули, решившись на проведение такого необычного мероприятия, и справились с ним, которые бросили клич на полсвета, чтобы нам собраться, не государственным и общественным деятелям, не банкирам и дельцам, а разным, можно сказать, обывателям (пусть не обидятся на меня за это, без вины униженное, русское слово), объединённым по странному земляческому признаку: все мы когда-то родились или какое-то время в далёкой молодости жили в Маньчжурии. У многих из нас в паспорте так и записано о месте рождения: Маньчжурия, г. Харбин. Таких во всём мире, по пяти континентам, сотни тысяч остаётся. Первое звучное название уже исчезло с современных географических карт, но сохраняется пока преимущественно в памяти личных дел и документов, да в старых грустных стихах и песнях о несбывшихся наших надеждах.

Где и когда ещё был или будет подобный слёт?! Ведь мы не генералы в отставке, не воины-ветераны одного фронта, не важные профессионалы, лётчики или железнодорожники, не врачи-специалисты, не учителя, не учёные, не политкаторжане, даже не афганцы. На сей раз здесь были под условным и обобщённым именем «потомки кавэжэдинцев» люди самых разных профессий, разных национальностей, зрелого возраста и многих вероисповеданий, независимо от уровня состоятельности и местожительства. У нас сегодня всё разное, кроме одного единственного: участники конгресса должны были помнить, что их детство и молодость были связаны с маньчжурской землёй, воздухом, солнцем и водой, в той стране многие родились, росли, ходили в школу, дружили, влюблялись, мечтали, искали, стремились к чему-то. Потом разъехались, почти все, разом и вдруг, кто куда и навсегда. Тот город, действительно, и через сорок лет почему-то может присниться нам. У харбинцев развито то же чувство малой родины, только, быть может, почему-то более

сосредоточенное, более концентрированное, многократно усиленное необычностью и трагичностью судьбы, отрывом от большой Родины и как бы неясной виной перед всеми. По моим наблюдениям, харбинцы в значительной части - люди закомплексованные, чуткие.

Смещались, спутались стихии бытия и небытия, жизни и смерти. Быль и вымысел, реальность и иллюзии неразделимы. История и современность, прошедшее и грядущее, вчера и сегодня, предки, родители, мы и наши потомки, государство и общество, семья и отдельная личность - всё как бы разом и раздельно. Человек постоянно живёт в цивилизации и дикости, в порядке и стихии, в хаосе и космосе, во тьме и свете. И он хочет понять жизнь, себя и других в этом, вечно непостижимом, бесконечном мире. Человек смертен, но, пока живёт, он относительно свободен и из возможного выбирает вариант жизни и стиль деятельности, периодически сравнивая свой выбор и свой путь с тем, что могло быть, однако не случилось. Так человек корректирует и анализирует осуществление своих жизненных планов и поступков. Именно в самооценке и тайной исповеди перед самим собой, быть может, главный смысл и частичное, психологическое, объяснение происходящего. Никто из нас никогда не захочет окончательно согласиться с тем, что наша жизнь на самом деле «такая пустая и глупая шутка». И мы тщетно разбираемся в своей судьбе.

Безусловно, нужно сказать спасибо и спонсорам, которые, кажется, всё же как-то поддерживали материальное обустройство конгресса. Кто они и что сделали, увы, не запомнил. Говорилось, что помогли с жильём, транспортом, помещениями для заседаний и встреч, экскурсиями, выставками, концертами. Всего этого было достаточно и в хорошем качестве. Нетрудно понять, что организаторам непросто было управлять хлопотным и громоздким делом. В их адрес были произнесены слова признательности, наверное, не столь отчётливо, как они того заслуживают. Дни были спрессованы, и не нашлось специального момента и повода для благодарности, которую выражают в самом конце, при расставании. Добрые чувства останутся в наших сердцах, и мы непременно вспомним заслуги энтузиастов и устроителей.

Если говорить немного конкретнее, то внешняя канва событий этих трёх дней для меня лично такова: литургия и торжественный молебен в Спасо-Преображенском соборе. Затем уже посещение специальной выставки о КВЖД в Библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Официальное открытие и пленарное заседание конгресса в чудесном Екатерининском зале в помещении Российской государственной библиотеки на Фонтанке. Был вечер харбинской поэзии и конференция в Доме писателей на Шпалерной, в центре Санкт-Петербурга. Был также вечер отдыха и концерт в подвальном зальчике Дома офицеров. Круглый стол в Государственном архиве, куда я не попал из-за автобусной экскурсии по городу с друзьями. Шумный фуршет в затемнённом ресторане, с романсами и романтикой ретро. Дни летели в неожиданной смене впечатлений. Программа конгресса была продуманной, весьма разнообразной и насыщенной, на все вкусы.

Пока не было единого стержня, пафоса, романтического девиза, и я не ощутил этого пламени, загорания, общего внутреннего порыва. Душа затаилась, обособленно дух замкнулся в каждом отдельно, не вырвался, чтобы объять всех. Не хватало массы и мощности душевного заряда для глубокого понимания и объединения. Миг счастья, искренности и взаимности был возможен. Но в этот раз не давалась нам открытость для любви безусловной. Словно мы недостаточно хотели и плохо об этом молились в соборе. Молитва даёт настрой душе, и я обращаюсь к Нему: Господи, дай силы возлюбить ближних всем сердцем. Это так трудно осуществить самому.

А вокруг всерьёз требуют от меня вновь непременно обожать именно эту государственность и ненавидеть иную, любить только один флот и ничего другого. Кричать «ура» в церкви и вокруг неё, словно на поле брани, - вообще не лучший обряд и обычай, Ваше Преосвященство. Мне нравится, когда горит лампада и умиротворенно освещает образ свеча... Но прошу, пожалуйста, не заряжайте меня, как мальчика, и не внушайте мне чужую любовь к Родине. Разговоры разговаривать о чувстве любви - со всех сторон дело сомнительное и пустое. Хочу настроиться на религиозное мировосприятие, чтобы раствориться в высоком чувстве, но посторонние и пустые слова мешают.

Через коммерческие структуры и спонсоров, видимо, шло влияние и господство холодных духов, стяжательства и расчёта. Это тоже не самые белые ангелы в нашем сегодняшнем мире, не для молитвы.

2. Запевалы, авторитеты, ведущие сцены.

В привычной академической манере читал доклад о Маньчжурии, далёкой и близкой, доктор наук Г.В. Мелихов, автор своеобразных биографических реминисценций и мемуаров о КВЖД и русских строителях Харбина и нескольких линий железнодорожных посёлков. Учёный воссоздал и по-своему поэтизировал человеческую судьбу трех поколений россиян на драматическом фоне освоения восточных окраин и исторического жертвоприношения в маньчжурском зарубежье. Об этом заглавном докладе, впрочем, и о недавно вышедшей в свет монографии Г.В.Мелихова, следовало бы говорить подробнее. Достаточно заметить, что в его книге о нашей Маньчжурии перед взором заинтересованного и внимательного читателя чередой проходят, словно вновь оживая, как в старой кинохронике, образы и имена реальных и страстных людей, знатных и простых, делавших своё дело и прошедших через историю Маньчжурского края, КВЖД и русского Харбина. И всё это уже в полузабытом прошлом. Чаще других там встречаются и упоминаются: Е.Х.Нилус, С.Н.Хилков, А.И.Югович, Д.Л.Хорват, Г.Я.-Мелихов, С.Ю.Витте, Н.В.Борзов, Гамартели, Данилов, С.В.Игнатиус, М.Л.Казарин, И.И.Обломиевский, П.В.Шидловский, Н.Н.Бочаров, А.Н.Куропаткин, Ли Хун-чжан, Н.М.Чичагов, Д.В.Афанасьев, И.Г.Баранов, Боровский, А.К.Гинце, И.А.Добролюбовский, Н.А.Казы-Гирей, Николай II, П.В.Шкуркин, Б.Адамович, В.К.Вельс, М.А.Гинце, А.К.Ливтеев, В.Г.Мелихов, С.Ц.Оффенберг, Н.С.Свягин, Махмуд Таиров, М.Г.Федореева-Мелихова, И.Я.Чурин. Всего более семисот человек в панораме и жизни маньчжурской колониальной эпохи. За создание своеобразного мемориала автор заслужил благодарность харбинцев. Не так ли?!

Среди имён, попавших на страницы «Маньчжурии далёкой и близкой», встречаются и более, и менее популярные, есть известные многим и вовсе забытые. Из названных в книге Г.В.Ме-

лихова мне ещё в Харбине были знакомы и сам автор, с которым мы в одно время учились в одном Лицее, как и многократно упоминаемый в книге его отец, который преподавал нам в ХПИ, а также мне были знакомы преподаватели А.И.Баранов, Э.К.Каттай, П.С.Степанов. Пожалуй, ещё Яшкин, знакомый по имени. Вспоминается, как подростками мы, Пашка Галактионов, Юрка Гусев, бегали из лицея в Яшкин сад, залезали туда за таинственную ограду и, спрятавшись в глубоких зарослях, лакомились бесподобной от настоя ночными заморозками черёмухой и грецкими орехами невиданных размеров. Ивана Степановича Яшкина давно не было в живых, а сад его у Госпитального городка, на окраине Харбина, продолжал расти, цвести и плодоносить, оставаясь чудесной первой коллекцией культурного садоводства. За каждым именем, знакомым и незнакомым, скрывается мимолётная жизнь и чья-то человеческая судьба - идеалы, планы, мечты, труд и будни, с подъёмами, взлетами и падениями, находки и утраты, суета и покой.

В Маньчжурии современная жизнь края закладывалась железнодорожниками-кавэжэдинцами как бы с нулевой отметки. В пустынных и диких местах стала вдруг быстро формироваться, зачатая с транспортного основания, невиданная цивилизация. В этом процессе заселения и освоения маньчжурского края с самого начала была исключительной роль российских государственных идей и политиков, строителей, техников, машинистов, предпринимателей, промышленников, различных специалистов и простых обывателей. Именно поэтому здесь, в русской колонии, харбинцы потом, после революции и гражданской войны, не испытывали тех бед и трудностей, которые первоначально пришлось пережить русским эмигрантам в иных странах - в той же обжившейся и обустроенной Европе. Своеобразная западно-романская и германская культура, благополучный европейский быт, прочные нравы отличаются непривычной и неприемлемой для многих из нас формальной чинностью и строгим порядком. В непререкаемой, чуждой и тесной культурной среде европейцев русским явно недоставало привычного психологического простора для непосредственности и своеволия, им не хватало там в человеческих отношениях, очевидно, и мягкости, и простодушия, и терпимости, и нефор-

мальности, и вседозволенности. Китайцы же в Маньчжурии - на поверхностном уровне обыденных взаимоотношений - представлялись нам удивительно коммуникабельными, простодушными, открытыми и доступными. Русские с китайцами здесь, живя и работая совместно, сравнительно легко общались и понимали друг друга. Никто из них не чувствовал тогда особенного дискомфорта или неловкости, тем более своей ущербности или второсортности. Хотя скрытый национальный эгоизм, безусловно, всегда имел место в определённой мере и в какой-то форме, пожалуй, даже больше именно со стороны китайцев. На то были вполне понятные и объяснимые причины. Не нужно забывать, есть и всегда останутся серьёзные трудности в межнациональных и межгосударственных отношениях у нас с китайцами, что надо помнить и в чём без предвзятости разбираться тем, кому следует. И ни у кого ныне нет сомнения в том, что реальные русско-китайские отношения и связи - жизненно важная тема, чрезвычайно тонкая и нервная в плане философском, историческом, социопсихологическом, политологическом и другом. Как бы в очередной раз здесь не дать маху и, просто выражаясь, не прошляпить, вследствие недооценки партнёра, слишком поверхностного подхода к взаимодействию с загадочной культурой отгороженного от нас царства. Какое всё это имеет отношение к конгрессу? И не слишком ли поверхностно и дилетантски мы обсуждаем здесь этот вопрос?

Китай таинствен и непостижим. По-своему он уникален. Скажем хотя бы, ведь только там уже миллиардное население. Это что-то да значит. По нашим меркам, китайцы достигли критической массы. Для них такой рост и порядок - вовсе не случайный внешний параметр физической и духовной мощи нации. Объём и возраст национального тела, должно быть, в религиозном смысле есть мистический знак и символ космической воли. Нельзя забывать, ханьцы - удивительное племя, народ с древнейшим и животворным корнем, с самоценной культурой, с фантастическим историческим и духовным опытом. Они - прежде, теперь и впредь - рациональны, холодно-расчётливы, изобретательны, целеустремлённы и напористы, энергичны, экспансивны и политизированны, пожалуй, как мало кто другой сегодня в безумном, всё более стеснённом и скученном,

мировом пространстве. Китайцы замкнуты, отгорожены от ино-родцев кругом собственных представлений и стеной самобытности, в целом непроницаемой для варваров.

Полное приобщение к традициям другого народа и органичное усвоение чужой культуры предполагают слияние этносов в культурное целое и немыслимы без антропологического смешения. Сказанное относится к нашим межнациональным культурным связям как со стороны запада, так и на восточных окраинах. Древнейшая китайская культура, впрочем, как и романо-германская, в результате чисто книжного восприятия, также плохо усваивается и не заимствуется вне межкультурного сосуществования и взаимодействия. Именно такое беспокойство обнаруживали в своих рассуждениях наши евразийцы в эмиграции 20-ых годов столетия. Н.С.Трубецкой и др. в своих теоретических опусах-версиях уточнили и детализировали понятие и смысл европейской и общечеловеческой цивилизации. Их культурологические концепции в значительной мере умозрительны и умопостигаемы.

На тему о сегодняшнем Харбине, о развивающихся связях с ним, о перспективах делового взаимодействия и сотрудничества четко и весьма динамично, без лишних слов, доказательно и впечатляюще выступил инженер Г.П.Мыслин, в прошлом выпускник Харбинского политехнического института, ныне председатель новосибирского общества «Харбин». Он время от времени бывает теперь в Харбине и свидетельствует: решительно к лучшему изменился и стал неузнаваем весь уклад жизни китайцев, общественный и семейный. Современная молодёжь там ныне грамотна и образованна, дети ухожены, хорошо одеты, опрятны, сыты, в городе чисто, порядок, чувствуется общее благополучие, нет нищих. Китай все эти годы - без нас - не спал и не стоял на месте. Он заметно продвинулся в развитии современной цивилизации, материальной культуры и в уровне благополучия населения. Когда-то мы могли наблюдать извне и изнутри китайские фанзы и своими глазами близко видели в нашем городском общежитии особенности китайского быта и местных нравов. Тогда и потом нас поражало в китайцах многое: ремесленное мастерство, древнее искусство торговли, несравненное сельскохозяйственное производство, в первую очередь,

высокая продуктивность огородничества и бахчеводства, неподражаемо разнообразный и тонкий вкус китайской кухни, чрезвычайное проворство и оперативность обслуживания во всём и удивительно гибкие природные способности, живительная смекаливость, изобретательность, предприимчивость, любознательность, восприимчивость, завидное трудолюбие, упорство, трезвость и настойчивость в достижении более обеспеченной и достойной жизни. Безусловно, это сложный и глубокий народ. Да, мы знали китайцев в совершенно другой Маньчжурии - угнетённой, терпевшей унижение от внешней экспансии, покорённой военной силой, в течение многих лет переносившей чужеземную агрессивность и оккупацию со стороны соседних и других стран, затем в националистическом угаре и в азарте жестокостей внутренней, или гражданской, войны, с публичными, зрелищными, в городских парках, казнями врагов и шпионов. В шумных и массовых политических кампаниях, в способах и средствах возбуждения разрушительных инстинктов черни, конечно, проявлялась непонятная нам китайская специфика. Китайцы начинают меняться на наших глазах. В первоначальном трудном подчинении масс тоталитарной власти и закреплении духа общим делом и ответственностью, с помощью изопрённых политических акций и примитивной демагогии («советский старший брат») участвовал быстро формирующийся актив, увлекаемый заманчивыми целями государственного строительства и иллюзорными, как уже теперь нам кажется, целями сперва общего, а потом уже, в ходе культурной революции, обособленного социализма. Всякие рассуждения о стране, о народе, о социализме (китайском или ином), конечно, есть просто умозрение, чистая условность и схема, а не конкретная реальность, многоукладная, разнообразная, противоречивая, стихийная, живая. Действительная жизнь в первую очередь была всё же трудным бытом для всех, но особенно для китайцев, которые в основной массе жили беднее других. Они без претензий теснились, как правило, в неблагоустроенных, необорудованных, необставленных и почти не отапливаемых помещениях. Даже по нашим меркам, они были однообразно и плохо одеты и систематически недоедали. Большинство китайцев не имело образования, выполняло низкооплачиваемую работу, не пре-

тендовало на какие бы то ни было социальные льготы, не имело нормального, по нашим представлениям, отпуска, отдыха или развлечений.

Н.Н.Попович, сын китайца и русской, выпускник Лицея Св. Николая и четырёх вузов, рассказал о своей целинной эпопее, о раздвоенности собственной судьбы и перипетиях жизни на пересечении двух родительских культур. В его словах отчётливо слышалась признательность Лицею за классическое образование и воспитание. Он сделал всем нам упрёк за традиционную русскую нелюбознательность. Русские харбинцы, как оказалось, мало интересовались богатым языком и оригинальной китайской культурой. И в результате мы не знаем должным образом той древнейшей страны Востока, в которой прожили по 20-30 лет и более. Насколько мне известно, опыт жизни харбинцев в Китае и их знания, как ни странно, остались здесь вовсе не востребованными. И кто знает, сколько же их таких, как Николай Попович, русских китайцев?! Да и есть ли статистика на сей счёт. Где они, эти полукровцы, и кем они стали? Как сложилась их жизнь? Насколько рационально родительские народы сумели распорядиться этим случайно смешанным фондом и капиталом живого, генетического взаимодействия двух разнорациональных генераций и культур? Вот на такие раздумья настаивал меня рассказ седовласого Николая Николаевича о своей мятежной судьбе, прочертившей неожиданный зигзаг через всю Евразию, из Маньчжурии, через Пекин и Красноярский край до Санкт-Петербурга.

Воодушевлённый и вдохновённый, он вместе с другими слепо потянулся на Родину (своей матери), отправившись туда, в сказочный край, через сибирскую целину. Там его пристроили «на разные работы», доверив сбор и своз стратегического материала - кизяка для печного отопления. Упорство, природные способности и везение вывели его в конце концов на сцену, и он стал работать в Ленинградской филармонии. Вспоминая свою жизнь, он может многое рассказать о своих трудностях и победах, о разнообразных эпизодах, случаях и коллизиях. Жизнь есть жизнь. Впрочем, не думаю вовсе, чтобы у других биографии получились беднее. У нас всех жизнь складывалась здесь, если с нулевой отметки, непросто и небезмятежно. В этот раз

мы, бывалые люди, землепроходцы и пилигримы, пропустили редкую возможность пофилософствовать, просто и безыскусственно обговорить и обменяться личным опытом жизнеустройства. Такая попытка краткого автобиографического повествования и самооценки, мне говорили, делалась на предыдущем конгрессе, проходившем в Ленинграде двумя годами раньше, в августе 1991 года.

Судьба, свобода, воля, эмиграция, снова путь, возвращение, Родина, личность и государство, мир и человечество, наше прошлое и будущее, родители, мы и наши дети - всё это для нас, оказывается, вполне конкретные и жизненные темы. Помимо нашей воли, факты не забываются, выстраиваются в памяти и обобщаются. Над ними парит философский свет, который сильнее нас. Приходится отвечать за себя и за других: почему же я так жил и живу, за что это, всё доброе и злое, в чём была моя ошибка. Мы вынуждены осмысливать жизнь, политику, религию.

Слушая Н.Н.Поповича и наблюдая за его манерами, хотел понять, кто же он в действительности, насколько он по натуре и характеру русский и насколько в чём-то китаец, если родители делят его пополам, поровну. Тут уместно вспомнить Л.Н.Гумилева, который в вопросах национальной принадлежности, или этнической диагностики, большущий авторитет. Любопытно, как он разбирался с аналогичным случаем. Вот что он рассказывает: «Когда я был на «великих стройках коммунизма»..., там люди не путались, потому что узнавали друг друга по стереотипу поведения. Кто как себя ведёт. Был у меня такой приятель, харбинский метис, отец у него был китаец, а мать русская. Но мы называли его «белый комсомолец»: нравы и обычаи у него были такие же, как у наших комсомольцев, вёл он себя совершенно так же... И пришли ко мне китайцы и спрашивают: «Как вы считаете, он ваш или нет?». Я подумал-подумал и говорю: «Наш, конечно, а то, что отец - китаец, это не имеет никакого значения. Он так же ругается, как мы все, так же филонит на работе, как мы все, так же стихи читает. Мы его считаем за своего». А те говорят, что не считают его за своего, хотя по закону, раз он сын китайца, должен быть китайцем». Трагически сложилась жизнь скольких тысяч «белых комсомольцев». Все мы немножечко комсомольцы. Белые красные или красные белые - бело-красные.

Изящный литературный розыгрыш на виртуозной и изощренной топонимической рифме для поэтической разрядки и развлечения предложил Сергей Арбышевский. К сожалению, я не запомнил его игры. Знаю только, что он из Владивостока и редактирует там журнал. Лидия Ястребова, редактор удивительного издания бывших харбинцев «Друзьям от друзей», поведала о последовательной и целеустремлённой мемориальной деятельности нашего австралийского землячества. Владимир Лефлер кстати дополнил рассказ конкретной информацией об актах благотворительности и материальной помощи старикам, оставшимся в Харбине. Со слов Веры Хан, приехавшей оттуда с группой китайцев на конгресс, русских старожилов остаётся сегодня только тринадцать. Пишу об этом с трепетом, ибо никому не дано понять и не объяснить ни глубины, ни тайны природы и смысла человеческой трагедии в судьбе Города и Железной дороги как бывшего и случайного в Истории события, засыпаемого и поглощаемого неумолимо мистическими песками дикого безумия и беспамятства.

Людам свойственно сомневаться. Мы постоянно колеблемся меж светом оптимистических и мраком пессимистических воззрений на жизнь, на вечную и преходящую силу молодости, любви. В нашем сознании соперничают и упорствуют различные взгляды и несовместимые утверждения. С одной стороны, «всё проходит, всё забывается», а с другой - «всё проходит, да не всё забывается».

И вдруг кто-то решительно останавливает маятник моих сомнений, своей волей желает лишить меня иллюзорности и мечтательности. Жёсткая сентенция: «Ну, да что вспоминать, мёртвых с погоста не носят!». Нас поворачивают лицом к животрепещущей и суетной реальности.

Фантастический проект неожиданной Нины Демидовой, нарядной и таинственной, как бы завораживал и гипнотизировал. Очаровательно-мистическая грация движений, позы, голоса и слов. Её выступление о самоцветах России воспринималось, пожалуй, не мной одним как произведение искусства, как поэма на театральной сцене. Она пленила томностью и уверенностью возродить и вернуть к достойной жизни целый материк посредством магии, чуда-идеи и веры в мощь обаятельной кра-

соты уральских мистических недр, с надеждой на плодотворность культурно-технологического сотрудничества, определённых и конкретно названных ресурсных и цивилизационных центров планеты. Ископаемые нашего Урала, Южной Африки, ряда ближневосточных стран и в огранке непревзойдённых мастеров ювелирного искусства Парижа - всей этой поэмой, если только во всём этом нет художественного вымысла, якобы был заговорён К.В.Романов, обещавший своё содействие и спонсорство нашему обворожительному и талантливому автору. Он заслуживал большего внимания у нас.

В длинном ряду запланированных программных действий своеобразной изюминкой был поэтический спектакль, привлекавший, как и следовало ожидать, повышенный интерес публики. Прекрасный ансамбль наших самых одарённых дам, славно олицетворяя строгую и высокую харбинскую Музу, мастерски представил композицию по образцу и пособию знаменитой «Зелёной лампы». Разнообразно, душевно и щедро разыгрывали роли, читали избранные харбинские стихи. А далее были стихи-воспоминания о Харбине уже современных, живых, авторов. Лирика, заряженная неподдельным чувством и искренностью, может долго нести и передать нам тревожный настрой времени, печаль и радость, надежду и стремления поколений. Стихотворчество и искусство декламации сродни религии, с культом слова и голоса. Под влиянием ритмизованного заговора люди настраиваются на запредельность и пытаются понять, вспомнить и представить себя вселенно, в большем мире, чем миг жизни.

Нужно отметить, всех выступавших в эти дни собравшиеся слушали вежливо, с тайным вниманием, со страстным желанием какого-то откровения и чуда. Глядя на трибуну и слушая речь, нужно было как-то узнать иероглиф, расшифровать знак, понять символ, связать видимое и демонстрируемое с неявным и скрытым, в случайности обнаружить рок. Присутствовавшие на конгрессе, будучи малой каплей, не составляли, а лишь представляли харбинцев, рассеянных по Земле. Явившиеся не заменили собой всех остальных, не приехавших, кто не знал, кто не смог, кто не захотел, у кого не было сил, возможности или тяги. Видимо, Харбин, как все значительное в жизни, останет-

ся навсегда загадкой и тайной, конечно, в большей или меньшей степени. Таинственность и страсти изначально и всегда перевешивают знания и сознание.

3. Кулуарные поиски, ожидания, разочарования.

Внутреннее, эмоциональное содержание конгресса нельзя обобщить. Оно для каждого участника сугубо индивидуально и неповторимо, будучи связано массой случайностей с личной судьбой и состоянием. Я был несказанно рад, что встретил-таки и сумел узнать (или признать) через сорок лет целую группу земляков-харбинцев, знакомых мне в молодости. Из харбинского далёка явились неожиданно в сегодняшнем Петербурге - живые, в здравии, праздничные, улыбающиеся, солидные, преобразённые и сохранившиеся. В огромной толпе делегатов конгресса с пластмассовыми визитками на груди я исподтишка и медленно отыскивал и как бы вновь открывал их для себя. Это были: одноклассница Нина Некрасова, остававшаяся в моем воображении одной из примадонн школы, Лида Каргузова, Нина Кириченко с Гошей Стуковым, Вера Плешкова (без Е.Ковалёва), Таня Лысцова и Муся Шошина. Все милы, любезны. Вокруг люди спешили обнаружить своих знакомых, выяснялись личности, задавались вопросы: «А Вы откуда? Где жили? А учились? Когда уехали?». Вскоре лицом к лицу столкнулся с Георгием Хмелевым. Популярный и многими узнанный, он был нарасхват, и я едва успел спросить его, где он и что. Чуть позже мне показали на мужчину в учёных очках: «Жорку Косицына помнишь?». Ну, конечно же. Правый защитник «Красной звезды», в матче с «Локомотивом» сломавший ногу быстрому Николаю Золотарёву. Вместе вспомнили и уточнили некоторые другие эпизоды юности. Перед поездкой на конгресс Георгий Косицын заказал и записал на кассету «Харбинский вальс». Это был очень оригинальный жест и трогательный подарок всем нам, харбинцам.

Взрывной и напористый Борис Цвибель, форвард и капитан популярной команды, тоже оказался живым участником встречи. По сравнению с тем, каким запомнился, он за сорок-то лет закоренел, но узнаваем. В моей памяти вдруг почему-то возникает картинка: после игры и финального свистка на стадионе

напротив Собора Борис преследует судью, за ним - все игроки команды. Безудержная спортивная страсть и максимализм на грани дерзкой скандальности - мы не привыкли проигрывать. Волевой парень, как был, так и остался, Николай Колбин, помните, наш боксёр. (Помилуйко, Лукин, Дьяков, где вы, ребята, сейчас?). Среди толпившихся у туристских автобусов увидел Дубинина, который из «Локомотива». У него характерное лицо, продолговатое. Я ему улыбнулся, но он меня не знает, и мы не нашли, что же сказать друг другу. К сожалению, всё это столкновения мимоходом, мельком, суетливо, без глубины и интимности, поверхностно. Жаль, почему без сердечности. Один вроде помнит, а другой никак не вспомнит. Какой-то заколдованный круг. Неужели остаётся нам одно простое любопытство? Примечательным оказалось знакомство с Георгием Скурихиным, увлечённым шахматистом и чемпионом города в 1955 году, человеком сдержанным и, как видно, трудной судьбы. Он был в широкой блузе серых тонов, словно художник или ваятель в мастерской. В Харбине он жил на Пристани, на Биржевой улице, сравнительно недалеко от меня. Приехал он на конгресс, как оказалось, с необычным намерением и замыслом, но ему не удалось выступить перед публикой, и он, раздосадованный, исчез, успев рассказать мне суть своего замысла: ему хотелось, и была возможность, приобрести участок земли на берегу Чёрного моря, под Туапсе, чтобы построить там общественно дачу для несостоятельных и обездоленных харбинцев. Он показался мне странным, мягко говоря, неисправимым фантазером и идеалистом. В обеденный перерыв, у незнакомого мне человека - коренного петербуржца, «потомственного дворянина», архитектора, художника и ещё больше окончательного дионисийца и истового приверженца Вакха - мы незатейливо распили бутылку водки и расстались, даже не обменявшись адресами со Скурихиным.

Итак, наши судьбы, столь несхожие и разные, таинственно пересеклись однажды где-то там в молодости и затем окончательно развеялись по всему свету. Всё удаляющимися и отходящими друг от друга лучами расходились линии судеб.

Тёплые и душевные воспоминания вот-вот могли всколыхнуть во мне нежное чувство солидарности и признательности

нашему Лицею. Будучи для меня много больше, чем просто школа, где хорошо учат формальной грамоте, и оставаясь в памяти на всю жизнь высоким примером мальчишеской солидарности, общежития и братства, Лицей Св. Николая заслуживает самых добрых слов со стороны его выпускников, в чём были единодушны мои однокашники, через полвека встретившиеся, можно считать, почти случайно там, в С.-Петербурге: Евг. Аксенов, Ник. Попович, Георгий Мелихов, Гоша Стуков. Олега Кирсанова представляла в этом ряду его супруга - Наташа. Мы вспоминали общих знакомых-лицеистов: Пономарева, братьев Малышевых, Н.Горбачева, Лаврушина и мн. др. Говорили о преподавателях и воспитателях. Лицей - далёкая и милая сердцу страница жизни - наша альма-матер, перед которой её воспитанники нравственно в долгу. Нужно долг отдавать. Я рассказывал своим собеседникам, как унижали и закрывали Лицей, как я впоследствии искал и, к сожалению, не нашёл о. Фому (Подзвяу), своего любимого наставника-монаха. По сообщению из Польши, он скончался в 1972 году в Лондоне. Помнится, мальчишки тянулись к нему, и он охотно и затейливо возился с нами. От него исходила к нам христианская вера, духовность, любовь. Лицей оставил в нашей памяти яркий след, мир впечатлений, наполнив детство бодростью, смыслом и содержанием. Его питомцы на всю жизнь остались ему благодарными. Хотелось бы знать, конечно, полнее и подробнее в чём-то таинственную для многих из нас историю этого непростого учебного заведения и братства.

По глубине переживаний и шквалу воспоминаний, по одухотворённости и неординарности чувств, неясности ожиданий, намерений, надежд, очарований и разочарований эти три-четыре дня в Санкт-Петербурге для меня лично стали событием значительным и редким по наполненности и силе эмоций, удивительным, радостным и грустным, взбадривающим и вразумляющим, словно ты вдруг поумнел и охватил существенные связи, преодолевая трагизм и противоречия своей судьбы. И всё воспринимается легко и празднично: мы смеемся, улыбаемся, обнимаемся, шутим, пьем, как и сорок лет назад в Затоне, Желсобе или в бывшем Коммерческом собрании. А жизнь не стоит на месте, и все знают это. Поэтому не менее важно для нас так-

же вспомнить и тех, с кем здесь и сейчас не пришлось встретиться, увы. Был у меня лицейский друг Петр Муратидис, грек, и он в 1954-ом, ранней весной, исчез в Грецию. Мы вспоминали также лицеиста Рому Калужинского. В году пятидесятом из девятого класса он первым канул в свою Польшу. Нигде не найду Валоу Кау, тоже лицеиста. Каждый из нас кого-то потерял и кого-то ищет.

Завораживающие огоньки, блики, электрофокусы, разноцветная пляска мигов, мгновений, теней - словно первобытный языческий ритуал, обнажённый хаос чувств, взъерошенная ярость шаманства. В сценическом углу изоширился подмосток. На нём перевоплощается томная, российского разлива, колоритная шансонье. В сопровождении ли живых аккомпаниаторов, под звукозапись ли - не столь важно. Нас мастерски завлекали мечтательным и тоскующим стилем прошлого. В клубах дыма, смешанного с ароматом старомодных интонаций и слов, уже мерещилась полуреальность. Мы стали частью мифа.

То был тесно заполненный, плотно закрытый, как подлодка или бункер, полузатемнённый зал. Мы поднялись по лестнице, и перед нами возникли рисованные официанты, какие-то серийные, в чинной стойке и с подносами. В сторонке накрыты столы, на них аккуратно выставлена крашенная кулинарная экзотика. Где-то подавали шампанское и водку. Приглашенные устроились, привыкли к полумраку и включились в действие, всё более оживляясь.

Когда вскоре гостям предложили подходить к микрофону и по желанию использовать его для приватного выступления, несколько смельчаков дерзнули было. Однако попытка, кажется, не удалась. В полухмельном расслаблении или возбуждении внимание публики растекалось и рассеивалось. Брала верх древняя привычка, включился злачный рефлекс - и в результате большая масса разбивается неожиданно на изолированные группки. Каждая из них замыкается на себе, увлекаясь собственной темой. Происходит стихийный раскол коллектива, и начинается то, что можно назвать компанейщиной. Шум слов и фраз наполняет пространство, всё усиливаясь, и гул уже ничем не остановить. Как морской прибой. Как в весеннем лесу: «идёт-гудёт зелёный шум». В такой момент, когда всколыхнулись при-

родные запахи, проснулись инстинкты и пошли соки, говорить всерьёз о чём-то наболевшем и памятном было бессмысленно и неуместно. Со стороны казалось, все артикулировали враз, громко, словно глухие, откровенно и сокровенно, по старому обычаю нашенскому. Мы вновь и вновь обнаруживали, что по сравнению с другими племенами, как азиатскими, так и европейскими, русские в своей массе могут показаться людьми вдохновляемыми (конечно, по-своему), но относительно трудно организуемыми, плохо дисциплинированными, беспорядочными, в целом непредсказуемыми, где-то в чём-то непосредственными, чаще расточительными и, если идти дальше, к сожалению, малопроизводительными, словоохотливыми, иррациональными. Со своеобразным коллективистским сознанием, в своей среде русские не жалуют тех, кто способен или стремится представлять себя лично. В то же время в какой-то мере подвержены гипнотизму национального самомнения, впитав в сказочной форме чувство мифической и безличной гигантомании, культивируемой общественными институтами и партиями т.н. социального прогресса. Мы сами конструируем в уме новую символическую действительность. Мираж, видимость, знаки, или слова, становятся самой сильной и почти безусловной реальностью. Бытие и мнение уравниваются в своей значимости и ценности. Желание уподобляется реальности. Всё - есть, что говорится. Нет - ничего, о чём никто никогда не говорит.

Тут же пространство перед эстрадой стало быстро заполняться, пара за парой, действительно прекрасными незнакомками, вдохновенными и кокетливыми, увлеченно и грациозно скользящими в вальсе, и моложавыми мужами, поседевшими и погрузневшими, осанистыми и солидными, бросившимися азартно кружить в танце, как-то чуть старомодно и слишком уж прилично и чинно, по-харбински, в ретростиле этак 40-ых годов.

Танцевальный поток захватил всех. И я почти не кривя душой сказал одной даме, словно с портрета из Екатерининской эпохи, что она (если это ещё она) почти через сорок лет, безусловно, выразительней и содержательней, богаче и краше, чем в том, кажется, 54-ом, когда, случилось, мы вместе встречали старый Новый год в квартирке у Танечки Юшковой на Казачьей улице. Девушки тогда ещё учились в школе, кстати, Розовой,

что находилась через дорогу. Что вспомнишь и скажешь за быстрые минуты единственного танца?

- Мама меня не отпускала, ведь я тогда сбежала. - Надо же такое помнить столько лет. Сейчас совсем другая обстановка, не та звучит музыка, не тот ритм чувств, мы и вовсе в ином классе и измерении. - То, что было, прошло, - философствовали мы на ходу. Так или иначе, если приходит срок, человек нормальный и в памяти стремится что-то подытожить в жизни. Действительно ведь: нет - чего никогда не было и не могло быть. А то, что уже было когда-то и где-то, - остаётся же и, следовательно, есть оно.

Скоро, однако, мы стали понимать, что вернуться в прошлое в принципе и категорически немыслимо и невозможно. Ибо там, в прошлом, для нас уже нет воздуха и нечем дышать, как в далёком Космосе. Случайно ли, нырнув в бездну, безвоздушную пустоту запредельного мира прошлого, затаив и сдерживая, сколько можем, дыхание, мы цепенеем - и от очарования, и от напряжения, и от бессилия перед природой и временем. Нужно быстренько возвращаться из чистой мечты в день сегодняшний, где, невзирая ни на что, есть материальный кислород для дыхания, реальная вода и хлеб для жизни. Встретившись вновь в прошлом, тут же простились сегодня, душевно и тепло. Горел костёр - и грел. Потом костёр сгорел. Друзья, увы, сгорел дотла.

Надо усвоить каждому, что его собственная жизнь, как и жизнь других, неповторима. То, что уже произошло, никогда не повторяется. То, что прошло, - прошлое - куда-то уходит и где-то хранится одновременно и непременно. Прошрое, прошедшее, свершенное, совершилось, свершилось, свершившийся факт - всё совершенный вид, перфектум и плюсквамперфектум. Со временем, уходя всё дальше, наше прошлое оформляется в полноценное воспоминание и становится совершенной мечтой, принимает идеальный образ любимого существа, превращается в мифическую силу. Неповторимость судьбы вовсе не случайна. Уникальность личной жизни - это есть частное проявление вечного и непреодолимого общего закона мироздания. К такому выводу нас приводит религиозное и глубокое осмысление различных течений, социальных бурь и личных крушений в нашем земном и телесном существовании.

На закрытии конгресса чинно, как и должно быть, благодарили кого надо. В изложении субъективных впечатлений от встречи на этом можно остановиться и поставить точку. Однако позволю себе продолжить более аналитически и как бы философски осмысление того, что происходило с нами и что я пережил в эти дни вместе со своими товарищами, друзьями, земляками-харбинцами. Это тем более нужно, что самим участием в конгрессе, посвященном КВЖД и Харбину, мы как бы приобщены к истории или соприкоснулись с прошлым, с делами и жизнью наших предков и предшественников в той таинственной Маньчжурии, где остались лежать в земле, уже без могил, кости сотен тысяч забытых всеми железнодорожников, военных, специалистов, предпринимателей и обывателей.

Распространённая модель научно-практической конференции, со строго фиксированными докладами и регламентом, в принятый сценарий конгресса, должно быть, вносила какую-то стройность и организованность. При этом, безусловно, конференция по сути не решала никаких проблем. Полный зал активных и деятельных людей (откуда прибыли!) были обречены выполнять несвойственную им роль пассивно слушающей публики. Однонаправленная монологическая форма говорения заштатных докладчиков все более растягивалась. Весёлый профессор умудрился полвечера рассказывать сам о себе, почему-то попеременно с эстрадными песнями. Встреча земляков выиграла бы, если сделать её более диалогичной и многоголосой, более раскрепощенной и индивидуально-личностной, менее официальной и формализованной. Строгий шаблон, стиль и обстановка господствовали над неясными ожиданиями людей, и в конечном счёте, после оглядки и осознания случившегося, многие почувствовали какое-то неудовлетворение, ввиду неоправдавшихся надежд. Борис Цвибель выразил не только своё настроение, с горечью бросив напоследок: «Мы из Австралии летели сюда вовсе не для того, чтобы в гостинице «Русь» общаться между собой. Мы ждали не того. Хотелось общения с остальными, теплее и ближе, по рюмке водки выпить вечером». В зале ему горячо аплодировали. А из президиума кто-то разъяснил, что решить это противоречие в принципе было невозможно. Прибывших из долларовых стран за валюту размес-

тили в гостинице «Русь», а остальных, из России и стран СНГ, - в дешёвых общежитиях, на рубли. Реально люди делятся по достатку и валютным возможностям. Такова жизнь.

Богатый и бедный, умный и глупый, городской и сельский, начальник и подчинённый, офицер и рядовой, заграничный и отечественный, тутошний и тамошний, свой и чужой, известный и неизвестный, талантливый и бездарный, столичный и провинциальный, удачливый и неудачник, здоровый и больной и т.д. В подобных словосочетаниях, кроме крайних слов-понятий, между этими противопоставлениями есть союз И. Для нас важно подчеркнуть здесь то, что имеется как бы линия пересечения, граница, водораздел, деление, отчуждение, межа двухполюсного организма. У нас утверждается определённое отношение к одним и другим. И у представляющих определённое качество тоже различное самоощущение и самооценка. Психологически люди смирились с этим положением раздвоенности, разделённости. Поляризация как проявление социально-психологической неоднородности и многообразия природы - важная тема жизни.

Нам требуется как-то преодолеть барьер, внутренний и внешний. Сделать это нелегко. Люди всю жизнь, осознавая или нет, стремятся к различению и разделению, и именно эта дифференциация у всех на роду написана. В нашей судьбе есть потомственная предначертанность и заданность. Так или иначе рок внедряется в человека, вклинивается в генетический код личности. Чтобы всё же разорвать эту роковую черту, разделившую нас и мешающую нам слиться, нужно отвлечься от привычного статуса, забыться, расслабиться. Понятно, для этого следует выпить. Действует. Так как, известно, важнейшее назначение спиртного - именно требуемая нам релаксация. Выпивка, конечно, - не единственный, но надёжный и проверенный способ сближения и разрыва дистанции.

Действительно, нас всех разъединила судьба, и теперь мы стремились на миг вновь соединиться и рвались за моря-океаны, не для того вовсе, чтобы в отдельной гостинице изолироваться от других бывших харбинцев. Но виноваты, если можно говорить о вине, не столько устроители (спасибо им и за то, что они сумели сделать), сколько мы сами. Надо было взять иници-

ативу в свои руки и организовать, чтобы вечером собраться тёплой компанией. Кстати, некоторые догадались и устраивали междусобойчики.

Сильные задним умом, мы вроде бы знаем теперь, как надо бы лучше провести такую встречу. Вопрос, однако, сложный и спорный. Ведь не случайно выбрали название «конгресс соотечественников», а не встреча земляков-харбинцев. Сам выбор названия - уже стиль и политика. Изначально был задан официальный - президиум, там депутат ВС, митрополит, зам мэра города, ещё важные и чиновные лица. Я их не запомнил, т.к. они мне мало интересны. У самих устроителей и у их покровителей были собственные цели и свои намерения. Их, скажем, заботили чуть ли не государственные интересы. Отсюда телевидение, радио, корреспонденты. И вся эта махина использовала толпу рядовых участников конгресса, в качестве необходимого фона (для основных актёров) и определённого живого материала в массовках. Но мы были нужны друг другу.

Какой же конгресс без президиума?! Очевидно, что с самого начала, как только ещё планируемое мероприятие получило название конгресса, возобладала идея грандиозности и громкой формы. Даже имя «съезд» можно трактовать изначальноным смыслом съехались, мол. Проще «слёт», более детское, пионерское. В имени-названии найден ключ. Наименование мероприятия ориентирует так или иначе; конференция - не то, что-то научное, встреча - не масштабно, слишком обычно, хотя и тепло. Нет вполне подходящего имени, потому что нет собственно особенной идеи. Так, может, просто юбилей КВЖД? Празднично и торжественно, но это другое.

Президиум работал уверенно и, было видно, этим гордился. Всё заранее решено и предусмотрено. Почти все предложения с мест, из зала, решительно отменялись. Была искусственная иерархия и субординация, и не получился круг. Скурихин и ещё кое-кто рвались выступить, но им не дали этой возможности. У нас давно заведено и принято так, чтобы авторитеты и избранные докладывали, сообщали, информировали, доводили до сведения. Такой порядок, пожалуй, уже изжил себя. Продуктивнее, веселее, живее, непосредственнее и демократичнее все дела решать сообща, коллегиально, с полным доверием друг к другу, споря, сопостав-

ляя, глядя с разных сторон, делясь мнениями, сомневаясь. Тем паче, что предмет, всех нас объединяющий, надо признать, больше идеальный, духовный и в чём-то даже мистический, чем реальный. Он как бы складывается из субъективных воспоминаний и ощущений, идёт ли речь об отдельных человеческих судьбах или же о печальном историческом эпизоде и трагической судьбе целой колонии, закончившейся на наших глазах.

Сейчас здесь мы, ясное дело, вовсе не государственные лица какие, чтобы глобально значимые дела делать, политико-экономические проблемы ставить и разрабатывать, технические и практические задачи решать - это нам не к чему и не под силу. Нам зато достаётся и остаётся своим живым примером показать и думать, что из того, что было, стало, что от того ещё осталось, где лично мы оказались ныне, какие же мы, к счастью, жизнестойкие, чем живем теперь, находясь в разных широтах и точках Земли, о чём продолжаем мыслить, заботиться и мечтать. И это, пожалуй, мы все здесь, собравшись, сообщая и дружески, искренно и солидарно, поддерживая один другого, могли бы сотворить естественно и просто, как-то вспоминая и паря над суетностью и брэнностью быстротекущей жизни. Итак, понять себя, осмыслить прохождение службы жизни - само по себе это не так уж и мало. Цель гуманитарная и личная. Вместо этого, нужно ли было всем непременно взирать и подстраиваться к чуждой и инородной публичности, к уродливым вывертам всегда скандальной политической моды и легкомысленно увлекаться чужими временными интересами текущих газетных сообщений: то разогнать, то догнать, то экономить, то перестроить, то - уже теперь - рынок, церковь и милосердие, то возрождение России. Выбор России - тоже красиво. Неужели до сих пор кому-то всё ещё неясно, что это словесные метафоры в политической рекламе, как и некогда те же пятилетки коллективизации, индустриализации, экономии, качества и т.п., вечные стройки и перестройки как фигуры пропагандистской словесности. «Тут всё ложь, фальшь», - написал В.Шаламов в частном письме. - Как только я слышу слово «добро», я беру шапку и ухожу». Это очень трудно сделать. Трудно понять.

Давайте же попробуем хотя бы здесь обойтись без идеологических основ государственного строительства, забыв об императивах общественного и общегосударственного обустройства,

и попытаемся настроиться душою на осмысление более близкого и органичного предмета - собственной жизни, прошлого, настоящего и будущего в едином пакете. Наши личные интересы и потребности, среда, обстановка, обстоятельства, поступки и случаи, оправдание, покаяние, угрызение совести, достижения, упущения, срывы, очарование и разочарования - вся эта конструкция самоосмысления, существа и существования в чисто человеческом разговоре, сейчас и здесь, не может не стать в первую очередь нравственной категорией. Нам бы совместно очиститься и выразить глубокие чувства, симпатии, признательность и мудрость благоговения перед жизнью, в память и в честь всех тех, кто не может этого сделать.

Сколько харбинцев, кавэждинцев, вообще наших маньчжурцев, знакомых, друзей, родственников, в Россию, на Родину, вернулись - или вернули - через унижения и муки ГУЛАГа, о чём кое-что мы узнаём у А.И.Солженицына, подробнее у Ю.Ф. Краснопевцева, написавшего «Реквием разлученным и павшим». Последний почти десять лет провёл в лагерях. Та же горькая участь досталась А.Хейдоку, талантливому автору «Маньчжурских рассказов», мистика и философу, дружившему с Ник. Рерихом. В пересылочной тюрьме в Гродекове погиб Арс. Несмелов. По воле злого рока им пришлось страдать за всех, искупая общий грех атеистического противоборства. Это скорбная страница истории. Кто же теперь скажет достоверно, сколько тысяч, виновных и невинных, было забрано, сломлено и загублено в тюремных камерах, лагерях и ссылке? Это наш общий долг - знать и всегда помнить о жестокостях гражданской бойни, не прекращающейся в оставленном Богом мире.

Все мы дети своего времени и своего племени. Хочется нравиться и казаться сильным, решительным, целеустремленным. В обществе выделяется слой активистов, функционеров и лидеров. Как это, по большому счёту, мелко, суетно и поверхностно. Когда-то в некотором смысле русский Харбин был далёкой российской провинцией. У неё были свои особенности, свои недостатки и достоинства. Самоуверенность шагает в ногу с трудолюбием и любознательностью. Чувствуют себя харбинцы-провинциалы в своей далёкой окраине в общем уютно, органично, по-своему весело и более или менее вольготно.

У меня было стремление на конгресс и какие-то свои интересы, не вполне осознаваемые мной. Если разобраться, я хотел, главным образом, увидеть оставшихся в памяти своих знакомых из молодости. Не понимаю до конца, зачем мне теперь это возвращение в прошлое-настоящее. Вроде бы что-то там забыто и потеряно, что-то оставлено и брошено второпях, что-то, может быть, осталось, зовёт и ждёт. «Что-то» - и неясно, и неконкретно. Не столько, пожалуй, зрительно восстанавливаемые образы улиц, домов, церквей, кладбищ, клубов, набережной, реки, сколько нечто идеальное и мистическое, какие-то духи, надежды, мечты, любовь, обещания, дружба, чувства и запахи.

Что такое эмиграция? Вопрос этот всегда будет вызывать у нас споры. Это чувствительный узел и болезненное место в сознании и теле общественного организма. Эмиграция - понятие и географическое, и национально-этническое, и социальное, и психологическое, и мистическое. Само же явление, названное этим именем, весьма и весьма противоречиво и неоднозначно. Когда я рассуждаю об эмиграции, моей и вообще, то вроде бы понимаю, что правдивый и нелцеприятный разговор о ней, без предвзятости, - это есть злободневная и сложная тема жизни. Не имея соответствующего багажа и опыта, бесполезно на сей счёт теоретизировать, упражняться в изящной и грубой словесности, сталкивая между собой общедоступные мнения. Что же меня так волнует, почему, зачем, нужно ли это и кому?

То, о чём пишу здесь, это в первую очередь мои непосредственные впечатления и субъективные размышления во время конгресса и сразу после него о вселенском рассеянии Харбина (в самом широком, символическом понимании), о реальных последствиях проведения легендарного плана преобразования природы, почти сказочной - по мановению палочки - перевспашки и мелиорации почвы, жизни и судеб земляков-харбинцев. При желании можно увидеть наконец результаты, всходы и урожай былой хитроумной политической агрикультурации ещё одного целого племени, однако нельзя понять демонические замыслы и объяснить бестолковую технологию рассеечения этнического тела и расселения людей по стране и свету.

Потом это - всё та же тема эмиграции - на моих глазах не раз повторилось, прокручиваясь, правда, всякий раз в иных вариан-

циях. Через 15 лет, после того, как я приехал оттуда сюда, мой сверстник, сосед и художник Анатолий Крынский порвал здесь, на своей родине, все связи и, преодолев сопротивление, навсегда убыл в Нью-Йорк. Перед отъездом он, мне показалось, словно бы оправдывался, объясняя действительно столь странную нашу с ним рокировку. В отличие от меня он благополучный сын истого, прочной рабочей кости, праведного коммуниста. По-настоящему талантливый и честный от природы, Толя интуитивно рвался из спёртой атмосферы общественного лицемерия, вранья и грубого диктата, не совместимых с его законными амбициями и творческими дерзаниями. Мир его поэтических фантазий отторгался управляющей организацией, он болезненно переживал несправедливость и, став диссидентом, эмигрировал. Тогда я был смущён его неожиданной для меня выходкой. Я все понимал, и было обидно, почему природный талант не находит себе места на своей земле и обрекает себя на чужестранство. Ещё через двадцать лет, уже в наши 90-ые годы, стали собираться и уезжать в Штаты под тем или иным предлогом и другие мои знакомые, и всё более и более. У них появились свои мотивы, были свои причины и объяснения. Хочу и не могу привыкнуть к этим разъездам-разлучениям, могу и не хочу смириться с этими миграциями, опустошающими и обедняющими нас. По неустранимой привычке и закомплексованности - несуразно и глупо - продолжаю по-прежнему болеть и печалиться за сторону слабую, терпящую бедствие. Это и справедливо, и не справедливо. Заслуживаем то, что имеем. И в то же время все же, оставшиеся и оставленные, мы не заслуживаем такой жизни, ущербной и унылой, тревожной и невесёлой. Конечно, нужно видеть роковую неизбежность и неустранимость процесса, бессмысленность отрицания стихии. Однако не станем махать флажками новым волнам от нас эмиграции, закономерно расчётливой, пусть даже в чём-то важном оправданной. Мы, любя вас, благословили. И всё же пока (пока вы ещё наши) стараюсь не читать ваших писем оттуда. Желаю вам счастья - и не принимаю восторгов. В этом пусть странность и ограниченность. Готов вместе печалиться. Склонность горевать и плакать, сосредоточенность на неприятностях и бедах - явление временное. Надо думать, и это преходящее.

Вспомните приступы патриотизма, когда в 53-ем и 54-ом годах харбинцы с фанатическим воодушевлением, навзрыд, в коллективном экстазе оголтело орали, как оглашенные: «Не нужен мне берег турецкий! И Африка нам не нужна!». Для актуальности вместо Африки называли Австралию, по всем понятным причинам. Какое восторженное детство, и сколько энтузиазма тогда было. Теперь, пожив и присмирив, даже спьяну не стану участвовать в таком обалдении и в столь наивном песенно-хоровом самоутверждении. Вспомните шаламовское: «Я беру шапку и ухожу». Мы и тогда точно не ведали, где истина и кто из нас прав. Потому что в вопросе выбора собственного пути не может быть абсолютно правых и неправых. Есть свобода и целесообразность выбирать тебе самому. Решай сам по своему разумению, как хочешь, как тебе кажется, тому и быть. При этом есть ещё, конечно, честь и достоинство, и личные обстоятельства., и внутренний зов, и господин случай, и много чего другого. «Я вам не скажу за всю Одессу».

Все участники конгресса образует одну живую галерею образов и уже полужнакомых мне лиц и фигур. Постепенно привыкая, начинаю как-то ориентироваться, знакомиться, узнавать. И вот, вольно или невольно, в этом общем собрании милых и любезных мне земляков формируются и выделяются группы, части неоформившегося целого. В общем потоке уже вижу земляков- харбинцев из России, Казахстана, из Белоруссии, Украины, как я. Глядя на них, отгадываю, чем они дышат, в чём и насколько изменились. Раз они здесь - выходит, есть ещё порох в пороховницах. В меньшинстве, но тоже немало, - приехавшие из более тёплых стран, которые предпочли наши земляки когда-то, во времена нашего расселения. Они, никогда не жившие в России, ни в старой, ни в новой, оказывается, тоже соотечественники. В наши дни весьма странно употребляется это слово. Звучит, конечно, и важно и торжественно. Если же стремиться к точности, мы все просто-напросто бывшие харбинцы (маньчжурцы) и в этом смысле земляки - лоусяны. Кстати, на конгрессе были и настоящие харбинцы, приехавшие из сегодняшнего китайского Харбина, совсем уже другого и неузнаваемого. Такой бы встрече да в самом Харбине, последний раз и навсегда для большинства из нас. Там живет наша душа. Там перекрестие наших

судеб. Там же пока ещё самые последние наши русские харбинцы. Как это может быть? Просто мистика! Эти упрямыцы олицетворяют собой наше общее прошлое, и этих людей нельзя забыть.

История рассудит. Как оказалось теперь, они-то и есть самые незаурядные и загадочные из всех нас, те тринадцать оставшихся и обособившихся в Харбине, уже, как и мы, стариков. Словно легендарный «Варяг», тот город наш неизбежно утонет, опустившись в таинственную пучину прошлого. Лишь они не сдвинулись, чтобы стойко оставаться там, где родились и где отцовские могилы. Никто из нас, кто предпочел иной путь и сделал более лёгкий выбор в жизни, уехав, не может знать подлинные мотивы, казалось, почти безумного поступка, который обрек их на суровое затворничество в бушующем пламени всекитайской «культурной революции». Как не почувствовать, какая в этом отречении от всех идеологических идолов, включая и мысль о великой Родине, о той, которая «вся в чёрных обручах меридианов, непобедима, широка, горда», какая в их тихой самоизоляции заключается символика и глубина. Их существование - мистический мир и чудодействие. Они - это ведь тоже мы (неблагополучные и безумные?), которые добровольно остались представлять и держать в себе нашу общую и страдающую душу, это тело, которое не изменило своей душе, мятежной и разорванной нами на части.

Тело разъятое - уже не срастается.

Была одна большая семья - их становится множество, маленьких и обособившихся. Колония распалась на острова и островки. Что бы ни говорить, это уже давно никак не один организм, а новые и разные образования. Психологически мы, рассеянные, не нашли того стержня, который бы всех нас на эти три денька повернул назад в прошлое и связал хоть как-то. Ведь люди оказались здесь и те, и не те, а другие, разные в одном лице. Не случайно ведь не сразу узнавались, распознавались, вновь открывались. Через сорок лет и более все уже в новом обличии, в другой личине и ипостаси. Соученики и друзья, а хоть и родственники, не узнавали друг друга.

Отъезды и разлуки в жизни естественны и нормальны. Как и приезды и встречи. И всё же во всём этом, в пересечениях жизненных линий и судеб людских, есть какая-то метафизика,

тайна, тяга, боль, разрыв. Смешались переживания, печаль и радость, как тогда на перронах харбинского вокзала, откуда одни ехали на север, по мосту через Сунгари, другие - на юг, через Шанхай и Гонконг, всё дальше. Понимая, что уезжали, и расставаясь навсегда, и в этом был трагический смысл.

Религиозный или философский взгляд на судьбу нынче у нас ещё не принят. Хотя, если отвлечься от суеты и сосредоточиться в мыслях, поглубже порыться в себе, нашем совместном жизненном пути и укладе, людских скитаниях по материкам, можно почувствовать и признать непостижимую мистичность и фатальную предопределённость земного существования человека. Судьба больше нас, и наши способности слишком несовершенны и поверхностны, чтобы понять и объяснить даже одну собственную жизнь. Природа беженства, эмиграции или репатриации не имеет чисто разумного, только экономического или политического, объяснения, ведь и за голым расчётом может скрываться таинственное влияние и действие космических сил.

Вопрос коллективного переселения и массовых перемещений населения Земли в XX веке, кажется, нельзя обсуждать традиционно, с узкой позиции лишь историка, лишь государственника, лишь политика, лишь социолога, лишь экономиста, лишь этнолога. Нашим субъективным настроениям и глубоким потребностям осмысления собственной судьбы, пожалуй, была бы ближе и созвучнее общая философия и психология миграции. При объяснении жизни человека нельзя игнорировать религиозный и мистический смысл судьбы, энергетику надличностных эмоций и чувств, силу влияния социального гипноза. Глубинно в этом вопросе много неясного, неопределенного и туманного, так что в действии роковых начал, если быть откровенным, мы чувствуем напряжённую метафизику. Люди в одиночку и группами вдруг срываются с места, рвутся, стремятся в какую-то, неясную даль, связывая собой и соединяя в себе разные земли, реальные, в которых существуют и живут, и идеальные, о которых мечтают или которые остаются в памяти. Чувство связи материка и неба по своей природе религиозно.

Итак, через много лет съехались немолодые люди, чтобы... Как сказать, зачем, к чему, для чего, почему, нужно ли и вообще что это? Рационально, отчетливой целесообразностью, прак-

тической пользой этого не объяснить для подавляющего большинства приехавших. (Бизнесмены и политики - не наш сюжет). Для меня лично в этом конгрессе меньше всего было заданности, плана, дела, намерения. Если и был какой-то смысл поездки и участия во встрече, неясный, неявный, спрятанный, мистический, рассчитанный на чудо, то это иллюзорный поиск утерянных возможностей. В жизни каждого из нас всё могло произойти иначе. Были варианты, но случилось так, как сложилось, хотя мы вроде бы сами выбирали, где могли. Идущему или стоящему разве не хочется иногда оглянуться назад: что пройдено, что там? Любопытно оценить свой маршрут, сравнив его с другими, возможными, но не выбранными. Человеку свойственно учиться на своем и чужом опыте. Во всяком случае, если и не учиться (поздно!), то сравнивать и как-то оценивать. Глядя на земляков, чудом оказавшихся вместе, я не успевал представить себе разность и многообразие человеческих судеб - и это был такой экспрессионизм, такая мистическая литература, такая фантастическая кинобыль, эпопея, словно ты разом впитал в себя целую библиотеку невыдуманных сюжетов и жизнеописаний. Только всего, что мерещится, не рассказать.

Развод в наше время - обычное дело. Соединение, перераспределение - тоже. Ещё ветхозаветная притча о блудном сыне об этом. Разрыв, даже без битья горшков, всегда сопровождается болью, идёт ли речь о людях или о странах. То же, очевидно, и во взаимоотношениях человека со средой и местом рождения. Смена почвы, атмосферы, климата, пейзажа для нас далеко не всегда проходит безболезненно. Живые люди по-разному приспособляются к новому окружению и быту, иные трудно отвыкают и долго не забывают, грустят, печалются, переживают депрессию или стресс. И в то же время, с другой стороны, в эмиграции и дальнейшей реэмиграции есть и положительный стимул развития духа: ибо у переселенца всё заново, он свободен, у него повышенный обмен веществ. Этот процесс вынужденной смены обстановки и резкого обновления личности как бы компенсирует неизбежные в путешествиях утраты и потери устойчивых традиционных связей. Смена и смешение разных культур в конечном счёте приводят к изменению и обогащению нашего мира, и этому способствуют наши вечные аргонавты.

Начиная серьёзный разговор, если ты не пустомеля, знай, когда и как его кончить. Требование ограничивать себя определённым предметом, пределом и планом, не растекаться мыслью по древу - вообще старое и разумное правило для пишущего, хотя и трудное в исполнении, когда у вас накипело и наболело, и вы стремитесь очиститься, излечиться и выложиться, выразиться, выговориться в расчёте на самооправдание и чье-то сочувствие. Прежде чем поставить точку, в заключение хотел бы подчеркнуть намеренно исповедальный, а не критически характер и направленность моего писания. Так или иначе я больше копаюсь в себе, даже перечисляя и оценивая по-своему внешний ход разнообразных сторонних событий. Полностью никогда не раскроюсь, всего не скажешь и идеально не разберёшь. Всякий пусть тоже определяется и думает сам. В этих записках я определенно и законченно ничего не решаю, предвзято не определяю, никому ничего не навязываю. У каждого из нас имеется свое мнение и должно быть какое-то мироощущение. Стремясь разобраться в себе, я искал и ставил перед собой вопросы, одни вопросы. Хотел бы по возможности большей определённости в суждениях, однако откуда взяться чёткости и определённости, если их в помине нет в моём восприятии и миропонимании. В мыслях, в душе - беспорядок, поток, разброд и сомнения. Остерегаюсь и страшусь банальности и занудности, пошлости и заданности мысли и фразы. Думая о том, как пишущий в своей публичной роли легко скользит в заурядную дидактику, погрязает в вульгарном нравоучительстве, сразу вспоминаю И.А.Мирандова, более чем изящно показывавшего нам, как что надо делать своим словом. Слава и признательность таким учителям.

Размышляя над смыслом и ценностями выпавшей нам участи и жизни, находишь свои упущения, промахи и просчёты. Они в попусту растраченных силах, в напрасно расходуемой и потерянной энергии духа, в бездарной маете и суете пустопорожних занятий и однообразно вялых будней, раскрашенных пёстрой риторикой напыщенной символики разных вымыслов и криков на грани деградации и уродства. Лучшее, что ещё может остаться в человеке после облечения тотальным маразматизмом истуканов, так это оправданный трезвый пессимизм и крити-

цизм человека, защищающегося от деспотизма хронического дилетантства и чванства, массового ритуального пустословия и отстаивающего божий дар внутренней свободы и личной независимости.

4. Предвзятость и зыбкость оценки былых событий.

Все мы живем и так или иначе движемся куда-то в связке. История, которая соединяет поколения в последовательности и движении времени, поэтому нам не чужда и не стороння. Она всё более необходима для понимания общего смысла. В осмыслении прошлого, однако, возможны спекуляции и субъективизм, вмешательство идеологии и политики. Чтобы пересилить и преодолеть стереотипы в историческом освещении прошедших событий, помимо прочего, нужна решительность. Мифы навязчивы и устойчивы. На жизнь сегодняшнюю и в прошлом трудно смотреть объективно и трезво, а не эмоционально и романтически. Вся история полна противоречий, были и остаются крайности, и это приходится учитывать. Это надо усвоить.

Если сказать резко, то наступает время, когда придется честно и непредвзято обнажить противоречия, чтобы обнаружить действительные цели, мотивы и спорную истину, спрятавшуюся в череду событий, в их объяснения, трактовки, в официальные документы, в писанные статьи и учебники, в газетные разные публикации. В русских харбинских изданиях настойчиво проводилась мысль о том, что кавэжэдинцы дали толчок освоению полудикого края и несли огромную цивилизаторскую пользу Маньчжурии. Русские построили железную дорогу, города и посёлки, железнодорожные станции, мастерские, фабрики, перерабатывающую промышленность, учебные заведения, типографии. Подсчитывались ежегодно многомиллионные вложения и затраты в развитие края.

Всё это и ещё многое другое в действительности было. Русское дело обустривалось в Маньчжурии, казалось тогда, прочно и надолго. Китай был в глубочайшем кризисе, находился в состоянии полураспада. Это наблюдали все. «Когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа, - писал известный идеолог панславизма в 1869 году, - они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным иде-

алом для будущего, и дряхлеют в апатии самодовольства (как, например, Китай), или достигают до неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий...». И в 1896 году в результате секретного русско-китайского соглашения, об основных положениях которого договорились на самом высоком правительственном уровне С.Ю.Витте и Ли Хун-чжан, было создано «частное» общество КВЖД и вскоре подписан контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги.

Вся история КВЖД и освоение Россией Маньчжурского края в начале XX века отнюдь не столь безобидны и идилличны, как то хотели бы представить нам историки националистического направления, которые, естественно, «строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все тёмные стороны исторической государственности».

Конечно, в нашей Маньчжурии, очевидно, было и остаётся много хорошего и доброго в памяти, прогрессивного и здорового, неизбежного в общежитии и течении самой жизни. В целом же, по большому счёту и объективно, вся та эпопея, в замысле и реализации, - наше общее горе и беда, наш позор и стыд. Так - нелицеприятно, ответственно и с печалью - имеют основания воспринимать маньчжурскую страницу нашей истории по крайней мере некоторые, самые трезвомыслящие. Ведь известно же, что политика государственника и империалиста Витте, «его усилия по завоеванию рынка для российской промышленности на Дальнем Востоке (КВЖД, Русско-Китайский банк и т.п. предприятия) объективно способствовали обострению международных конфликтов в этом регионе». С самого начала и до конца КВЖД, что бы о ней ни твердили в ходе акционирования, проектирования, строительства и освоения рекламодатели, заинтересованные политики и промышленники, - наш общий грех и крупный стратегический просчёт русских. История КВЖД показала, что государственный ум у нас был (к концу XIX - началу XX века) недальновиден и ограничен. По серьёзному счёту, КВЖД - наш грандиозный проигрыш. Начавшись с обмана и самообмана, имея имперскую и империалистическую сущность, КВЖД привела-таки к русско-японской войне и скорой революции. Техническое совершенство «железки», творчество инженерной мысли, мастерство и изобретательность специали-

тов, о чём предпочитают повторять наши романтики, отвлекаясь от главного, не могут скрыть от нас банкротства и краха империалистической политики. Оценить объективно значение и роль КВЖД нельзя вне развития и крушения империи.

Никакой юбилей, сколько бы ни прошло лет, не в состоянии оправдать русское дело в Маньчжурии. За убыточное и проигранное дело КВЖД следует печалиться и каяться, но не бахвалиться, будто это исключительно чудо инженерной мысли, техники, цивилизации, а не чистой пробы империалистическая затея. Одно с другим всё завязано в крепкий узел: КВЖД и вся дальневосточная политика, война, репетиция и сама революция, контрреволюция, гражданская война, крах империи, конфликты, вновь войны, продажа-перепродажа и исход. Нечего нам-то хвалиться, нечем кичиться. КВЖД по замыслу было хитроумным, коварным и опасным мероприятием, и рискованная авантюра закончилась проигрышем и поражением. КВЖД как основание Харбина - это, кроме прочего, и пьянки, оргии, растраты. И из года в год одни убытки. Экономически не оправдываемое, бесприбыльное предприятие. Проектировщики, изыскатели, строители, наёмные рабочие тут ни при чём, хотя и они были участниками этих событий.

Российское присутствие и претензии в «жёлтой России» психологически и глубинно не есть ли природное проявление сущности чужанливого и нахального великодержавия, как и уже в наши дни тот же Афган, силовое вмешательство в чужие территории и дела? Русско-японская война, начавшись из-за КВЖД, закончилась позорно для гигантской державы. На её стороне не было исторической правды. Не случайно же, что «только в Маньчжурии впервые дала трещину солдатская верность»¹. К апрелю 1906 года из Маньчжурии было выведено до 250 тысяч русских солдат и офицеров, в бесславной кампании потерпевших поражение на чужой территории. Япония тоже покушалась на Маньчжурию, как и Россия. Имперский дух Страны восходящего солнца в тот раз оказался сильнее соперничающего с ним двуглавого орла.

Жизнь показала, что грубое соперничество наше с азиатами на Востоке мы проигрываем. Русское дело в Маньчжурии - без-

¹Г.П.Федотов. Революция идет // Судьба и грехи России: I т. С.-Птб., 1991. - С. 131

надёжно затраченный труд. Что бы ни говорить, нас из Маньчжурии вежливо выпроводили - и спасибо не сказали. В лучшем случае, китайцы сегодня хотят замолчать и скрыть от современников историю русского Харбина и русской Маньчжурии. Смешно мнить себя героями и искать в действиях русских историческую заслугу и ждать соответствующую признательность потомков. Россия там растеряла и утратила многое, огромный капитал и свой потенциал, и прежде всего нравственный, духовный. Массу людей использовали в обречённой политике, долго обманывая себя и других неосуществимыми перспективами развития. Царизм и бюрократия имели свои планы и намерения. Их помыслы далеко не всегда были явными и отнюдь не всем понятными. Эту политику колонизации вольно или невольно исполняли сотни тысяч россиян, железнодорожников, предпринимателей, купцов, специалистов и просто обывателей. У людей могли быть разные интересы. Установки и действия простых людей следует отличать от корпоративных и тайных планов государственного аппарата и правящей элиты.

Таким образом, КВЖД - вовсе не обыкновенное техническое и экономическое предприятие, но наиболее яркое воплощение империалистической политики расширения и беспредела в конце прошлого - начале нашего века. Известно, что «империя - это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма»¹. Объективная и сверхнациональная оценка истории даётся нам с огромным трудом: «Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но Империя, с её особым универсальным политическим самосознанием»². Всё это, хотя и условность в некотором роде, по-прежнему актуально.

В ход и проведение конгресса соотечественников, незаметно и ненавязчиво, всё же вмешивалась текущая политика и доминирующая идеология, очевидно, все с тем же «универсальным самосознанием». Некомпетентность, извечный дилетантизм и сомнение в отдельных выступлениях не могли не тре-

¹Г.П.Федоров. Судьба империй. // Указ. соч., с. 305.

²Г.П.Федоров. Там же.

вожить и не возмущать здравый смысл. Большая дипломатия и политика - всё же весьма специальные сферы, и нам бессмысленно любительски в них копать и о них здесь распространяться: Профанировать - значит всё смещать и всё смешивать, своё и чужое, достойное и примитивное. Плохо разбираясь в собственном деле, небрежно выполняя прямые обязанности, мы как бы претендуем на универсальность и с самоуверенностью, достойной лучшего применения, разбираемся всё в чужих. Глядя на ораторов, мне вдруг показалось почему-то, что харбинцы в своей основной массе были-таки очень совковым народом. Не случайно же они неплохо вписались в советский строй. Типичный харбинец сильно идеологизирован и политизирован. Он активен, коллективистичен, энтузиастичен. Действительно, «белый комсомолец», как метко заметил однажды А.Солженицын.

У нас и в нас снова возбуждается национализм, не имеет значения какой. Вновь актуализируется «русская идея». В жизни вся эта антимония «национализм-интернационализм» циклически возвращается, и история ничему не учит из-за сменяемости поколений и короткой памяти. Легко рисовать прошлые противоречия упрощённо, в одном цвете, чёрном или белом.

Евреи, греки, татары, грузины, украинцы. Не забывайте их, русские и китайцы. Для меня Харбин неполон без грека. Без них, так же и без корейцев и японцев, Харбин наш - не Харбин. «Русская идея», определяющая сегодняшнюю политическую моду, просочилась в наше сознание. Одни спекулируют, другие бредят рускостью. Горе-историки ведут себя так, будто там тогда и теперь здесь одни только русские. Подчёркивается исключительность большой нации, и такая односторонность взгляда и видения - от духовной ограниченности или глупости. В действительности Харбин, хоть и строился преимущественно в интересах российского государства и капитала, никогда не был и не мог быть исключительно русским. Дело даже не в процентном составе русских в общей массе населения города. Национализм любой, в том числе и русский, духовно не свойствен и не органичен для первоначального Харбина.

Белые комсомольцы были склонны впитывать тоталитаризм и деспотизм эпохи. Сила - культ. Ей сродни дерзость, ухарство,

наглость, подчинение себе иной воли, чужой мысли. Без управления мы легко впадаем в анархию, не привыкшие к равноправию и свободе. Поймём ли мы наконец, что есть один плодотворный путь в будущее - сосредоточиться на себе и ограничить себя пределами, не навязывая другим своего понимания и взглядов, воли и покровительства. Постоянно и настойчиво стремиться к самосовершенствованию, ибо национальное чванство в любом виде и проявлении несостоятельно, противоречит природе христианства, безнравственно и исторически обречено. Нам вновь и вновь недостаёт трезвости и скромности, наряду с чувством достоинства, с организованностью, расчётливостью и действительным личным трудолюбием. Вот о чём подумалось мне, когда я глядел на сцену. Там находился президиум, и кто-то выступал.

5. Глубина чувства: человеческое измерение.

Наиболее естественный, самый существенный и главный смысл конгресса соотечественников в таком составе, каким он был, заключается, на мой взгляд, именно в нравственном его назначении. В первую очередь он должен получить гуманитарное и философское осмысление. Прежде всего это для нас встреча-воспоминание, с целью самопознания, самоанализа и самооценки. Лишь в последнюю очередь это, может быть, событие политического, экономического, научного или иного делового содержания. Через много лет вдруг встретившись, каждый стремился восстановить своё прошлое и в частично как бы воссозданном прежнем и давнем своём окружении, в немногих вполне реальных осколках прошедшей жизни так или иначе, пусть искусственно, образно и идеально, пытался - очень хотелось - найти и увидеть себя и самых близких тебе. Приехавшие на конгресс составили будто бы единый ансамбль, объединившись духовно в воображаемой сцене какого-то условного и полуиллюзорного действия. Участники своеобразного спектакля и иллюзиона наяву галлюционировали. Они хотели и сумели ощутить себя на миг и сразу во множестве житейских проекций, в многообразных жизненных обстоятельствах и условиях, противоречивых и несовместимых, одновременно в реализованных (случившихся) и нереализованных (не состоявшихся), возмож-

ных и невозможных вариантах выбора пути и осуществления ходов, чтобы яснее и лучше, всестороннее и глубже понять себя и жизнь, в единстве её предначертаний и осуществлений. Эмиграция, должно быть, - это вовсе не такой уж редкий случай и не случайность, если она продолжается вечно, пока на Земле есть деление человечества на части, на нации, на страны и государства.

Сказать откровенно, теперь я запутался в словах и в символах. На деле оказывается, что, обретая Родину, мы можем терять её. Напротив, покидая - обретаем. Парадокс, но случается же так. Словно бы всё это со словами чьи-то фокусы. Оказывается, родина - это и глубокое мистическое чувство, и социальное внушение, и предмет поверхностной литературщины и самого дешёвого политиканства, и вовсе не безопасная и не безобидная иллюзия и миф, просто слово и лозунговый шрифт. Чувство родины, если это не в тебе, не внутри, не в душе, подобно подлинной любви, а во вне, во внешней культуре, в портфеле, а не в самой природе, то это всего-навсего общее место идеологии, мода и ритуал. И тогда, патриотизмом как расхожей идеологией демагоги начинают по-своему, словесно и поверхностно, манипулировать, спекулировать, обманывать и развращать массы, дразня, стравливая и сталкивая наивных людей лбами. И образованный человек склонен спорить и драться за слова.

Это не так очевидно и бесспорно, что родина, родство, родственность - есть близость, солидарность, единство, взаимопонимание и любовь. Родина-любовь, по-христиански щедрая и всерасширяющаяся, не совместимая со злобой или ненавистью к другим, - это настроенность, внутреннее состояние и зов сердца, а не языческая конструкция из коварных слов и хитросплетений фраз.

Прежде мне иногда представлялось, есть чья-то вина и это несправедливо и жестоко, что наш Харбин разодрали, словно невидимой злой рукой, и разбросали горстями по всей разобщённой необъятности планеты. В разделённом мире где только не оказались бывшие харбинцы (и разве только харбинцы)?! На всех континентах, во всех городах и весях. Теперь же я вдруг открываю для себя, что Харбин лишь в мечте - только затуманенный образ - гораздо милее и краше, чем любой его реальный, в грубом быту, приемник. Таково моё нынешнее - после

конгресса ощущение и озарение. Мы можем грезить прошлым и любить тот Харбин, потому что в нём наша юность, первые ласки, страсти и надежды. Но кому действительно хочется, чтобы прежний тот город длился всю жизнь, будь далее это возможно. Не обессудьте, я уже в числе тех, кто не согласен на его повторение или воспроизведение, ни в старом, ни в новом облики и содержании. Хотя готов, не видясь с ним наяву, встречаться в тайном свидании сна, когда тоска в яви невыносима. (Вчера неожиданно звонит старинный харбинский друг Борис Б. из другого города и с тревогой в голосе спрашивает, всё ли у меня в порядке: «Видел тебя и Надю во сне, она в белом, и мы танцуем, как-то странно»). И я рад, если таинственные видения далёкой и прошлой реки напрямую не совместимы с моим сегодняшним днём, да простят меня земляки.

Знаю, меня не скоро вновь потянет и повлечёт на такой конгресс соотечественников: я вполне удовлетворён, кажется, насытив своё мистическое чувство и желание встречи с прошлым. Может быть, первый и важный вывод для себя: мой Харбин - то моё воображение, в моей тоске, мой мираж в моей пустыне. Нами любимый город кончился и живёт ещё только в памяти. Не обольщайте себя чрезмерно. Чуда никто в действительности не желает, и его не будет. Избави нас Бог от новых разочарований и досадования.

У меня уже нет прежней Родины, во многом, как оказалось, иллюзорной, выдуманной, сочинённой. Теперь, пожалуй, скажу другим: не смейте покоряться и подчиняться декламациям, чужим выдумкам, песенному экстазу. Никогда не соблазняйтесь необдуманно фразами и образами искусников и не грешите красотой слов сами, обманывая других. Соревноваться в патристическом красноречии и надрываться в пафосе - занятие сомнительного достоинства. «Не сотвори себе кумира» - ни из класса, ни из партии, ни из личности, ни из Родины. К данному списку творимых соблазнов у нас теперь прибавляется ещё и очередной идол и идеологический кумир - т.н. «самостийность», не как независимость, а как нацпанство и высокомерие, декламируемые с надрывом, радиовещаемые усиленно, слишком уж, чтобы это всерьёз, звонкоголосого, навзрыд, назойливо и больно, словно слепни. Очевидно, суть акции-шума здесь вовсе не в со-

держании, подлинности и безусловной законности свободы и суверенитета нации, а в новом политическом переделе и откровенном реваншизме, в стародавней чехарде, игре фразами и поэмами, т.е., к сожалению, опять очередное оболванивание мёртвыми схемами, спекуляции лозунгами, манипуляции на сознании, унижение духа личности, угнетение совести. Меняется конъюнктура: вместо бывшего «огромного», на шестую ли часть али на всю сушу, привычного мотива интернационала и нерушимого союза прививается новая художественная версия патриотизма местного, уменьшенного масштаба, и более ограниченного национализма. Стихи и песни для всеобщего усвоения и потребления, чисто спекулятивные идеологические образования, новые мифы - новые монстры. И вновь продолжается бой... Не скоро ещё переведутся у нас инженеры человеческих душ, комиссары и политруки, любители и спецы по части неизживаемости гражданской борьбы наших с вашими. Вечные мальчишки играют в «казаки-разбойники».

Видно, никогда так и не станет всем понятно и ясно, что внутреннюю веру и истинную любовь не вызвать и не заменить ни ложным пафосом, ни показным красноречием, ни суесловием. Политизированные и проституированные мифотворцы, часто лично озабоченные и озадаченные сами, паразитируя на примитивном и рутинном сознании, опустошают и оглушают людей с помощью коварной и безответственной демагогии. Они способны лишь распространять и множить в мире пустые иллюзии и мнимости, принеся и продолжая нести невосполнимый ущерб и вред человечеству, катастрофически снижая общий уровень и потенциал национально-го менталитета. «Но иногда из оглушающего хора «ликующих, праздно болтающих» доносятся иные, неожиданные голоса. Голоса скорее тихие и одинокие. Голоса раздумья о судьбе человека, о жизни и любви, о природе, о смерти и вечности. Настоящий человек рождается в тишине одиночества, а не в гаме принудительной социальной активности... Но если России суждено остаться духовной личностью, а не только географическим и политическим местом, её будущее начинается сейчас в молчании, едва для самого себя вырази-

мом». Важная - для нас - мысль, не так ли?!

Если сможете, просто сочувствуйте и любите всех, особенно слабых. И это по-христиански. Здесь было бы уместно вспомнить В.В.Розанова, который как-то записал: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно. Именно, когда наша «мать» пьяна, лжёт и вся запуталась в грехах, мы и не должны отходить от нее... Но и это ещё не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого... Так да будет». В другом месте этот же писатель утверждает, что «русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то мила» и «может быть, народ наш и плох, но он - наш, наш народ, и это решает всё». Как говорится, всякая истина относительна. И наши суждения, слава богу, далеко не безупречны. Мой подход и мои оценки-ощущения, конечно же, в значительной мере субъективны и спонтанны, идёт ли речь о конгрессе, о соотечественниках, об эмиграции и эмигрантах, о родине и России, о Маньчжурии, Харбине и китайцах, о нашем прошлом, настоящем и будущем, о судьбе и роке. Кажется, есть такой жанр: непричёсанные мысли. Вот он меня в данном случае очень устраивает. Чтобы каждый из нас не боялся чувствовать, воспринимать мир, думать и говорить по-своему, как есть.

Жизнь есть жизнь, и она всё же прекрасна. Помним и благодарим Того, Кто дал нам жизнь или приобщил нас к ней. Хотя жизненный путь наш предначертан судьбой, мы проходим по данной жизни каждый сам, включая в неё свою волю. Жаль, что мы понимаем это поздно. За нами остаётся след прошлого, и уже по нему спешат поколения наших детей и внуков. Как знать, хотим ли мы действительно и что мы реально можем, чтобы своё потомство и своё продолжение подтолкнуть к достойной жизни?

ПРОЛОГ

В начале было слово
И оно было очарование
И было оно как наваждение
«Мне голос был. Он звал...»(Ахм.)

Мистическое кино - видения.

Кадр 1. Из столицы большой Родины в кавказском направлении катит сонный русский экспресс. Вечер. Ночь. Серая рань. Таинственным драконом пересекает два державных кордона. С пограничной стражей, с чинной таможней: проверка паспортов, досмотр. «Валюта? Наркотики? Оружие?». Европейский порядок в принципе. И потревоженный сон.

Кадр 2. Задрапированное мягкое купе. Игрек, никем не раскрытый, не узнанный. Кожаная куртка - бронежилет. Рядом Икс, внутри взрывчатка, замаскированная в обольстительном халате-кимоно староманьжурокого покроя. Скрывается тайна.

Кадр 3. Известный вокзал бывшей столицы. Пустой перрон. Секретный агент Зет сегодня не вышел на связь. Обнаружив за собой хвост, маневрирует, запутывая следы. Есть запасная явка в Х. Там собирается группа. Под видом пенсионеров-паломников резиденты отправляются электричками за границу.

Кадр 4. Колокольный, медный звон. Ростов - град на шальном Дону. Предзимье разбойного 1995 года. С невидимого неба, как из мешка, валится комковатая снежная масса. Липкие хлопья цепко схватились за провода. В какой-то миг белым серпантинном оделись деревья в глухом бульваре. Дороги тут же наполнились мутным водостоем. В воздухе еле просвечивают шелковидные декорации каменных чудищ. Заморские лимузины жалко жмутся друг к другу под коробками многоэтажек. Пешеход решительно ступает по слякоти. Знает, что делает.

Кадр 5. (Смена колорита и настроения: тёплые тона и ясные цвета). Уютная жилая квартира. Стены в богатых картинах. Во всю длину гостиной накрытый стол. Нарядная женщина окинула взглядом полководца диспозицию расставленных блюд с яствами, ищет место для ракетных установок. Умная и образо-

ванная, как гейша, Катя-сан готова к самому ответственному приёму. В руках держит графин и бутылку. Хозяйка обеспокоенна и собрана. Своё дело знает.

Кадр 6. В Ростов прикатили Игорек и Милочка. В долгой и расшатанной дороге они намагнитили один другого расслабляющими воспоминаниями о временах чудесной юности. Их очень ждали и встретили с любовью. Во время юбилейного пиршества - на Катином дне рождения - наши москвичи хватили мелитопольского зелья, коварного изделия Ниночки, ещё попробовали сомнительного черноглазовского напоя из терпких ягод с Дикого поля пратурецкой Слобожанщины. Да завораживало песнопение дуэта харцызских меломанов Гого-Нина. В урочный час запорожец Стас выступил из засады. Мара шептала. Боря был внимателен. С главного пьедестала наблюдал за всем Вася, как Будда после омовения. Когда бодро пропели старые гимны, да ещё на японском языке, шатурский князь Игорь поднялся и всех ошарашил, сделав заявление для мировой прессы: «Юбилейная встреча харбинцев-абитуриентов 51-ого года состоится в августе 1996-ого года в Шатуре Московской области». Эту инициативу тогда же все решительно поддержали: «Да будет так! Ура!».

Голос за кадром: — Наши слов на ветер не бросают.

Милочка и Игорек покинули город на тихом Дону и возвратились в столичный град, видимо, ещё до конца не осознавая, что произошло. Им чудилось, что они обрели новое дыхание, стимул и смысл в жизни. «Души прекрасные порывы...». С энтузиазмом они включились в соревновательную работу: всё для встречи!

Летело время. Прошли не одни выборы. Латинская Америка манила и обольщала водопадом своих прелестей и соблазнов. Но Игорь был неколебим и твёрд в том, чтобы исполнить обещание роковое. Не все знают, не все помнят, с чего началась эта наша встреча. Возникла она как неясное чувство в чьей-то душе, смутная идея в чьём-то сознании, первоначально робкое слово, всё животворнее, произнесённое сообща. Подпитывала нас Память. И ещё поддерживала Любовь.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Состоится ли наша встреча и какой она будет - это зависело в конечном счёте от нас самих. Не скажешь, что обстановка и обстоятельства уж очень-то нам благоприятствовали. Соответственно, колебалось настроение. Мы не теряли надежды и верили, несмотря ни на что.

Чтобы понять, что же было и как это получилось, важна предыстория. Интересно проследить в развитии то, что происходило: как зародилась и явилась сама мысль о памятной встрече, оплодотворяясь и наполняясь всё новыми смыслами и идеями. Постепенно формировался, расширялся и уточнялся общий взгляд, согласовывались разные мнения, оживало чувство солидарности и взаимного доверия. Наконец пришло время, когда мечта получила опору.

Именно после Ростова, когда на Катином юбилее чётко прозвучало слово «ВСТРЕЧА», таинственно брезжащий в представлении некоторых смысл вдруг зазвучал влекущей, привлекающей, зовущей, увлекательной мелодией в душе нашей. Завораживающему влиянию слова, силе его воздействия на коллективную судьбу оставалось восемь месяцев. Продолжались совместные поиски, обмен проектами и программами, согласование, обсуждение. Шла переписка: и я писал, и мне писали. В каждом письме непременно о нашей встрече.

ВСТРЕЧА СОСТОЯЛАСЬ !

3-7 августа 1996 года в г. Шатуре проходила встреча харбинцев - выпускников IV и III школ 1951 года.

1. МНЕНИЕ И СОМНЕНИЕ.

Внутри себя слышу голоса. Они говорят. И не спорят, и спорят - заинтересованный разговор такой. Вслушиваюсь, хочу понять истинно.

- Отмечали 45-летие окончания средней школы.
- Достойная дата и повод для юбилея.
- Если к тому же учесть, что школа та как бы из небытия...
- Встреча-то как - удалась? Непросто ведь.
- Какой вопрос! Почти что 20 харбинцев по этому поводу собрались в Шатуре, у Игоря Цыбулько, и отпраздновали событие.

- Встреча прошла успешно, вы ею удовлетворены?

- Что значит «успешно», «успех», «удовлетворены», «удовлетворённость», когда речь идёт о столь необычной встрече по такому неординарному поводу? В декабре задумали - в августе собрались: кто нашёлся и кто сумел. Не все желающие смогли.

- В другое время нас могло быть и больше, пожалуй.

- Однако ведь могло быть и меньше.

- Дело вовсе не в количестве. Встречи очень даже и вовсе могло не быть, не исключайте такого.

- Справедливо, суть не в числе, хотя и это важно. О количестве позже. Сперва бы оценка встречи с качественной, или содержательной, стороны.

- Но мы не знаем, что здесь понимать под «качеством». Попробуйте сформулировать вопрос точнее.

- Это нелегко. А если спросить иначе: «могла ли встреча быть лучше, чем была?».

- Вполне удовлетворив ожидания всех участников, без исключения, поразить воображение даже самых неисправимых скептиков...

- Именно так.

- Во-первых, такую задачу перед собой вряд ли кто ставил. Во-вторых, простите, такая постановка вопроса бессмысленна. Ибо очевидно, что обо всём подобном заранее всегда можно утверждать, что такое мероприятие в принципе могло бы пройти лучше. Впрочем, как и хуже.

- Всё относительно. И нет предела ни верхней, ни нижней бездны: совершенства и кретинизма.

- Например, попробуйте задаться вопросом: богат ли или беден кто, здоров он или болен, счастлив - несчастлив? Должна быть мера отсчёта, с чем сравнивать. Притом одинаково всеми, пожалуй, ничто не воспринимается.

- Пока у нас не вяжется разговор. Всё время спотыкаемся о неопределённости слов. Увиливает и не схватывается мысль. Как же объективно оценить значение того, что произошло 1-7 августа в Ново-Подрезково и в г.Шатуре Моск. обл., у Милы Мельниковой и у Игоря Цыбулько. Короче, насколько всех устраивает то, что происходило под названием юбилейной встречи выпускников?

- В такой общей постановке смешано несколько вопросов. Тем не менее я улавливаю главный смысл и ваш интерес. Если отвечать коротко и просто, могу сказать от себя лично: мне всё - от начала и до конца, без исключения, безоговорочно - пришлось по душе. Хотя не бесконечно моя душа там, на нашей встрече, исключительно только пела и ликовала. Видите, сколь трудно выразить отношение и чувство своё однозначным утверждением. Оценка такой встречи - через очень много лет и со многими лицами - всё равно неизбежно получается ... сложной.

- Вот как.

- Там была радость, веселье, счастье. И грусть, и даже разочарование, и много чего другого - роскошный букет ощущений, переживаний, раздумий ...

- Сложное отношение - это смешанное и противоречивое. Так надо понимать?

- В данном случае это не совсем одно и то же. Проведённая в Московской области встреча харбинцев, хочется подчеркнуть, - это не простенький водевиль, одноактное действие, а целый спектакль, длинное, продолжительное действо, давно начавшееся, с преамбулой, и ещё продолжающееся, с послесловием, с таинственно-художественным замыслом и установкой, с запутанным сюжетом, с многоходовым сценарием, с живой импровизацией и строгой режиссурой, с разнохарактерными актёрами и капризными авторами, с тайным соперничеством талантов, ординарностей и простоты, не без вмешательства капитала и меценатства. Такая встреча, считайте, - это как бы одновременно подмостки сцены и кусок жизни, своеобразная мистерия. Во всей этой манифестации закодирован и скрыт весьма запутанный смысл человеческих судеб, текст с глубоким подтекстом, уходящим в неведомые дали времени и пространства. Встреча - и знак судьбы, и испытание, проба, звон и звоночек. И ещё попытка продлиться, хоть на неделю, хоть на день. Вот такая философия получается.

- Встреча по самому существу есть сложный и многозначный символ, который нельзя прочесть определенно, как одну букву - А или Я, - ибо это даже не целая азбука. Иероглифика. Пиктограммы. Нельзя обозначить встречу одним словом: «хорошо», «нормально», «прекрасно», «замечательно» или др. По-

жалуй, для этого нужен новый словарь, талантливый и изысканный. В ней, во встрече, ведь остаётся новизна чувств, есть фатальность и некая таинственность.

- Вместо одной общей оценки хочется иметь несколько, давай четвертуем встречу на куски и попробуем высказать своё отношение последовательно, одно за другим, относительно всех составных частей. Однако в таком случае придется установить их. Как же нам расчленив встречу, чтобы это было органично и разумно?

- Встреча готовилась полгода и длилась почти неделю. Кажется, проще простого разбить её сложный организм на предначало (ожидание), начало, или первый день (открытие), продолжение, завершение (расставание, разъезд и после).

- Утро, день, вечер, ночь. Завтрак, обед, ужин.

- Не столь это существенно, вероятно. Кормили и поили все дни одинаково сытно, вкусно, обильно, разнообразно, лучше не бывает.

- Потчевали нас на ять, хозяева хлебосольные. Стол изысканный. Не перечислить, что там было. Кухня европейская, русская и китайская. Меню продумано в деталях.

- В конце концов, для чего мы собирались: ведь не для дегустации блюд и не на конкурс вкусной еды?

- Безусловно. На встрече не только закусывали и объедались. Хотя застолья были основательные, интервалы между ними пролетали незаметно.

- Наряду с гастрономическими действиями гурманов, встреча была заполнена нечревоугодными акциями и актами.

- Публика держалась достойно и, к её чести, не отключалась поголовно. Были тихие беседы и даже разные мероприятия, в какой-то черед и, вероятно, задумке и логике.

- Если б все события и затеи выделить и выстроить в ряд, был бы более предметный и содержательный разговор. Не так ли?

- Давайте попробуем. Что же мы делали ещё на встрече, помимо жевания и переваривания здоровой и вкусной пищи? Разговаривали, вспоминали, рассматривали альбомы, смотрели видеофильмы, восхищались Игорева дачей, его милой семьей, улыбались друг другу, смеялись, остряли, танцевали, пели свои песни вечером за костром, любезничали, говорили друг другу компли-

менты и колкости, сплетничали, разыгрывали, чувствовали себя помолодевшими. Одним словом, весело общались. Были беззаботными, насколько могли. Игорь повёз нас на чудное Белое озеро, мы там купались. Гуляли по окрестным полям Среднерусья.

- Просто отдыхали, снимали напряжение и стресс. Забавлялись. Играли игры, заигрывали, шутили.

- Велись и серьёзные разговоры, кулуарно.

- А ещё разглядывали цветы, сосны, леса, небо с облаками, деревянные избы, окна с резными и крашеными наличниками, милый русскому сердцу край, свой колорит.

В деревне случайно разговорились с подвыпившим мужиком: просто так, что да как... При скором расставании он не вник в Милин юмор. Не без основания заподозрив её коварство, он бросил нам вслед: «да идите вы в манду!». С самого Харбина я не слышал этого слова, да с такой сочной интонацией!

- За этим ехать в такую даль. Надо ли было?

- За чем это - «за этим»? И что значит «такую даль»? Наконец, как понимать «надо - не надо»? Принцип целесообразности и чистый прагматизм: надо-полезно-выгодно-прибыльно. И нет иной логики и других мотивов в жизни?

- Казалось бы, используем простые слова, однако оказывается, что они неоднозначны и сложны для понимания. Мы в тупике, вновь не сумев разобраться в своих вопросах.

- Честно, мы не смогли четко представить, что же мы решаем и что хотим знать.

- Перечислить события, действия, случаи вроде бы ещё можно. Но оценить их просто невозможно, ибо оценки субъективны и произвольны. Мы все дни были заняты, не скучали, и то, что делали, доставляло нам удовольствие и радость. Это сугубо личное ощущение.

- За всем этим очень личным планом - весёлая и грустная, но счастливая встреча, дружелюбие, школьно-юная симпатия, воспламенённая чувством память - чудится в глубине и общий символический подтекст, что-то ещё, большее. Или нет?

- Все съезды КПСС подряд когда-то считались историческими - они были чрезмерно большие, многолюдные и растворились в прошлом. Нет ли хоть маленькой, самой малозначительной «истории» в том, что произошло в Шатуре?

- Что такое история?! Наши переживания и чувства, испытанные там в августе, резонируют, продолжают звучать в душах и волнами распространяются всё дальше. Возникновение и воздействие биотоков, возбуждение энергии, Эроса, его концентрация в узком кругу и отражение побуждений и страстей в запределье - не это ли история?!

- И тогда подлинное значение встречи - не в протоколе, не в программе, не в мероприятиях и внешних деяниях и, увы, даже не в кулинарных изысках. Оно глубже, и его следует искать в чувствах, во взаимоотношениях.

- Снова человеческий фактор и психология.

- Придется, выходит, переходить на личности. А это ещё более сложная материя.

- Такой поворот, пожалуй, ближе к самой сути. Не находя ответа в сфере только материального - вкусовых достоинств и ценности изготовленных блюд, букета разнообразных напитков, деликатесов на праздничном столе, завидной роскоши и уюта усадьбы, - за этим внешним планом, как за вывеской, справедливо усматривать искренние, т.е. душевные, человеческие побуждения и желание доставить всем этим приёмом радость.

- Итак, мы выходим на другую грань реальности - на неформальные, глубокие, собственно человеческие, уже внутренние, взаимоотношения. Внимание! Речь теперь пойдёт не о рецептах и технологии приготовления китайских цаяв, что само по себе любопытно, однако не имеет решающего значения для характеристики встречи. Речь пойдёт о человечности, о духовности, о душевности.

- О том, чего ждешь, что ищешь. Катастрофически исчезает тепло - вечный дефицит. Так сказать, суровый и исконный энергетический кризис. В суете существования люди теряют себя и память. Сокращаются энергетические запасы душевности, необходимые для достойной жизни.

- Для чего и за счёт чего мы живём, «как» живём? Мы не осознаём многого в качестве жизни и её источников, тем более, но замечаем, что существуем-то всё же хуже, чем следовало бы и могли.

- Наша встреча, в конечном счёте, - разве ж это не эмоциональный порыв и духовный поиск, ожидание чуда, исповедь, очище-

ние, надежда войти в рай здесь, на грешной земле, боязнь упустить какой-то шанс, возможность-невозможность. А вдруг! Так хочется, чтобы ещё продолжаться как-то - и требуется восполнение духовно-энергетических запасов света и доброты.

- Да, жизнь прекрасна в мечте, в идеале, мы любим её такой. Во встрече, может, проявится идеальное очевиднее и отблеск потустороннего добра заденет каждого. Такой общий праздник души дорог и нужен всем иногда.

- Опять рискуем запутаться в сети абстрактных рассуждений и паутине мистических хитросплетений отвлечённых красотей. Какое-то наваждение, и нам никак не выбраться из заколдованного круга.

- Ну, не мешай же мне сейчас, скептик и циник, когда я начал нащупывать что-то в самой сути нашей встречи. Хочу понять её и себя в ней глубже и основательней. Так, что мне дала встреча? Что ждал от неё? Что скрывается за внешним фасадом улыбочивой встречи? Оказывается, всё устроение и организация её, внешняя, материальная сторона, опираются на идеальные устои, зиждутся на основе доброты и человечности.

- И интереса, и любопытства, и многого другого.

- Да, да. Однако не стоит иронизировать.

- Снова возвращаемся к вечным вопросам: «Есть ли душа, бог, дух, духи?»

- Есть или нет, возможны ли и реальны ли душевность и духовность, душевно-духовные связи, душевно-духовные потребности и проявления - для нас нет вопроса. Мы относимся к этому всерьёз. Именно от духовного первоначала, почти религиозной установки, будем считать, зависит способность понять главный смысл чудесной и чудной встречи и возможность оценить её значение для нас всех.

- Вновь упрёмся в семантику слов.

- Надо чувствовать и верить в реальность разных глубин мира, в существование невидимого, тонкого мира в нас и вокруг нас.

- Аура, биополе, ноосфера, карма... Блаватская, Вернадский, Н.Рерих, Альфред Хейдок (кстати, последний тоже харбинец ведь).

- Не стоит кому-то доказывать, что есть мы - телесные, плотские, органические, болевающие-выздоровливающие, полнеющие-худеющие.

- Это совершенно очевидно - физика.

- Также не приходится убеждать себя, что ты есть (бываешь) и духовный. Твоя и наша душа тоже реальна, она проявляется в очевидных и скрытых побуждениях и поступках.

- Особенно когда тяга, стремление, вдохновение, подъём, восторг, любовь, милосердие, ненависть, отвращение - безграничные по содержанию, влиянию и силе чувства. Ими как бы владеют или управляют разные духи. Наши души, не все знают, способны общаться между собой и ещё с Кем-то. В том пространстве мистического общения и взаимодействия у нас имеются посредники. Это ангелы-духи, своеобразная почта или телеграф, моментальная связь. Таким образом, человек существует в бесконечном, более чем многоэтажном, высотном пространстве, именно поэтому сказано, что он вселенски иерархичен, как мир.

- Это уже метафизика. То, что скрыто от внешнего, физического, взгляда, от объективного наблюдения. Можно уловить умным зрением, умозрительно: глубинное чутьё, интуиция, откровение.

- Именно озарение: «Дошло!». В результате напряжённой медитации. Или снизошло благодаря щедрости Духа.

- Вот-вот. Это влияние оккультизма, уставшее сознание, дикий атавизм и ещё оригинальничанье и мода.

- Ладно. Не осознавая до конца, мы стремились на встречу, друг к другу, интуитивно предощущая и тайно надеясь на душевность общения. Разве нет? И нам было хорошо настолько, насколько распахнулись наши души. Мы обменивались и впитывали доброту друг друга, получая её из воздуха, атмосферы. Улыбались один другому, излучая радость. Насколько не разучились и ещё умели это делать. Сколько же было там трепетной ласки в обращении! Мощная энергетика, мне чувствовалось, шла от хозяев. Не забудьте же и Тобику. Помимо всего прочего, им помогала почва и местные духи: дух сосны во дворе, домовый, дух подполья, лестничный, крышный, верандный, кухонный, духи парников, оград и построек, духи почвы, цветов - их много, и у них собственные имена, которых я не знаю. Все они одержимо и азартно поддерживали владельцев, партнёров.

- Фу, это уже даже не метафизика, но бредовая мистификация какая-то.

- Неважно, как это называть. Согласись с фактом: самое явное излучение, или биотоки, исходили и распространялись в общем поле от Игоря и Веры, Ларисы и Андрюши. Так же?

- Это все почувствовали на себе. Или почти все. И другие, гости, в ответ тоже светились улыбками.

- И не было никаких шумов и помех?

- В результате взаимодействия и открытости лиц, индивидуальностей с солнечной стороны своего «я», возникло-таки мощное энергетическое поле, оказавшее благотворное влияние на весь собравшийся коллектив. Это даёт ощущение радости. Такое само собой не происходит. Нужно заслужить благословение, и кто-то должен инициировать, настроить оркестр душ.

- И это произошло. Люди, собравшись, были ведь сообщая счастливы. И в этом главный успех встречи. Я почувствовал в себе и рядом с собой редкую бескорыстность и человечность. Это давало ощущение праздничности, пасхальности.

- Не преувеличивай.

- Личная заслуга инициаторов, организаторов и гостеприимных хозяев заключается в том, что они создали и умело использовали нужную обстановку - уют, благожелательство, радушие, приветливость. Она способствовала и поддерживала дух абсолютной, разлитой во всей природе, в тебе и вокруг, свободы, какой-то невесомости, благодати. Просто райское наслаждение!

- Абстрактно и неконкретно.

- У Игоря, в Шатуре, было, кажется, 19 человек. 19 душ, 19 партий, 19 звучаний, ритмов, такое множество голосов, полифония различных мелодий и ладов, разноголосица мнений. Как же складывался оркестр, как сочетались темы, формировалось и синтезировалось общее настроение? Гармонизировалось биополе.

- Лучше об этом скажут сами участники. Суммарная, смешанная оценка события, подытоживание и общий вывод о своём самочувствии - привычное занятие. И пусть люди этим занимаются сами, смешивая произвольно, как вздумается, всё: материальное и идеальное, плотское и духовное, бренное и божественное, существенное и случайное, объективное и субъективное, знания и мнения, логику и чувства, сознание и интуицию, вечное и мгновения, закономерное и произвольное, здравомыслие и всякую чушь, своё и чужое, трезвое и пьяное, доброе и злое.

- Не слишком ли усложнённая технология оценки?

- Живой человек - существо ограниченное, обременённое, заинтересованное и запрограммированное. Не ангел, не дух, не голос, не фикция. Он замешан не на одной глине и воде, и в нём не только божественный дух - выдох. Человек - случается - взрывная смесь, вечно мятущаяся меж преисподней и небом, иной раз выше, иногда ниже. Обречённые на подъём и падение, люди . . .

- Не наше дело обсуждать их.

Здесь голоса замолкли. Они говорили во мне, разговаривая между собой и со мной. Для меня они духи. Каждый из них как бы чистое мнение, мысль, идея, наблюдение, суждение. Можно их считать и фикциями. Я прислушиваюсь к ним, взаимодействую. Это приводит в движение мою мысль. Худо бедно продвигается осознание случившегося. Пусть то очень разные голоса. Среди них и голос совести, и саркастические духи-критиканы, и разные ангелы, и дьявольские, не исключено. Я не различаю и смешиваю их подчас, отношусь к ним спокойно, равноправно, почти равнодушно, не отдавая ни одному предпочтения. Я и они разной природы, мы несовместимы. Их роль - беспокоить, тревожить. Прислушиваться ли - моё дело. Беспокойные существа, малюсенькие до невидимости, прячутся едва ли не в каждом из нас, таинственно и очень запутанно. Эти идеальные существа-мысли, проявляющие живой интерес к человеку, говорят, спорят, внушают, влияют, имеют характер. Порой некоторые очень навязчивы, напористы. Их неопределенно много, тьма, и они непостижимо разные. Часто они простачки как бы, часто изощренны. Голоса-духи бывают и сильнее, и умнее нас, совершеннее, будучи настойчивы и без комплексов. Всепроникающие духи - всегда и везде, универсалы. Таинственные образы-слухи четко не определимы, и у них много имён. У разных народов и в разные времена назывались по-разному. Этот неведомый мир причисляют к разряду галлюцинаций, к бреду, к предрассудкам, видениям, привидениям, к интуиции, внушению, к откровению, озарению, к совести. Называют и внутренним голосом. Всё это, очевидно, разное и не совсем то. Голоса во мне нет-нет просыпаются, предлагая вновь и вновь очередные версии и формулировки. Я благодарен им за работу.

Встреча, уверен, задела и взволновала всех, кто на неё приехал или собирался и не смог. И в вас живут и соперничают разные мнения и бесконечные со-мнения. Это вполне нормально, когда в вашей душе, в сердце, в сознании нет тишины и молчания. Напротив, если голоса ушли, то именно глухое смирение духа - опасный симптом. Не бойтесь многоголосия в себе, хорового звучания и гармонии цветомузыки бытия.

Вникнув в полифонию суждений и мнений, можно будет подводить первые итоги.

3-7 августа 1996 года у Игоря Цыбулько группой бывших харбинцев отмечался 45-летний юбилей их окончания средней школы. Если оценивать одной фразой, то встреча выпускников харбинских школ, выпуска 1951 года, прошла успешно. Пытаясь понять и оценить её в более широком жизненном контексте и психологически глубже, мы углубляемся в её частности и детали. Стержневым моментом встречи, её несущей конструкцией, остаётся традиционный банкет. Устроители небезосновательно исходили из приоритета и неколебимости проверенного принципа, согласно которому все положительные эмоции зиждутся на сытости, поэтому добрые чувства, разную любовь, на всякий случай лучше пропустить через утробу. Кроме вечного застолья и вместе с праздником желудка, мы испытали также радость душевного общения, делясь воспоминаниями о далёком прошлом и пережитом в той, другой, нашей первой нелёгкой жизни, под названием детство, юность, самая первоначальная молодость - именуемые теперь «школьные годы». Наше обращение к иллюзорному и чистому прошлому - это как бы отчаянный крик в небо: «Спасите нашу душу!».

Однако и после такой исповедальной встречи всё ещё остаются неразрешимые вопросы и сомнения, полные жизненного драматизма и трагизма. Вот наиболее настойчивые из них: «Встреча в условно школьном классе, в призрачном городе навсегда ушедшего, растаявшего детства в конечном счёте тебя обогащает или разоряет, разрушает душу твою?». «Нужно ли было и станете ли вы и впредь стремиться, снова искать и дальше подобной коллективной и символической встречи?». «В состоянии ли она спасти что и оживить дух

прошлого?». Понятно, всякий спектакль, как и жизнь-спектакль, неизбежно проходит, заканчивается рано или поздно занавесом. В этой жизни полно чудес, и она сама чудо. Но нет, невозможны вечная личность, бесконечная личная молодость и нескончаемый праздник, без финала. В русском языке есть таинственные слова: «вечность» и «бесконечность». Хотя всё у нас, на Земле, невечно и конечно. Но зато как удивительно заманчива именно наша земная кратковременность: твоё детство, юность, молодость, зрелость, старость, жизнь течёт, вновь встреча - случай или событие, - прежнее, забытое и возобновлённое знакомство, как воскресение, цветение, та любовь, эта мгновенная жизнь. В каждом её миге остается живая тайна, таинственность, таинство.

Наше воспитание, семейное и школьное, замешано на православии и атеизме. И пока мы, своим светлым сознанием, всё ещё прочно по эту сторону материальности и социальности мира. Ограниченные образованием, окончательными «истинами», слишком очевидными и расхожими. Нам не выйти за пределы достигнутого. Так или иначе, нам не дано понять потустороннее, вникнуть в то, что выше, как покой неизменности, космический дух и беспредел, абсолютно молчание. Нирвана, неподвижная сосредоточенность, буддийская самозамкнутость созерцания, неземное блаженство в отрешённости и медитации - не наш стиль. Странной мотонотностью мироощущения с закрытыми глазами не обольстить нас.

В этот раз мы по-русски страстно и кратко соединились, кинулись друг к другу, встретились со своим полузабытым харбинским прошлым, воскресив себя в нём. Настолько, насколько нам было позволено. Благодарим своего Господа Бога за всё!

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ (касающееся нашей встречи)

8 авг. 96 г. ... Вернувшись, осмысливаю нашу поездку в Москву: Надо ли было, что я получил, что оставил, насколько мы взаимообогатились, если это случилось, что мы упустили и, дей-

ствительно, всё ли было прекрасно, как заявили сегодня Стуковы. Что напишут другие? И, главное, захочется ли нам впредь так встречаться? Возможно ли и необходимо ли повторение подобной встречи? М.М. при расставании между прочим сказала: «Знаешь, самой лучшей встречей у нас была первая, Катина, в Ростове». Что это значит - разочарование?

9 авг., птн. ... Пока не забылось, запишу впечатления от Москвы, Ново-Подрезково, Шатуры. 1 числа у М.М. помню Мару К. и Нину Ст. на кухне - стоят у плиты и жарят котлеты. Огромная кастрюля котлет. Это очень наша пища. Озабоченные лица, нет живости. Тут же, на балконе, сидит незнакомая мне женщина, чистит картошку, тоже много-много. Раньше говорили «на Маланью свадьбу». Будь я внимательней и догадливей, безусловно, признал бы, что это Лора П. Когда, наконец, дошло, мы лобызались. Остальных, включая и Лару К., я уже встречал и потому знал. ... Носим стулья, торт, кастрюли с едой из дома № 6 в дом № 5-А. Не успеваю опомниться, начинается застолье - это Милын день рождения. Там были: Лара и Мара К., Нина Н., Стуковы Г. и Н., Катя, Игорь Ц., Герман П., Лора П., Аня Вартминская, Виктор Масивен, я с Надей и сама виновница. Это всего 14 персон, если кого-то не забыл. Не прибыли: Кулёвы, Ванечка и Катя, Боря Ч., Лоллий Щ., Вова К. М.М. заранее приготовила карточки с их именами.

На другой день встали рано, поехали в М., в Третьяковку. Прекрасный музей получился. В последний раз был там с Лизой на выставке Св. Рериха, где-то в 73 году.

... 3 августа отправились из М. в Шатуру. Там, на вокзале, нас встретили на трёх машинах и повезли к Игорю на дачу. Мы пробыли там, в деревне, три дня и две ночи. К названным выше надо прибавить ещё Веру Игореву, Ларису-невестку и Андрюшу-внука. Милейшее семейство! И из новых гостей: Владимир Иванов, академик, генетик; Георгий Мелихов, историк, автор книги «Маньчжурия - далёкая и близкая»; Мара Зиберг, Зина Кирилова. Всего, если не ошибаюсь, 19 участников встречи.

В урочный час раздался звонок, и мы заняли свои места за роскошным столом во всю длину веранды. Я слева от Милы М. и справа от Юры М. На противоположном конце стола, между Игорем и Володей, красовалась заглавная Нина Н. Почётная,

она произносила трогательную речь. Это был зачин самого торжества. В её голове был готовый текст, и этот план, как мне показалось, сковывал оратора. Голос чуть волновался, и чувствовалась неуверенность начала любого спектакля, до разогрева. Ещё во дворе Нина мимоходом сказала, что после неё мне следует вспомнить о Мирандове. Говорить артистично и сценарно, в заданном ключе и в Нинином стиле, я не умею. Но мне не удалось отказаться от слова.

В перечислении всех имён наших соучеников, рано ушедших в мир иной, была горестная нота. По обычаю, выпили без звона, не чокаясь.

Включенный в протокол, я встал и начал импровизировать о И.А.Мирандове... Так и не успел сказать всего, что следовало. Смысл оборванной речи в общем заключался в том, что ученики незаурядного Мирандова ему признательны и его помнят. Правда, из мною сказанного это прямо вроде бы не вытекало. Надо было это выводить, догадываться и умозаключать, а желания такого и возможности такой не было. Отвлекала, влекла красная икра, другие яства. Я много пил. Раз вступился за Нинутамату - заставил возбуждённую и неуправляемую публику её слушать и ещё кого-то. Говорили больше москвичи - Иванов, Мелихов. А кто ещё?

Получилось то, что хотели. За таким столом невозможна чинная и благовоспитанная обстановка. Голод - не тётка. Внимание рассредоточивается, глаза бегают, взгляды скользят с тарелки на блюдо и дальше - лишаешься остатков пристойности и рассудительности. Вскоре я отключился... Когда вышел вновь на веранду, люди так же сидели за столом, продолжая есть и пить. Всё ещё длился банкет первого дня встречи.

На следующий день Игорь повёз нас - меня, Нину Н., Юру М., и Гошу - на Белое озеро. Вода прозрачная, бодрая. Озеро большое, правильной, идеальной формы. Вокруг леса - величественно. Чудо природы! И на третий день мы снова туда ездили: Игорь, Гоша, Мара Зиберг и я. И опять без Нади.

Вечером устроили костёр. Сидя вокруг него, пели наши песни.

На третий день гвоздём программы, пожалуй, была уха из доставленного кем-то свежего улова. После обеда мы нежно простились с хозяевами и остававшимися - и нас на бешеной ско-

рости Виктор доставил к самой электричке на вокзал. Там ещё оставались Стуковы, Нина Н. и Герман П.

... Это более чем беглый обзор событий. Сколько надо ещё, чтобы исчерпать впечатления: от лиц, мест, виденного, услышанного, продуманного, мимолётно схваченного, промелькнувшего, едва задевшего, от природы, от света, запасов, форм, слов, от недосказанного.

... М.М. звонила, едет в Петропавловск 11-ого, волнуется, боится одиночества в пути и чужом городе.

10 авг., сбб. Начал письмо Лольке и успел написать ему, 1) у кого когда мы были и кто эти мы. Из 19 человек выделил тех, кого видел после Харбина впервые. Это Герман П., Лора П., Мара Зиберг, Зиночка, Г. Мелихов, В.Иванов. И Игорево семейство: Игорь, Вера, Лариса и Андрюша. 2). Сообщил также, что мы делали: застолье, костёр, Белое озеро, приезд, отъезд, интервью. Надо дополнить рассказом об аукционе автографов и о том, что были в Третьяковке. 3). Прежде чем осмысливать и оценивать встречу, пожалуй, следовало бы уточнить, какие мы преследовали цели, какими были планы. Надо бы определить для себя, насколько она удалась. По ходу подготовки цели корректировались и менялись. Трансформация и подмена происходили естественно и незаметно. 4). Люди разные и по-своему воспримут то, что было. Субъективизм неизбежен. И всё же кто-то со стороны, один или совместно, должен беспристрастно сказать, в чём и насколько встреча удалась, что и в какой мере не удалось. 5). Независимо ни от чего, роль принимающей стороны должна быть оценена, по-моему, самым-самым высоким баллом.

Скоро мои одноклассники напишут, как теперь они воспринимают происшедшее. Всё было хорошо, прекрасно. Нам есть что вспоминать и осмысливать сообща - это наша судьба. Не всё в ней до конца ясно. Жизнь в основном прошла как-то, оглянься и подумай. А вдруг получится, хотя это сложно. Чтобы провести содержательное обсуждение, нужно владеть соответствующей методикой. Опыт общения, логика и здравый смысл будут способствовать в подборе, разборе, связывании и обобщении фактов, вариантов, версий, рассказов. Соберись люди заинтересованные и думающие, вроде Тосика Петренко или Юры

Мелихова, для которых осмысление историко-биографических сведений, касающихся Харбина и харбинцев, кажется привлечательным занятием, - и придет нужная настроенность и явится само тактичное умение осмысливать свои и чужие переживания. Такие люди (они были у нас там, я это знаю по письмам мне, в которых полно философии жизни) должны составлять костяк дискуссионного круглого стола и задавать тон. Остальные же способны поддерживать, дополнять, оттенять.

В 1993-ем году я ездил в Ленинград, на III конгресс соотечественников, где встретился с Ниной Н., Стуковыми и др. И там случайно получил адрес потерянного Лоллия. Приехавшие издалека были несколько разочарованы тем, что та встреча была проведена как бы слишком формально. На такие встречи люди собираются и едут с огромной надеждой. Именно поэтому организатором нужно быть предельно щепетильными - до последних психологических мелочей.

Наша встреча в чисто традиционном стиле была совершенно очаровательной и замечательной. Само по себе только лишь собраться - это тоже сложное дело и, пожалуй, важная цель. Сколько было неопределённости и волнений! У нас всё было оплачено: жильё, еда, развлечения и даже проезд, кому частично, кому полностью. Встреча прошла - теперь ответьте на вопрос, стоит ли игра свеч?

... Написал письмо Батищевым. Семейство это оставило яркое впечатление. Легко и дружно они выполняли миссию, взвалили на себя и выдержали огромный груз, делая всё без напряжения, а изящно, играючи. Чисто внешне все они мне бесконечно милы. Каждый из них прекрасен, но особенно в таком наборе, в ансамбле трехколенном. Очаровательна Лариса, любезна и мудра Вера, благовоспитан внук Андрюшка и во главе упряжки коренник Игорь, словно легендарный сказочник, - они прелесть! То, что они сделали, можно вынести раз в жизни. От начала и до конца мы чувствовали любезность и приветливость. Главный урок, полученный у них.

Буду ещё писать М.М., которая тоже ведь вложила душу в это начинание. Она одна за всех продолжит путь на могилу И.А.Мирандова. О ней надо писать отдельно. Её приём существенно усложняет дело. Как всё вместе подавать? Одно дело

для себя, другое - для Лоллия, третье осмысление - для тех, кто был, иначе для сторонней публики, для читателя заинтересованного, малолюбопытствующего, инертного.

О гостях надо бы...

11 авг. вскр. ... В моей памяти прокручивались дни, проведённые в Москве. Про себя вёл разговор с Игорем, к сожалению, в Шатуре не состоявшийся...

Другой мотив, тоже рефлексия: какую речь и как мог бы я произнести, чего ожидала руководящая и направляющая Нина? Это должно быть примерно так: «И.А.Мирандов, светлой памяти, - мало сказать, талантливый, уникальный учитель словесности и мудрости, он от Бога, Учитель с большой буквы. Такого другого у нас и в иных школах города - хочется сказать, во всём окружении - не было, ибо это уникам, личность исключительная. Он оказывал на нас мощное психологическое и энергетическое воздействие. Он влиял на наше сознание и подсознание, стремясь вылепить из нас, очень разных, противоречивых, сложных, часто недоношенных в смысле культуры и воспитания, - людей полноценных, не ограниченных, не примитивных, не заурядных, но с духовым огоньком внутри. Увлекаясь, он увлекал нас. Зажигал, сам пылая. Теперь-то я понимаю, что он не просто был высокообразован и знал теорию риторики, стилистики, поэтики, мастерски владея сам высоким ораторским искусством. Вероятно, он был от природы мощным экстрасенсом, как сказали бы сегодня, и развил в себе эту врождённую способность до совершенства. После Мирандовских уроков нам досталась в другой школе очень вялая и сухая литература, конспективные книжные стереотипы, не на чем задержаться мысли и никакой радости. В выпускном классе, после И.А.Мирандова, пошли однообразно-серые занятия, без восторга - зрелище жалкое.

Всего только год - 9-ый класс - я был в Мирандовском классе, в его студии, в непосредственном поле его влияния. И никогда, больше нигде, пожалуй, не испытывал ничего подобного тому вдохновению и увлечённости учителя. То была исключительная педагогика, очень светлая, и я назову эту систему и установку педагогикой радости и праздника, духовного подъё-

ма. Всем своим обликом и стилем поведения, манерой держаться с нами на уроке и вне класса, своим благородством и аристократизмом как бы демонстрируя антишаблон, непохожесть ни на кого, только собственное лицо. Мирандов исподволь, ненавязчиво, играючи, без назойливости и менторства, мастерски прививал нам творческое первоначало и литературную культуру в восприятии окружающей жизни. И в своём мироощущении, восприятии и переживаниях, мы продолжали потом двигаться в иллюзорной жизни, кто дольше, кто меньше, именно этим пассионарным толчком, его энергией, бесконечной инерцией. Его влияние на нас продолжается, если и через столько лет мы все восторженно помним и, надеюсь, беззаветно чтим намять нашего Игоря Александровича. Редкая и счастливая участь учеников и их духовного Учителя. Действительно, он «памятник себе воздвиг нерукотворный».

Тогда там, за торжественным застольем, я не сказал этого. Мог бы произнести речь и высоким слогом. Но всему своё место и своё время. Мы должны сообща выпустить для себя «Мирандовский сборник». Достойно есть - ученикам культивировать в себе опыт и память об исключительных учителях, как Мирандов. В природе и в школьной рутине такие ведь чрезвычайно редки. Те, которые на вершине (за вершиной) самобытности и отточенного, филигранного совершенства.

11 авг. М.М. отправляется в Петропавловск-Казахстанский, на могилу И.А.Мирандова.

Приходится сожалеть, что не дали возможности и не проявили интереса, чтобы всем или многим, рассказать о своём понимании судьбы и сегодняшней нашей жизни. Если нас ещё тянет к встрече и общению, то разве это не ради просветления сознания и воссоздания забытого. Позади нас, в дымке прошлого, кажется, были какие-то горизонты. А мы бежали вперед...

Память избирательна, капризна. Запоминается и вспоминается то, что тебе было важно и интересно или почему-то стало таким. Отражая былое, воспоминание говорит многое о самом рассказчике: не о том, о чём идёт речь, а о том, кто ведёт речь. Именно из-за неизбежной субъективности взгляда памяти и своеобразной индивидуальности сказовой стилистики мемуарные сведения воспринимаются не дословно, как строго доку-

ментальное свидетельство о времени, событиях и людях. У мемуаров иной смысл, это другой шифр.

Удивительно ведь, как и почему что-то далёкое харбинское, начала и середины пятидесятых, осело и притаилось в давно заброшенном пустыре сознания или в неведомой, таинственной, глубине меня. Вообще-то я избегаю эксплуатации памяти, и она отдаёт мне то, что сама пожелает. Сообща мы с ней раскрашиваем по-своему картинки прошлого, образы и представления, которые остаются.

Не дерзаю я и не претендую на то, чтобы вникнуть и объяснить И.А.Мирандова. Вряд ли это возможно. Однако хочется понять себя хотя бы, проявить и показаться рядом и на фоне чудного человека-явления. Думаю, что он, как никто другой из нас, значителен, масштабен и эпохален. Таких не забывают. Полвека, целую жизнь, поголовно все его ученики вспоминают и помнят эту незаурядно личность.

Каким был И.А.Мирандов, это мы видели и как бы сами знаем. Звучный, красивый, праздничный, неожиданный, вдохновенный, поэтичный - маэстро и мастер своего дела, он один, увлекая за собой учеников, составил подлинную школу гуманитарных знаний, через которую прошло несколько поколений харбинских учащихся. Это Мирандов внешний, в движениях, в реакциях, в повседневности, в поведении, видимый. Это важно и близко нам и, конечно, нельзя забыть. Собрав воспоминания многих и разных лиц, могли бы создать своеобразный коллективный портрет учителя, восстановив в памяти, каким он был и как вёл себя в тех или иных обстоятельствах. Каким он нам запомнился.

Труднее понять человека внутренне. В какой же мере он был раздвоенным и противоречивым, насколько он, общественный и публичный, отличался от самого себя наедине с собой, в тишине одиночества? И каким же он был в действительности? Каковы истоки его природы, откуда у него весь тот неуёмный потенциал, который нас пленил? Мы ведь почти ничего не знаем из его биографии, о его родословной. Впрочем, как и дальнейшей его судьбы. Как бы случайно там встретились в жизни...

И.А.Мирандов - фигура символическая, как мне кажется. Важная для понимания русского Харбина.

23 авг. 96 г. Встреча, кто-то скажет, чтобы видеться с одноклассниками, - это элементарно, поверхностно, слишком само собою разумеется. На самом же деле, в глубине, даже пусть не каждый осознаёт и признается, встреча притягивала нас к себе по разным и многим причинам, явным и скрытым, осознаваемым и нет.

Так или иначе каждому человеку интересен прежде всего он сам, его жизнь, его судьба, его успехи и упущения, его собственные достижения и промахи. Это частное, личное, но связанное с другими, лучше видишь на фоне общего и по сравнению с тем, что рядом, что могло бы быть. И поэтому: «Как мы прожили жизнь? Как прошла наша жизнь?». Далее вопросы замыкаются на ещё более общем, упираются в вечный, философский вопрос: что есть жизнь, в чём её смысл? Не в отвлечённой и умной формулировке, а просто, через собственные переживания, сквозь призму прожитого тобой. Причём жизнь ещё и продолжается.

Хотелось услышать других, близких в чём-то по началу жизненного пути, чтобы понять, что же они ныне чувствует, чем живут и как объясняют себя, судьбу и жизнь вокруг... Именно этот интерес к жизни, к знакомству, новым переживаниям - в глубине - вёл нас на встречу. Не так ли?

... Жизнь - как комната, ограниченная стенами, или, по представлениям А.Белого, тюрьма. Стены могут быть стеклянными или расписанными картинами. А мы, жильцы, воспринимаем то, что видим, и только... Переживания и понимание картин жизни различны, они бывают примитивными и куцыми, глубокими и сложными. Но жизнь всегда останется загадкой. Однако сам процесс ощущений и отгадывания таит в себе прелесть - от твоего деятельного приобщения к непостижимому чуду. Оно чуть приоткрывается тебе иногда. Частью чуда-жизни является любовь и мн. др. Она интересна - как личное испытание и как предмет осмысления - тайна, которая вряд ли до конца открывается. Дети и внуки - тоже часть нашей жизни. Родина. Культура. Искусство. Язык. Специальность. Быт. Кухня. Власть. Война и мир. Нации. Наконец, Бог и Дьявол, Душа, духи, истина, ложь... Так вопрос жизни разлагается на части, как свет на спектры. Что-то мы все видели и поняли в Харбине и, вернув-

шись, переживали чужбину и ...Да, да, согласен, что встреча - не дискуссионный клуб...

Мелькают обрывки образов, фраз, заключений. Приходила мысль, что надо предупредить других: «Дорогие харбинцы, не стремитесь к большим встречам. Неизбежны разочарования. Вряд ли получите то, чего неясно ждёте». Танцую с Марой К. во дворе дачи, на асфальте, она мне: «Вовка, какие мы все старые». Тоже мнение. Присматриваюсь: мы изменились, но каждый остаётся на себя похожим.

А ЧТО ПОТОМ И ЧТО ПОТОМ?

После встречи мы, ее участники, стали выше, добрее, душевнее. Встреча всех нас зарядила. Мир кажется богаче и ярче, красочней.

Вернувшись в Харьков, сразу же написал благодарственное послание семейству Батищевых и сердечное письмо М.М. - Миле Мельниковой. В том, что наша общая встреча состоялась и как славно она прошла, их заслуга исключительна, её не переоценить. Именно наши «москвичи» стали центром собирания разных земель. Они были наиболее решительны в отстаивании идеи проведения такой встречи в этом году. Каждый из них по-своему взял на себя ответственный груз материальных и душевных затрат, проявляя такт, щедрость, виртуозное умение и организаторские склонности.

Таинственны эти люди. Нет большей радости, чем обнаруживать человеческие достоинства в ближнем. Праздник души и идеализм возвышают человека, не дают опуститься на дно. Мы вспомнили себя на миг харбинцами.

ЭПИЛОГ

Костёр вдруг вспыхнул, разгорелся, жжёт пламенем. И сгорает дотла.

Сон заканчивается пробуждением. Праздник обрывается - за ним снова тянутся будни, обыденность. Чары также не бывают вечными или слишком продолжительными. На смену им приходит трезвость, равновесие, успокоение, нередко усталость, похмелье и разочарование.

Пока опьянён, очарован и - держу, не отпускаю того мгновения, продолжая грезить встречаей со всеми вами. Вот дочь спрашивает меня: «Сказала Надя, ваша встреча через 5 лет собирается в Черноглазовке. Так ли?». И вновь кое у кого ответ мой вызывает скептическое недоверие. Если трезво, возможен ли столь отстранённый энтузиазм в мои-то годы?

Время непостижимо истекает из необъятного океана под названием Прошлое. Переваривает через едва уловимый миг Настоящего, Падает в пропасть иллюзорного Будущего. Если хотите, в прямо противоположном, обратном, движении: из будущей тайны через условную линию - пограничье - сегодня, тут же уходя в песок неясного прошлого. Над бездонностью и без страховки, жизнь - миг равновесного колебания на самом гребне переката.

Мы собрались и двигались вверх, на восхитительный перевал встречи. Это было чудо!

25 сентября 1996 года.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ.

(Из записной книжки)

• В целом я не жалею, что летом 1993 года ездил в Ленинград на III конгресс соотечественников, т.к. там я встретил кое-кого из своих харбинских знакомых: Мусю Шошину, Таню Лысцову, Лиду Картузову, Иру Джан, ещё человек десять, которые казались мне как бы когда-то известными. Познакомился вновь ещё с несколькими интересными мне лицами, однако всё это мимоходом и поверхностно. Все очень разные были. Зачем же мы там собирались?

При более внимательном общем взгляде можно было бы заметить некоторую растерянность или разочарованность собравшихся людей: словно бы не встретили чего-то важного и не оправдались их ожидания. В ресторане устроили нэповский фуршет, со строем официантов, с ностальгической эстрадой, с бодряческими танцами и вкраплениями импровизаций, выступлений. Это мероприятие, слишком смешанное, проходило сумбурно и очень шумно. Никто никого не слушал, все разом говори-

ли, стоял сплошной гвалт, беготня, суета, хаос. При такой неорганизованности и сумбуре, приводящих к неудовлетворённости многих участников, что естественно, есть серьёзная опасность, подобные встречи харбинцев потеряют всякую привлекательность и притягательность. Уверен, что следовало бы найти особенный смысл и соответствующую форму и овладеть-таки искусством, мастерством, техникой, не знаю, как лучше назвать, проведения радостных и содержательных собраний-встреч. Исходя из понимания того, что это очень даже не обычное, а серьёзное дело. Иначе - разочарование и крах.

Безусловно, III конгресс мог-таки быть богаче содержательно. Такой, каким он случился тогда - чуть конъюнктурный, немного показной, без сердца, - не оправдал трансконтинентальности перелётов, о чём было прямо заявлено прилетевшими из Австралии. Думается, больше они не клонут на приглашение встретиться. Но на ошибках надо учиться, и нам следовало бы для себя сделать выводы, заметив явные просчёты, которые всех нас задевают так или иначе. Кто-то из организаторов должен-таки стать профессионалом, или менеджером, чтобы уметь делать как следует это незаурядное дело, весьма своеобразное и многоплановое. Даже простейшее профсобрание можно провести по-разному. А тут много больше сложностей и ответственности - встреча харбинцев, даже не личная, а символическая, связывающая настоящее с прошлым. И люди собираются из самых разных мест, едут издалека с надеждой. И потому разве не нужно быть инициаторам щепетильными до мелочей?

После той встречи-конгресса в Ленинграде прошло три года, и вот у нас новая встреча, более интимная и частная, в Московской области - встречаются бывшие одноклассники, тоже харбинцы. Встреча через 45 лет назначена в Шатуре.

В аналитическом обзоре шатурской встречи группы абитуриентов харбинской школы, по-видимому, следует сформулировать конечные - ожидаемые, или прогнозируемые, - результаты, а также и реальные результаты; надо подвести итоги, разобрать и перечислить, что же мы в конце концов получили (из запланированного), что мы имеем в конечном счёте, на выходе. Конечное - полученное в итоге - разберём и разложим по полочкам. Оценим, насколько же значимы все эти случившиеся результа-

ты (для кого именно, для чего, имея в виду, конечно). Выясним, какими средствами и способами были получены основные те результаты или коллективные достижения. Наконец, итоги можно и нужно соотнести с первоначальными замыслами и планами. И таким образом нам проще и яснее будет осознать, чего же мы достигли в действительности, ответив себе со строгостью бухгалтерского отчёта, чего и как мы добились в итоге, а чего нет. Таким был бы ретроспективный обзор и анализ сложного и желанного коллективного действия и ответственного поступка. Приглашение на участие во встрече, надо понимать, есть чрезвычайное обольщение, едва ли не такой же значимости, как сватовство или предложение. Правда, поводы совершенно разные, однако психологически и нравственно ответственность за поступок в столь различных случаях всё же соизмерима. За свой порыв и жест в этих делах мы несём ответственность впоследствии.

И эта вторая моя встреча, у Игоря, в чисто традиционном плане и стиле, можно сказать, была замечательной. Для некоторых, однако, всё же и тут не хватило чего-то. Чего же именно? Вопрос в том, что же это за дефицит? Предусматривался, предполагался ли он изначально или же это не планировалось вовсе? Если и в замыслах того не было, то выходит, и можно утверждать, что всё нормально, по плану. Если же мыслилось, планировалось, но не вышло или недополучилось, то это дело другое. Тогда надо думать: почему же то не вышло, не случилось. Конечно, всегда что-нибудь не получается или не так получается, как хотелось бы. Итак, деятельность определяется целесообразностью, целенаправленностью, намерением, сознательностью.

Интересно, была ли у нас определённая тема и как формулировались цели и задачи. Мы пожелали встретиться, чтобы ... что? Само по себе только лишь собраться - это тоже сложное дело и важная цель. Сколько на пути было неопределённости и волнений! Очень хотелось осуществить общий замысел, без его уточнения и конкретизации. Мне это понятно. Получилось кое-кому из энтузиастов дорогое начинание. Несмотря ни на что, встреча-мечта осуществилась и наши сборы прошли. Теперь пора ответить на вопрос: игра стоит свеч? Расходы на встречу распределялись неравномерно среди его участником. Интерес-

но, какой убыток понёс Игорь и сколько затратила Мила и, главное, как они сами теперь к этому относятся? Не моё это дело? Или это касается всех как-то? Мне стыдно, что я не заплатил за себя. Мысль об этом пришла поздно.

• Кто только не рассуждал о том, что есть жизнь. Несмотря ни на что, человек, вечно скупаемый любопытством и влечением к тайне, никак не приблизится к окончательной глубине смысла и знания, никак не удовлетворится ни практическим, ни философским решением вопроса, зачем она, какой ей должно быть, отчего всё это. Мы отмечаем банальные ответы и не воспринимаем должным образом религиозные доктрины земной и вечной жизни. Мы перебираем версии, все убогие, ничего существенного из объяснений не приобретая и не впитывая, кроме усиления беспокойства и тревоги. Очевидно, тема жизни, как и тема Бога, - изначально и во веки веков закрытая для нашего понимания тема, запрещённая, нам неподвластная, т.к. они, жизнь и Бог, больше нас. Но велик соблазн как-то приобщиться к знаниям, и змей-искуситель вечно провоцирует грешного человека узнать божественную тайну бытия. Запретный плод сладок: нам не терпится раскрыть все основы таинства и чуда. Без каких бы то ни было богоборческих и дерзких идей и устремлений, напротив, смиренно, мне хотелось бы хоть что-то, хоть малость самую, понять в зигзагах и путанице, просчётах, ошибках, грехах, преступлениях одной своей собственной жизни, если таковая была, есть, возможна. Но ведь всё же что-то моё в жизни, какой-то произвол, воля, самобытность, самостоятельность, каприз, имеется или же и вовсе ничего личного нет, за что надо, придётся отвечать? Совесть хотя бы у меня своя или тоже чья-то, общая, временно данная мне в пользование, напрокат?

В свое время Андрей Белый писал весьма изобразительно о главном: «Жизнь - замкнутая отовсюду комната. Тут мы с рождения до смерти заключены, как в темнице. Перед нами только стены, и никто, наверное, не скажет, что находится за ними. Мы все в одном положении. Видим одно. Знаем одно. Но разнообразно отношение к этому, единому для всех, содержанию жизни.

Мы можем говорить, хотя и заключены в тюрьму, из которой только смерть - выход, что стены темницы стеклянные. И раз-

вёрнутое перед нами содержание жизни - то райские, то адские картины великого Мастера - находится по ту сторону прозрачных стен. И чем глубже наши переживания, тем больше черт мы сумеем увидеть в развёрнутой панораме.

Мы можем думать и то, что стены нашей темницы вовсе не прозрачны, а разнообразные картины жизни - только фресковая живопись, покрывающая стены. Всё это не там, а здесь, с нами. Мы можем тогда изучать свойства красок и род живописи, которой раскрашена наша жизнь.

Нам доступно ещё иное отношение к жизни. Когда мы открываем сердце тем картинам, которое вокруг нас, мы можем не задаваться вопросом, где они развёрнуты. Нет нам нужды скоблить стены нашей тюрьмы в надежде, что отстанет слой краски, покрывающей эти стены, или горевать о том, что краски не отстают, и стало быть, они за стенами, а стены прозрачные: мы можем любить эти картины жизни независимо от их положения только потому, что они - содержание нашей души. Относится ли это содержание к сущности или видимости - всё равно: мы любим всё это, а разве любовь спрашивает? Разве она требует документов? Мы любим. Любя, выражаем»¹. Трудно понять себя и жизнь, свою жизнь, вообще жизнь.

Разве вам не интересны все те, кто может что-либо понять в жизни и рассказать о себе и о других, в жизненных коллизиях, обстоятельствах, причинных связях. Невыдуманные рассказы и осмысление собственной жизни у одних могут получаться лучше, у других хуже, однако, пожалуй, все имеют свой повод и основание творчески изложить частный взгляд относительно пережитой реальности, некоей последовательности и логике фактов хотя бы одной биографии. В таком изложении, вероятно, не всё было бы объективно и достоверно. Однако всё сказанное нами о судьбе по крайней мере было бы символично. Слушатели, конечно, всегда по-своему понимают и интерпретируют разные и всякие сообщения. И мы бы переварили информацию. К сожалению, В.Иванов, Мара З., Зиночка и др. незнакомцы остались для меня *terra incognita*. Когда ещё будет другой повод узнать их? Я не стал здесь богаче знанием и пониманием жизни. Ведь именно интерес к жизни, к знакомству, к новому переживанию - в

¹А.Белый. Чехов // Весы. - 1904. - №8. - с.1

глубине - прежде всего и вёл нас на встречу. Не так ли?

Почему же мы ни о чём не поговорили? Не обсудили сообщая и всерьёз вопроса, как же протекала или складывалась наша жизнь здесь, к чему же мы пришли в итоге, насколько этот результат может быть связан с прошлым, если в чём-то всё как-то взаимообусловлено, ведь что-то мы переняли у своих предков и что-то да оставляем потомкам, понятно, что эти зависимости и вероятные закономерности вызывают тревожный интерес духа и озабоченность сознания. Словно младенцы-немовлята, мы всерьёз не задумались, будто нас на земле, там и тут, в прошлом и настоящем ничто не задело и не задевает до сих пор, и мы не прошли свои скитания - у нас не было нашего харбинского и советского «Детства, отрочества, юности» или же «Детства, в людях, моих университетов». Слышу, как мои оппоненты, страшящиеся публичного обсуждения проблем обустройства личной жизни или, лучше сказать, избегающие исповедальных размышлений, противясь, мне вновь возражают, заявляя, что «встреча - не дискуссионный клуб» и не академия. А я то, отвечаю им, если у встречи-собрания, как в Шатуре, должна быть особенная организация и структура, соотношение определённых целей и соответствующих ролей и сюжетов, то сценарию и режиссуре этого спектакля - Встречи - и не хватает обычно именно «клубного» духа, коллективистского дерзания, конкурентного и альтернативного поиска даже и не истины, а каких-то ответов. Невозможно поверить, что собравшимся издалека и за столько-то лет больше импонируют банальные фразы, скольжение ни о чём, замешанные на нечленораздельном чваканье, кряканье, жёве, глоте, шуме застолья. Послушайте, дайте же слово полноценное Зиночке, Маре З., Юре М., Володе И., да и нашим тоже! Здесь, на встрече они могут случайно и неожиданно проговориться или промолчать. Если нам повезёт, мы услышим или уловим какую-то важную нам всем тайну нашей общей судьбы. Мы связаны друг с другом довольно крепко: вначале, там, и в конце, здесь - это как бы двойной узел получился, не правда ли?

Итак, можно сравнить эти две встречи: ленинградский конгресс соотечественников и шатурскую встречу выпускников 51-ого года. Эти обе встречи, 93-го и 96-го годов, собирали харбинцев.

- Своё оригинальное представление об общей и личной жиз-

ни и своё понимание таинственных человеческих способностей и задач преобразования жизни были детально описаны аскетом и библиофилом А.Ф.Фёдоровым, который спорил и расходился в этических воззрениях на жизнь и с Вл. Соловьёвым, и с Львом Толстым, и со всем здравомыслящим научным миром. Но зато как это одержимо и незаурядно! И, главное, сколь фантастично-нравственно, богочеловечно - жизнь, направленная на воскрешение прошлого, наших отцов и предков. Говорю об этом чуде, чтобы подчеркнуть вечную и безграничную свободу мысли человеческой относительно самых главных вопросов бытия и существования человека на нашей планете, в малом и большом пространстве. У каждого из нас своя жизнь, своя судьба, своя биография, своё видение и ощущение себя в мире, своя картина мира, своя воля к жизни, своя любовь к ней, какое-то предназначение и некий путь, как-то пройденный.

Моя жизнь и судьба - это, по-моему, как палочка, веточка, камешек, песчинка, соринка, малая капля в мощном водопаде, в бурном вале и потоке, в реке, несущейся неудержимо в сторону вечного океана, всеобщей жизни, преодолевая пространство, расстояния, препятствия, обходя препоны. По течению, по стремнинам и разным протокам, с разной скоростью и силой нас всех несёт туда, в неведомость бездонную, куда мы все сливаемся. Что может знать об этой огромности и бесконечности тот самый комочек, когда его только вынесло по запрудам или фарватеру первой и случайной речки? У нас была мутная и полноводная Сунгари, у самого города Харбина.

Считается, что после пятидесяти все мужчины и некоторые женщины, даже если и не становятся зацикленными философами, склонны к размышлениям, к обобщению того, что прожито, преодолено, к осмыслению пройденного, пережитого, испытанного, того, что ушло, что было: как? почему? зачем? только так? насколько это ладно? кому это было нужно? почему я здесь? что ещё остаётся? Все эти и подобные им вопросы - и есть философия собственной жизни: насколько случившееся было неизбежно и заранее обусловлено, в какой же мере я попался или, напротив, выскочил, благодаря удаче, ловкости, умению, расчётливости или из-за невезучести, своей глупости, лени и пр. Осмысление пройденной и испытанной каждой жизни -

трудное и непривычное дело, наука, назовём её возрастной философией. Пусть не все одинаково склонны к философии жизни, тем более не всякому хочется этим заниматься, однако рано или поздно каждый дозревает до состояния и потребности вопрошания и критической оценки случившегося.

Понятно, что моя жизнь связана с другими жизнями. И в конечном счёте со всем миром, с космосом, с бесконечностью, Мой малый мир (круг) вписан в больший и ещё больший, и их диаметры пусть несоизмеримы между собой. Моя жизнь, таким образом, сложно и многократно окольцована, и понять её отдельно, саму по себе, очень трудно. Но и всеохватно всё постичь тоже невозможно. Такова диалектика, вечное противоречие целого и части. И в этом трагедия, в нашей малости, мизерности, микроскопичности в огромном и беспредельном мире. Стремление преодолеть трудности жизни, выживания, мой крест, по христианской терминологии, дают мне стимул и вдохновение разуметь, вникать, думая и существуя. Осмысливаемая жизнь - это занятие, которое не я выбрал, а которое застало меня и заставляет собой заниматься. Я не могу, не в силах, не включаться в осмысление того, с чем связан, к чему приписан, прикован таинственными цепями. Речь идёт о судьбе и воле. Конечно, не все одинаково склонны только лишь философствовать и теоретизировать о своей жизни и судьбе, измышляя мифические образы и картины жизни. Есть ещё другой закономерный стиль жизнедеятельности, который связан с методом практических проб и ошибок, и им пользуются испытатели-прагматики. Это, пожалуй, более надёжный путь накопления собственного опыта и материальности. Тот или иной путь люди выбирают (или их выбирают), соответственно склонностям и складу души. Кто-то или что-то ещё, вероятно, также определяет русло и течение твоей жизни. В этом много неясного, непонятного, и нет точной науки обо всём этом.

• Мне вдруг как-то вечером подумалось, что неудовлетворённость после встреч, которая оседает в душе некоторых, надеюсь, немногих, объясняется только тем, что за эти годы - 40 с лишним лет! - мы изменились и разошлись основательно, едва ли не окончательно, и теперь нас прежних уже нет и нас всех уже не соединить и не склеить - мы другие. И всё приходится

начинать опять с самого начала. А это трудно.

• Во всех этих вышеизложенных своих рассуждениях о жизни, о судьбе, о пути, блужданиях и ошибках, об идеалах, ценностях, мне кажется, я делаю попытку - верно ли, нет ли - подражать некоторым авторитетам и влиятельным учителям своим. Почему-то сейчас мне представляется, что И.А.Мирандов, мой подлинный школьный наставник, поддержал бы меня в этой своеобразной литературно-критической стилизации (подражаниях), поощрив эти тяжеловесные поползновения мои разобратся в своей жизни, как в литературном произведении. На уроках литературы И.А.Мирандов старался научить нас мыслить, анализируя образы, сюжеты, историко-культурную обстановку, связывая с действительностью, средой, традициями развитие личности, особенности характера, волю и дух, видя в литературном творчестве и художественном вымысле и отражение, и модель жизнь и считая великую литературу, русскую и зарубежную классику, энциклопедией действительности и учебником жизни. Я же здесь, напротив, дерзаю осмыслить и проанализировать маленький кусочек жизни, опираясь на методологию и практические навыки критического разбора большого литературного текста. В свое время именно И.А.Мирандов не раз демонстрировал искусство литературоведческого анализа и философской трактовки жизни, отражённой в творчестве великих русских писателей.

Прошу меня извинить за категоричность и самонадеянность, но я именно так себе представляю, что в таком же ключе или даже ещё в более религиозном смысле, обобщая систему разноречивых фактов, выстраивая их внутреннюю логику, связывая дальнее и горнее, низкое и высокое, наш мэтр, будь он с нами, включился бы сам в главный и серьёзный разговор. И как это было бы поучительно, увлекательно, завораживающе и изысканно. Что бы он сказал и как?

• Теперь, пожалуй, я б попробовал провести специально харбинскую деловую игру. В ней должна быть чётко сформулированная цель и ещё, наряду с озадачиванием или проблематизацией, ясность в понимании механики психологического взаимодействия участников, или «игроков», в целенаправленном коллективном творчестве, сотрудничестве, соучастии (знание

средств решения поставленных задач). Безусловно, в составе и структуре корпуса участников такой интеллектуальной «игры» должны быть личности, лидеры, направления, цепочки, линии связей, гипотезы, варианты, конкуренция взглядов и версий, а также элементарные навыки рассуждений, полемики, логики, определённая культура и этика. Перечисленный набор качеств и средств хотя бы на первый случай. Дальше придут согласование и корректировка целесообразной деятельности структурированной команды, с распределением ролей в коллективной игре. Итак, непременным условием встречи должна быть определённая постановка задач, выбор соответствующих средств и методов, приёмов и обязательное общее стремление получить какой-то результат, солидарность в поиске вопросов-ответов. Конечно, это возможно лишь в случае, если претендовать на целесообразность деятельности, на её осмысленность и плодотворность. Если это урок жизни. И в случае, если повезёт и если всё удачно сложится, получится, то на волне удачи, энтузиазма и творчества возникнет вдохновение и в конечном счёте придёт результат: может быть, мы поймём себя чуть лучше, узнаем прожитую жизнь чуть глубже, расширим свой ограниченный кругозор новыми переживаниями, чужим опытом, незаурядным смысловым пространством.

Там у Игоря мы с Надей заявили, что встреча-50, если состоится, пусть будет у нас. Надюша сразу посчитала с восторгом: «Мне тогда будет 17 лет!». Вряд ли той встрече суждено быть... Но если придётся, то будет встреча харбинцев, а не соучеников только. На первый день будут приглашены лишь те, кто, лично заинтересованный, захочет участвовать в круглом столе, в разговоре, в воспоминаниях, в анализе, в обобщении, т.е. собравшиеся посвятят время и направят усилия на решение определённых задач. Будут ставиться и разрабатываться сообща некоторые цели, исследоваться факты, сопоставляться версии, в сравнении вариантов находиться объяснения. Важно направить в единое русло творческий процесс и как-то организовать дискуссию, условно по харбинистике, координируя и связывая монологи, диалоги, полилоги, так или иначе всем по возможности работая на общую сверхзадачу. И только лишь после такой - назовём её интеллектуальной - работы, напряжения

мысли и памяти, аналитической работы, я пока не знаю её специфики, а потому и точного названия, после совместных усилий сформулировать вопросы, наметить решение, чтобы получить некие ответы, наконец все пользуются досугом и заслуженной радостью удовлетворения духовных потребностей. После получения какого-то результата следует весёлое застолье. Именно к этому моменту пусть собираются все чистые любители поесть, выпить, поболтать за столом и повеселиться сообща. Это замечательное дело, однако всё же иное и одностороннее, не в обиду никому будет сказано. При таком подходе - мы разделили секционные и пленарные заседания (первые - рабочие, деловые; вторые - застольные, праздничные, пищеварительные) - уже не будет притеснения ничьих интересов и достигается почти равноправие духовных идеалистов и материалистов-традиционалистов, таким образом приходим к совмещению и гармонизации различных устремлений и желаний. А иначе что получается? Склонности и потребности у людей, естественно, разные. Одному хочется, невтерпёж, пропустить поскорей стопку и закусить икоркой, слюнки текут. Естественно, он недоволен, если ему кто-то мешает получить быстренько вожделенное удовольствие, затягивая пространный рассказ о былых взаимоотношениях со своим кумиром-учителем (надо же такое!). Здравый смысл говорит, что разных людей, носителей несовместимых интересов и идеологий, целесообразно было бы разделить. Просветителей-философов и нормальных, здравомыслящих гурманов надо развести по разным углам, чтобы они не смешивались и не мешали один другому. Следует всегда думать о совместимости людей в одной упряжке и компании - серьёзная психологическая проблема. Оказывается, просто харбинцев - само по себе это слишком неопределённо ещё. Харбинцы были и остаются очень разными, они всякие, какие угодно, хоть и есть у них общая черта - они харбинцы. Конечно, далеко не все философы, не все поэты или стихолубы, тем более бизнесмены, или политики, или историки, или даже патриоты, или богопослушные и верующие. Это частные грани, и их у харбинцев, как и у нехарбинцев, бесконечно много самых разных. Слава Богу, харбинцы тоже такие разноцветные. В той или иной мере и мы вовсе не идеально круглые. И всё же при естествен-

ном и резком несовпадении и различии встречаются и собираются, если такое случается, люди, у которых должно быть какое-то внутреннее сходство и совместимость интересов. А иначе зачем же встречаться-то?!

В какой-то глубине объединила нас судьба, земля, география, влияние среды, культура города, традиции, воспитание, школа и, конечно, люди, личности влиятельные, запоминающиеся. Хотя всё это выветривается, но что-то и задерживается на тебе ведь. Если же совсем ничего не осталось от прошлого в твоей памяти, полный склероз, амнезия, то человек туда не возвращается, забыт путь - и нет вовсе проблемы: не в чем копаться и разбираться тоже не в чем.

• Среди моих земляков есть славные люди. И разные они. О гостях и участниках харбинских встреч надо бы писать трезвее и строже, наверное. Боюсь, как бы мы, действительно, не потеряли стыд и совесть, своё достоинство. Не слишком ли много в нас настаивается и чванливости, и простоты, которая, по поговорке, хуже воровства бывает. Критика и самокритика (какие слова-то устаревшие), безусловно, не ласка, кто же их терпит. И всё ж, видеть, замечать неприятные черты в себе необходимо. Шустрость, как и ловкость, если и не милы, то во всяком случае простительны и как бы даже естественны в детстве и, может, ещё в юности, в ней задерживается детство, бывает. С возрастом, однако, ловкачество начинает всё больше походить на бестактность или невоспитанность, оно сродни с нахальством, с наглостью, случается. Грань бывает зыбкой. Грубость и вульгарность (один стиль) следует отличать от непосредственности и амикошонства (тоже стиль). Передо мной психологическая задача: сказать то, что явно и очевидно, о своих товарищах и чтоб их не обидеть. Трудно, если у человека, с которым ты общаешься, нет культуры и воспитания - бескультурье и невоспитан,- как и в случае, если у него перебор, или излишки, самомнения и зазнайства. Бывает же ещё и гремучая смесь, когда и того и другого с избытком.

Присмотревшись к публике, чувствую: все мы, действительно, очень изменились внешне, но в то же время ведь и не меняется личность, душа, внутренне каждый остался самим собой: Катя есть Катя, Лара есть Лара, Мара есть Мара, Мила - это

Мила, Нина - Нина. Их никогда не спутать. Присмотрись внимательно, увидишь, узнаешь, вспомнишь. Все мы были, так и остались разными, это неизбежно и хорошо. Отправляясь на подобную встречу - по земляческому принципу, - не обольщайся заранее и будь бдителен. Чудо происходит подчас, но оно не беспредельно, не безгранично. Оно, восторг и прелесть, чисто человеческое и земное. И этого должно быть более, чем достаточно нам. В чём же чудо? В том, что мы живы и через столько десятилетий нашли силы встретиться, узнали кое-что и кое-кого. Значит, на сей раз нам повезло!

Во взрослом и солидном коллективе нетерпимы ни анархия, ни самовольство, ни эгоцентризм. Коллективность и собранность держатся на единомудии и солидарности, на взаимности и сотрудничестве, и тут важен стиль, манера, терпимость и доброжелательность - этому учит нас культура, некое социальное устройство психологического совмещения и взаимодействия разных лиц-личностей и рода, коллектива, общества, улицы, механизма согласования и примирения интересов и социальных ролей Я и МЫ, единственного числа и множественного. Научиться продуктивно жить рядом и вместе очень важно и трудно, хотя человека разноречиво воспитывают быть покладистым и вежливым семья, школа, жизнь. В этом воспитании немало спекуляции, ханжества и насилия, однако выходит так, что без него, без культуры, без духовного благородства и изящества нельзя. Без чуткости и милости, без изыска и щедрости - то уже иной способ существования и выживания, то особенный стиль базара, барахолки, толпы, с мощными локтями и первобытными инстинктами. Кажется, что в человеке глубоко или же не очень сидит зверёк или зверь, у кого в клетке, у кого на цепи, у кого без сдержек и ограничителей. Это и есть культура, противовес природе, как стихия и норма. Такая получается диалектика: естественное - искусственное. Наши, речь о русских, попавших в Америку, любят посмеиваться над американской улыбкой, ненатуральной, неискренней. А для нас превыше всего именно эта мистическая искренность. (Очевидно, именно то, чего нам более всего недостаёт, раз оно столь желанно; было б вдосталь, разве стали бы так обращать на это внимание? Не замечали б). Иной раз даже представляется, что мы как бы от-

даём предпочтение массовому хамству доморощенному, ибо оно-то уж от души, от всего сердца, самое искреннее, природное, натуральное. Такая милая непосредственность, глубокая, душевная, наша русская искренность, сердечность, не то что заморская лживая учтивость. Это очень устойчивый взгляд на культуру разных народов, древняя мифология, конечно, очень примитивная. Вот мы и продолжаем всё грубить один другому с чувством достоинства, усвоив, что грубость и прямота (врубить!) - вовсе даже не порок, а наша национальная, народная особенность, просто мы, как наши предки, такие откровенные: говорим, что думаем. И думаем - что говорим, что говорится. Процесс огрубления нации, демократизация духа имеет свои причины, весьма существенные и значимые, и всё это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Нужно предвидеть и последствия, которые будут, явятся они неизбежно и незамедлительно, нам же на голову. Безапелляционность, нахрапистость, скандальность, «благой» мат, блатной стиль - всё это кому-то нравится и всё больше культивируется, прививается. Я рассуждаю здесь, как ханжа. Честно сказать, не разберусь никак, что же хуже бывает: ханжество или вульгарность, благочинность или инстинкт. Как совместить природу и культуру? Не умею чётко сформулировать ни вопроса, ни тем паче ответа, чтобы стало ясно, что меня беспокоит и почему, что меня задело так. Очевидно, есть какая-то обидная неудовлетворённость, очень спрятанная и неявная, но беспокоящая, как заноза, которой не видно. Что-то важное мы пропустили, не выполнили как следует задачи, тем самым упростив нашу встречу, чудится мне всё время. Видимо, слишком серьёзно я отношусь к словам: «45 лет окончания школы». Ну, приехали на день рождения к Миле - никаких претензий, ездил же я на день рождения к Маре, к Кате, всё нормально. Ехал бы с удовольствием и радостью просто в гости к Игорю - и там один восторг: роскошно, красиво, радушно. Но на сей раз ведь у нас был особенный повод, и мы невольно брали некие моральные обязательства, даже не высказывая всего этого. Вот с этим идеализмом, с высказыванием и оформлением корпоративной идеи, мы не вполне справились. Не получилось на этом должного акцента. Мы отвлеклись, увлеклись обстановкой, быстренько переключились, забыв и ос-

тавив то, ради чего мы как бы собирались. Это случилось ещё и потому, что никто не знал, как именно, с какой тщательностью и глубиной собравшиеся на встречу в состоянии ещё обращаться к прошлому. Вряд ли мы отчётливо осознаём, в какой мере мы сегодня в чём-то ещё связаны со школой, с тем Харбином, с первыми, самыми яркими, переживаниями в жизни, пролетевшими куда-то с годами. Оказывается, не так просто отдать дань своему прошлому, отдать честь своим учителям и членораздельно вспомнить бывшее, связывая дела и годы в осмысленный текст своей биографии и судьбы, для этого нужно суметь собраться и сосредоточиться. Нас никто этому никогда не учил, биографике или судьбологии, и мы ничего не смыслим в этом, хотя не можем не подозревать, что в миграции, эмиграции, реэмиграции, в хождениях по мукам есть что-то, какая-то тайна, какой-то вопрос, и разве нам это вовсе не интересно. Будь нам безразличны все эти перемещения в пространстве, географическом, культурном, социальном, политическом, духовном и ином, искали бы мы друг друга с таким интересом и беспокойством: ведь хочется знать, где и что ныне со всеми нашими. А?

• Ведь могли бы мы в качестве итогового документа встречи сообщая, согласовав и отредактировав, принять «официальную» резолюцию, или «Обращение» ко всем нашим бывшим соученикам по харбинским школам, выпускникам 1951 года, примерно следующего содержания: «Через 45 лет после окончания нашей школы - IV Советской, или же, в просторечии харбинском, Розовой, на Коммерческой улице - собравшись в г. Шатуре Моск. обл., мы с нежностью и огромной признательностью вспомнили свою харбинскую юность, учителей и всех своих соучеников, разбросанных по всему свету. После долгих лет разлуки постепенно, слава Богу, мы стали находить в разных городах и странах друг друга. Нельзя не порадоваться этому. Шлём дружеский привет всем, кто учился с нами тогда и помнит об этом, желаем им в жизни радости и здоровья. Надеемся ещё на встречу через пять лет.

Батищевы-Цыбулько, Вера и Игорь. Кукульские, Лариса и Мария. Кириченко Н., Левитский В., Мельникова М., Некрасова Н., Поначёва Е., Полькина Л., Пузанов Г., Зиберг М., Кирилова З., Иванов В., Мелихов Г., Стуков Г., все чис-

токровные харбинцы, а также Лариса, Андрюша, Надюша, наши люди».

Конечно, могли сочинить, но не дошли руки. Материалы надо готовить загодя. Надо было также составить анкету и провести опрос. Правда, у нас остался кое-какой зримый след - фотографии и видеосюжет небольшой, это ценно для нашей истории, уже архив какой-никакой.

- ... И всё-таки встречаемся мы для чего-то, с какой-то целью, не просто так. Это важно понять и подчеркнуть. Это надо разобрать и истолковать, ибо назначение встречи - не само собою разумеется. Вопрос довольно сложный и спорный. В нём есть очевидное и безусловное, но также и неявное, скрытое и таинственное. Встреча со своим прошлым - разве это не мистика?! Встретились ли мы с ним, удалось ли нам это, не знаю. Но подспудно такое поползновение с нашей стороны ведь было, что бы вы сейчас, задним числом, об этом ни говорили. Хотелось же как-то, каким-то чудом, увидеть себя в той, далёкой-далёкой, юности.

Что там, в юности, было? Что там осталось, что забылось? И нельзя ли что воскресить в воспоминаниях, восстановить в памяти, вновь испытать переживание и почувствовать давнее прошлое? Что же сохранилось в нас от того времени, что сбереглось и насколько же мы несокрушимы, устойчивы и прочны? Ну, не за тем же мы ехали на встречу, чтобы смотреть и увидеть, какими мы все стали старыми. Нет, это слишком примитивно и банально, для этого никуда не следует ездить. Сиди у себя дома. Не надо разносить вирусы скепсиса, бациллы пессимизма. Полезней и здоровей - удивиться и обрадоваться: «Есть ещё порох в пороховницах!». Не думаю, чтобы кто-нибудь всерьёз собирался демонстрировать дерзость безрассудного сопротивления неумолимому времени. Хотя для человека вообще свойственно бодриться и не сдаваться ни миру, ни обстоятельствам, ни року. Особенно упорен и чувствителен к издержкам возрастного перевоплощения прекрасный пол.

- ... Духовность и душевность - это разное. Духовность нельзя заменить душевностью, как и наоборот: душевность не подменяется духовностью. Бывает ведь общение духовное и общение душевное, что совсем не одно и то же. Сравните также: духовная беседа и душевная беседа. Батищевы, Вера и Игорь,

оказали нам, действительно, душевный приём, сердечный, искренний, дружелюбный. И, безусловно, не духовный.

Прежде всего благодаря хозяевам наша встреча получилась добросердечной, радушной, радостной, милой. В ней проявились чудные душевные свойства. И это важно было подчеркнуть. Нас щедро потчевали, угощали и угождали, чем можно и как можно. Труднее ответить на вопрос, насколько эта встреча оказалась содержательной. И не проявили ли мы себя в ней людьми слишком беззаботными и легкомысленными. Говорят, что особенно я хорошо вошёл в роль школьника 51-ого года.

• 24 авг. 96. Думая о Мирандове, вернее, неожиданно его вспомнив:

Настоящий учитель всегда ведь впереди учеников. По определению - учитель учит, - иначе какой же он учитель: чему научит? Естественно, ученикам он не во всём и не окончательно понятен и доступен. Учитель учит учеников на опережение, про запас, с расчётом, что потом, придёт время, дойдёт. Важно сделать так, чтобы дух и внушение сохранились в душе и в памяти других. Дух Мирандова - его имя, его репутация, его авторитет.

Конечно, есть разные люди, разные все. И учителя, и ученики - люди - разные очень. Подлинные таланты редки как среди учителей, так и среди учеников. К тому же эти роли - кто учит, кто учится - относительно и временны. И вполне совместимы, и заменимы. Не заметили, как мы, едва подрастали, из учеников превращались сами в недипломированных учителей. Одни в самом прямом смысле, как Герман Пузанов или там многие из нас, устроившись преподавателями русского языка в китайских вузах и школах (Стуковы, Катя П., Мила М., Ванечка К., Власов В., Мара К., Лоллий Щ., Миша Пляскин, Лора П., я и многие другие). И в переносном смысле абсолютно все - обзаведаясь семьёй и детьми, которых надо не только растить, кормить, но и воспитывать примером и словом. Так мы входим в роль воспитателя, со стихийной методикой. Понять и признать качественное различие учителей трудно. Увидеть и уловить своеобразие и оригинальность Мирандова-учителя - дело непростое для нас. Дано ли это нам?

И.А.Мирандов был у нас учителем словесности, русского

языка и литературы. На самом деле был он там, пожалуй, больше, чем школьный учитель. Для русского Харбина на исходе он - фигура символическая и представительская. В нём мы чувствовали истинный смысл и олицетворённое величие родного языка, русской литературы, всемирной культуры. Тогда и там, в условиях глухой заграждённости, униженности и ущербности именно такой внешний, словесный пафос и красивое звучание высоких слов и мотивов гражданственности яркой литературной личности и социального типа ученикам особенно импонировали, ибо именно такая идеологическая подпитка была особенно необходима и важна подросткам, для национально-патриотического самоопределения и самоутверждения. У Игоря Александровича, как ни у кого, была виртуозная и заразительная способность передавать ученикам космический заряд творческого духа. Теперь я иной раз думаю, что наш Мирандов, помимо всего, был магом и талантливым мистификатором. Он, играючи, манил нас в мир своих грёз. Надеюсь, он был вполне сам искренен.

Впоследствии, уже полвека, мы могли испытать на себе, увидеть и понять многое в действительной жизни, не воображаемой и не литературной, разобраться правильно ли, нет ли, как-то встроившись в неё, принимая по-разному там всё то, что происходило с нами и вокруг нас. В этой жизни, общей и частной, всегда есть всё, что нужно и не нужно: зло и добро, беды и радости, нижняя и верхняя бездна, рутина, обыденность, серость и праздник, восхищение, движение и застой, борьба, поиск и поражения, находки и потери, восхождения и падения. Всем дано испытать многое и почувствовать подъём и упадок, воодушевление и равнодушие, очарование и разочарование жизнью, окружением и собой, системой, строем, устройством, порядками. Мы растём, приспособляемся, меняемся, а жизнь наша всё складывается из кирпичиков каждодневности будней и праздников от случая к случаю. В этой череде дней, событий, знакомств, влияний личность Мирандова, как никого другого из школы, из корпуса штатных учителей, осталась в нашей памяти совершенно удивительным и незаурядным происшествием, вдохновенным и влиятельным образом, такими бывают пророки. С этим, пожалуй, согласятся едва ли не все, кто тогда там у него учился: на своих уроках он проповедовал, по накалу стра-

сти его речь не назовёшь иначе, чем проповедью.

На его уроках литературы в 9-ом классе очень искренне и лично звучала тема Родины, нам всем это было близко, и учитель покорял нас своим осмысленным чувством, давая образцовым словом столь нужную молодости пищу для роста и формирования духа. На уроках мы с интересом впитывали его проповеди патриотизма.

• «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?». «Но какая же непостижимая тайная сила влечёт к тебе?» (Н.В.Гоголь. Мёртвые души). Именно такой пафос культивировался там у нас на уроках русской литературы, и это находило благодатную почву в наших душах, устремлённых к восклицательным - победным! - знакам. Мы все ощущали в себе зов, и не было никакой тревоги, был подъём духа, энтузиазм, комсомольский порыв, слишком «барабан», как сказал бы Борис Зайцев.

Приведённые выше фразы Гоголя, такие романтические и артистические по манере и звучанию, завораживающе-таинственные, мистические по смыслу, очень кстати и уместно здесь было вспомнить. Их настроение согласно и созвучно нашему взгляду на мир. Словно бы Гоголь, и не один он, специально придумывал для нас или писал о нас, злой волей заброшенных и окончательно забытых где-то «на сопках Маньчжурии». И тогда, и сейчас - тогда особенно, сейчас уже, пожалуй, меньше и иначе, - нас всех ведь очень тревожило и волновало слово «Родина», и все мы, вместе с Гоголем и Мирандовым, были живыми участниками таинственного процесса мифотворчества, став жертвами, инвалидами, калеками чисто религиозной идеологии и фанатизма. В назойливой и громкой рекламе подспудно скрывается чья-то корысть и спекуляция, и в большой политике не чураются злоупотреблять ни низкими страстями, ни высокими словами. Нас вечно чему-нибудь учили и воспитывали, хитро вдалбливая в сознание разный бред и разную чушь. Время от времени менялись пластинки. И поделом нам, если до конца мы так и не стремимся ничего уразуметь в идеологии, целях и средствах влияния, давления на сознание и эксплуатации личности. Не понимая, мы останемся более тёмными, и это жаль. Родина, диалектика и динамика её осмысления нами всеми - там тогда и

здесь теперь, - важный, но частный сюжет встречи, который мы обошли и промолчали. Что об этом говорить?! Как об этом сказать? Это ведь детский вопрос, тема для школьного сочинения.

• Нет стройной линии и последовательности изложения, и никак не допишу свой текст о нашей шатурской встрече. Оказалось, что это столь крепко завязанный узел, нити многих судеб хитро сплетены. Невольно мы вошли в опасную зону воспоминаний, или оживления прошлого, которого как бы уже нет, - а есть археология и восстановления теней. Читать других всегда проще, т.к. чтение как повторение более пассивно, и ты, читатель, ни за что не отвечаешь. Сказать самому, тем более написать, сложнее и ответственнее, ибо сочинение, припоминание или выдумка, есть уже активное действие: многое приходится преодолевать самому в себе, в мыслях, в слове, - и не вяжется всё же письмо как хочется, как следует. Поди вспомни и опиши, каким был ты и твои одноклассники, учась у Мирандова и др., если это было не вчера, а полвека назад. Насколько это «тогда» вообще всерьёз? А насколько «сейчас» - это более реально, только лишь потому, что голод и боль эту чувствуешь?

• Помню, как нас учили в школе и мы привыкали к тому, что Родина, хрестоматийно, по Симонову, - это «касясь трёх великих океанов, она лежит, раскинув города» (жуткая безвкусица казалась магической поэзией - и сильно действовало!), а дальше ещё пуще и несуразней: «Вся в чёрных обручах меридианов, непобедима, широка, горда». Мерещились волшебные картинки такого же достоинства кинохроники: необъятные природные богатства, величие и оптимизм, много техники невиданной. Родина становится пустым словом, без глубины, без души. Нет общей души - нет народа, нет и Родины.

Теперь всё чаще думаю, что декларативный патриотизм легкомыслен и никчем. С литературной точки зрения такие подделки - это халтура, чистая конъюнктура, спекуляция на чувствительности и дурном вкусе. Паразитируя на безвкусице и неразвитости, агитки уродуют душу, засоряют мозги чувством чванливости и исключительности, ожесточая сердце, разделяя и направляя людей друг против друга.

Затронь мы эту вечную тему и заговори теперь на встрече по

душам о том, что стало и осталось от Родины, пожалуй, не нашли бы уже общего языка. Так мы разошлись по жизни и изменились внутренне: у кого ещё сохранился запас идеализма, кто стал больше циником, кому это всё безразлично, и «не колышет» уже. Должно, общий потенциал иллюзий у нас, как и в целом обществе, заметно снизился. Кроме Родины, России, русскости (Мы - наши), очевидно, были у нас со школьных лет и другие идеалы и ценности: преданность, дружба, свобода, порядочность, достоинство, культура, честь и др. Представления о них длительно и трудно формируются и согласуются, апробируются, обкатываются, обсуждаются, меняются. В переломный момент истории, когда происходит крушение прежней идеологии, что же стало с человеческими маленькими идеалами? И никто нам пока не объяснит ничего, кроме нас самих.

Чем больше коллектив, чем больше собрание, тем больше шума и меньше возможностей что-нибудь осмыслить и понять. Для проникновенного понимания себя необходима тишина и сосредоточенность. Однако, всё же мне кажется, сообща можно уловить и почувствовать общие болевые точки, чтобы быть шире, сравнить опыт, расширить горизонтальный обзор жизни.

- Теперь понимаю, что мне подспудно хотелось, чтобы на встрече все мои соученики в целом были мне дороги и интересны. Не боялся встретить их постаревшими - это знал и был готов к этому. Но не хотелось найти их разбитыми, опустошёнными, жалкими. От встречи желал и ждал эмоционального прилива, конечно, не отчаяния, но оптимизма и бодрости. Сам бодрился и очень надеялся на подтверждение того, что все мы здесь состоялись в нашей жизни, что бы мы тут ни выбрали для себя. В этом моём стремлении был какой-то спортивный азарт, упорство, упрямство. Это можно объяснить. Именно поэтому больше всего мне понравился успешный и удачливый Игорь. И другие москвичи. Это люди, как показалось, довольные своей судьбой. Вероятно, есть все основания для уныния, но ни к чему нам «плач Ярославны», не поможет.

Итак, мне хотелось радости и жизнелюбия, а вовсе не жалоб на жизнь. Я сам знаю достаточно, какая она у меня лично, это моё дело. Совсем запутался: то работы жаждал, то весёлого праздника. Посредством шатаний я постепенно приближаюсь

к определению того, что мне там было нужно, чего я ждал, хотел. Легче сказать, чего не хотел.

• В каждом человеке, если задуматься, в его сокровенной глубине в той или иной мере брезжит лучик фатализма, какой-то предопределённости его судьбы, кажется иной раз, что не настолько уж мы независимы и свободны от фатума или некоей верховной воли. Уже одно то, что ты родился и живёшь - по большому счёту разве это от тебя зависит. Также фатально и то, где и когда ты появился на этот свет. И национальность дана нам сверху, мы сами её не выбираем. Принадлежность к полу - такая же таинственность. Кто-то наделяет каждого человека определёнными склонностями и способностями. Заранее мы не знаем своей судьбы, не ведаем, что в жизни нас ждёт впереди. Не случайно же говорится, что пути Господни неисповедимы. Если непросто предугадывать, предвидеть, прогнозировать будущее, в нём есть тайна, то к своему прошлому, к уже случившемуся, происшедшему должно быть иное отношение. Прошедшее время хранит богатый и разнообразный опыт, если его осмысливать. На ошибках учатся. Грехи искупаются раскаянием.

• 9 сент. 96. «У Блаженного Августина есть замечательная фраза: «Где же ты теперь, моё детство? Ибо не может быть, чтобы тебя нигде не было». С этими же словами мы, может быть, обращаемся ко всему дорогому, ко всему хорошему, что было когда-нибудь в нашей жизни, обращаемся с такой горечью, потому что больше его не видим, и с такой надеждой, что, может быть, когда-нибудь увидим опять» (Сергей Фудель. Воспоминания. - «Новый мир», 1991, 4, с. 203).

• Не случайно же разные люди всё пишут и пишут, раньше и теперь, свои мемуары. Воспоминания - очень распространённый жанр литературы. Интересно было бы в нём разобраться. Что же вспоминают люди, как, почему, зачем это и кто чаще всего эти мемуаристы? А ещё есть дневники, особенно модные прежде. Своеобразный контролёр совести, может.

• Перемещения физические, во времени (возраст) и в пространстве, - поездки, путешествия, переезды, наконец, как наиболее радикальное, эмиграция, - стимулируют обмен веществ и чувственные (эмоциональные) «перемещения» в сознании, а также и нравственные движения. Мы видим мир и в нём себя и

других с разных сторон, в различных ракурсах. Всегда интересно послушать бывалого человека. Особенно значимы личные впечатления и собственные наблюдения. Что же мы пережили в Харбине и что от того сохранилось в памяти, насколько это кому важно ещё? Кое-какие отдельные эпизоды вспоминаются ведь то случайно, то неслучайно. Можно ли их как-то упорядочить?

1996

* * *

Статьи, собранные в этом издании, были написаны в разные годы. Некоторые из них пролежали в столе много лет, и они настоены сомнениями. Знакомый философ хотел выяснить, для кого же предназначается публикация. Отвечаю убеждённо, что книга для харбинцев, т.е. для избранных. Прошу вас извинить меня за трудный слог, сложность и иные несуразности. Не каждому даётся лёгкость, тем более изящество, изложения. Когда я вдруг заговорил о языковедческом содержании харбинистики, меня также не очень-то поняли коллеги. У них весьма устоявшиеся профессиональные взгляды. Мне уже даже не хочется убеждать кого-либо в том, что в этом словосочетании есть-таки действительный и конкретный смысл. Родной внук, Женя Ямпольский, без которого я не справился бы с подготовкой рукописи к печати, тоже задал мне «коварный» вопрос: «А причём тут, скажи, пожалуйста, счастье?». Ну, как же... Эмигранты - это обычные люди. И эмиграция - тоже жизнь.

Вероятно, и читателю захочется что-то сказать. Мнения и должны быть своенравными и шершавыми, иначе то не совсем и мнение. Особенно ценно, интересно и полезно живое и вечное со-мнение. На этот счастливый случай адрес моей «редакции»: Украина. 310111. Харьков. Ул. Тимуровцев, 68, кв.128. И второй адрес: Украина. 310082. Московский проспект, 192/1, кв. 54.

Предложение о проведении работы по созданию Фонда «Харбин».

1. Обоснование необходимости создания Фонда «Харбин».

В результате известных исторических событий сотни тысяч харбинцев оказались оторванными от родных мест и друг от друга. Траектории их жизни выглядят пучком, расходящимся из одной точки пространства и времени. Эти траектории всё больше удаляются как от начала, так и друг от друга. Часть из них уже оборвана.

Как прожили свои жизни и как живут сейчас эти люди, разделённые временем, пространством, границами, недостатком информации и материальными трудностями? К чему пришли они, стартовав в одном месте и в одно время? В чём нуждаются? В духовной ли поддержке или в материальной помощи?

Всего лишь за время одной человеческой жизни могут быть потеряны как актуальность этих вопросов, так и возможность получить на них ответы. Также во многом может быть утрачен бесценный опыт уникальной общности, какую представлял Харбин.

Разорванные пространством и временем, харбинцы не потеряли духовного единения. Некоторые из них переписываются, перезваниваются, приезжают друг к другу, создают землячества харбинцев, организуют встречи, в том числе и международные.

Со временем становится всё более ясной необходимость организационных и финансовых усилий по поддержке этих связей.

Представляется актуальной задача создания общественной организации, объединяющей харбинцев во всём мире.

Форма, в которой может быть создана эта общественная организация - союз, землячество, фонд и т.п., во многом будет определяться юридическими и налоговыми нормами страны её регистрации. Для дальнейшего изложения примем, что это будет Фонд.

2. Цель создания Фонда:

материальная поддержка харбинцев и связей между ними.

3. Задачи, решаемые Фондом:

- поиск и установление связей с харбинцами во всём мире;
- определение структуры потребностей харбинцев как общности;
- определение необходимости, формы и размера материальной помощи в каждом конкретном случае;
- оказание помощи, включая организацию и контроль;
- поиск источников и привлечение финансовых средств.

4. Структура Фонда.

Представляет собой центральный орган и систему представительств (или филиалов).

Центральный орган концентрирует в себе функции руководства Фонда.

Представительства Фонда осуществляют деятельность Фонда в рамках отведённых им полномочий в определённом регионе мира.

Такие представительства могут быть открыты в регионах:

- страны СНГ;
- страны Западной и Центральной Европы;
- Дальний Восток;
- Австралия;
- Северная Америка;
- Южная Америка.

Кроме того, должны быть, видимо, охвачены деятельностью фонда и регионы Ближнего и Среднего Востока и Африки.

Представительства могут осуществлять следующую деятельность:

- через средства массовой информации и активистов Фонда «Харбин» искать и устанавливать связи с харбинцами;
- создавать и пополнять банк сведений о харбинцах, проживающих на подведомственной территории, включая их нужды, просьбы и предложения;
- осуществлять через другие представительства и центральный орган поиск информации о родственниках, друзьях, знакомых, местах их погребения;
- осуществлять при необходимости организационную и финансовую поддержку издания мемуарных, документальных и художественных произведений харбинцев, создания кино- и телепроизведений о Харбине, проведения выставок и т.п.;

- осуществлять юридическую поддержку прав харбинцев, в том числе прав наследования;
- организовать медицинскую помощь, в том числе консультации и лечением у известных специалистов, устройством в пансионы, восстановительные центры;
- оказывать материальную помощь;
- участвовать в издании и распространении информационных материалов Фонда
- осуществлять поиск источников и привлечение финансовых средств в Фонд;
- отчитываться перед Фондом по результатам деятельности.

5. График проведения работ по созданию Фонда.

Создание Фонда может быть осуществлено в четыре этапа.

I этап.

Инициирование деятельности:

- создание инициативной группы;
- выработка концепции;
- разработка пакета учредительных документов.

II этап.

Легализация деятельности:

- регистрация Фонда;
- открытие представительств.

III этап.

Развёртывание деятельности:

- аренда помещений;
- приобретение оргтехники;
- установление связей между представительствами, с центральным органом;
- установление отношений с администрацией страны пребывания, с общественными организациями;
- разработка методических основ деятельности в соответствии с местными условиями.

IV этап.

Функционирование:

- вход в стабильный режим.

Сроки выполнения этапов могут быть следующими:

Этапы	I	II	III	IV
Сроки	1-3 месяц	3-6 месяц	6-9 месяц	9-12 месяц

Таким образом, на настоящий момент, представляется возможным создание Фонда и обеспечение начала его работы ориентировочно в течение года. Однако на этот срок может повлиять большое количество факторов.

В их числе:

- юридические нормы создания подобных организаций в стране, где он будет регистрироваться;
- состав учредителей;
- возможности привлечения средств.

6. Смета затрат.

Затраты могут быть разделены на затраты на создание Фонда и на его функционирование. И те, и другие зависят от большого числа факторов и могут быть определены лишь после выработки концепции. Можно лишь предполагать, что затраты представительств, которые будут выполнять основную работу, могут включать содержание штата из 2-3 человек, аренды помещения небольшой площади, затраты на приобретение и эксплуатацию компьютера, средств связи и оргтехнику.

(Составил В.Е.Васильев)

Kharkov University

0 001663 7 5

(14) clo-1 ✓

